

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНО-КООРДИНАЦИОННЫЙ ЦЕНТР

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ:

факты, тенденции, прогноз

**Журнал выходит по решению руководителей экономических институтов РАН
в Северо-Западном федеральном округе:**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра Уральского отделения РАН (Республика Коми)

Институт экономики Карельского научного центра РАН (Республика Карелия)

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН
(Мурманская область)

Вологодский научно-координационный центр Центрального
экономико-математического института РАН (Вологодская область)

Редакционный совет:

- академик РАН **В. Л. Макаров** (Москва, Россия)
член-корреспондент РАН **В. Н. Лажнецов** (Сыктывкар, Россия)
д.э.н., проф. **С. Д. Валентей** (Москва, Россия)
д.э.н., проф. **М. А. Гусаков** (Санкт-Петербург, Россия)
д.с.н., проф. **Г. М. Евелькин** (Минск, Беларусь)
д.э.н., проф. **В. А. Ильин** (Вологда, Россия)
проф. **М. Кивинен** (Хельсинки, Финляндия)
д.э.н., проф. **Ф. Д. Ларичкин** (Апатиты, Россия)
д.э.н., проф. **А. И. Михайлушкин** (Санкт-Петербург, Россия)
д.т.н., проф. **А. И. Шишкин** (Петрозаводск, Россия)

Главный редактор – В.А. Ильин

Редакционная коллегия:

К. А. Гулин (зам. главного редактора), К. А. Задумкин, Г. В. Леонидова
М. Ф. Сычев (зам. главного редактора), А. Е. Творогов
Т. В. Ускова, А. А. Шабунова

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

МАКАРОВ
Валерий Леонидович
академик, академик-секретарь
Отделения общественных наук
РАН, директор Центрального
экономико-математического
института РАН

ИЛЬИН
Владимир Александрович
доктор экономических наук,
профессор, директор
Вологодского научно-
координационного центра
ЦЭМИ РАН

ЛАЖЕНЦЕВ
Виталий Николаевич
член-корреспондент РАН,
директор Института социально-
экономических и энергетических
проблем Севера Коми научного
центра Уральского отделения РАН

Маркку КИВИНЕН
профессор, директор
Александровского
института Хельсинского
университета

ВАЛЕНТЕЙ
Сергей Дмитриевич
доктор экономических наук,
профессор, руководитель
Центра экономики
федеративных отношений
Института экономики РАН

ЛАРИЧКИН
Федор Дмитриевич
доктор экономических наук,
директор Института
экономических проблем
им. Г.П. Лузина Кольского
научного центра РАН

ГУСАКОВ
Михаил Александрович
доктор экономических наук,
профессор,
и.о. директора Института
проблем региональной
экономики РАН

МИХАЙЛУШКИН
Александр Иванович
доктор экономических наук,
профессор,
ректор Санкт-Петербургского
государственного инженерно-
экономического университета

ЕВЕЛЬКИН
Георгий Михайлович
доктор социологических наук,
профессор, директор Института
социологии Национальной
академии наук Беларуси

ШИШКИН
Анатолий Иванович
доктор технических наук,
профессор, директор
Института экономики
Карельского научного центра
РАН

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

доктор экономических наук,
профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
директор ВНКЦ ЦЭМИ РАН

Уважаемые читатели!

Первый номер нашего журнала выходит в то время, когда в Российской Федерации декларирован переход к новому этапу развития. Его содержательные цели и задачи представлены В.В. Путиным в выступлении 8 февраля на расширенном заседании Государственного Совета «О стратегии развития России до 2020 года». Отрадно, что в выступлении обозначены приоритеты развития, на которые научное сообщество многие годы пыталось обратить внимание вертикали власти. А главное, отмечено, что развитие человека — это основная цель и необходимое условие прогресса современного общества. Это и сегодня и в долгосрочной перспективе наш абсолютный приоритет.

Заявленные цели развития страны на ближайшие 12 лет не могут не вызывать одобрения у большинства российских граждан. Однако пока нет развернутого ответа, каким образом будут достигаться стратегические задачи? Какими методами и формами они будут реализовываться? Опираясь на мнение большей части населения и во благо этой части или по сложившейся уже практике всевластия и «самодостаточности» бюрократии и крупного бизнеса?

Новое стратегическое развитие страны вряд ли возможно без активного обсуждения различных точек зрения ученых и практиков на процессы, протекающие во всех сферах жизни общества, на пути и механизмы решения актуальных проблем. Редакционный совет и редколлегия журнала намерены сделать его одной из заметных площадок решения этих проблем.

Учреждение нового журнала было одобрено большинством руководителей экономических институтов РАН, расположенных в Северо-Западном федеральном округе. Одной из предпосылок,

подготовивших такое решение, была совместная работа этих институтов в течение последних десяти лет. В частности, период 2005 – 2007 гг. был отмечен слаженной работой по проведению мониторинга социально-экономического и социально-политического положения в регионах Северо-Запада. Объединение усилий позволило получить уникальную базу данных (при весьма скромном финансировании), дающую возможность в динамике оценить изменения по ряду индикаторов социально-экономического самочувствия основных слоев населения, тенденции перемен качества управления в регионах.

Данный опыт убедительно показал возможность и целесообразность расширения зоны совместных исследований экономических институтов РАН, расположенных в Северо-Западном федеральном округе. Каждый институт мог бы стать головным исполнителем тех направлений, по которым сформировались наиболее активные научные школы.

Свои конкретные задачи в реализации стратегии развития Российской Федерации до 2020 г. учредители журнала видят:

- в научной разработке конкретных планов действий по всем представленным направлениям;
- в анализе процессов, происходящих в экономике, в социальной сфере, обществе в целом;
- в создании системы индикаторов мониторинга достижения поставленных целей на всех уровнях управления;
- в разработке прогнозов по узловым сферам развития страны и регионов.

Кристаллизация на страницах журнала результатов научных разработок институтов РАН и высшей школы, обобщение опыта руководителей и специалистов управленческих структур и бизнес-сообществ будут способствовать активизации позитивных процессов в развитии страны, ускорению модернизации российского общества.

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора	3
Приветствие вице-президента РАН академика <i>А.Д. Некипелова</i>	8
Приветствие Губернатора Вологодской области <i>В.Е. Позгалева</i>	10

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

<i>Макаров В.Л.</i> Плановое начало – важный фактор оптимизации развития экономики	11
<i>Лаженцев В.Н.</i> Динамика социально-экономического развития Республики Коми	18
<i>Дидык В.В.</i> Тенденции и перспективы социально-экономического развития Мурманской области	36

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

<i>Валентей С.Д., Хабриева Т.Я. и др.</i> Проблемы формирования местных бюджетов и муниципальной собственности	49
<i>Ларичкин Ф.Д.</i> Комплексное экологосбалансированное использование природных ресурсов – основа развития регионов Севера	58
<i>Туинова С.С.</i> Перспективы прогнозирования энергопотребления на Севере	70
<i>Июгман Л.Г.</i> Стратегия диверсификации экономики региона	78
<i>Ускова Т.В.</i> Развитие региональных кластерных систем	92

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

<i>Шабунова А.А., Рыбакова Н.А., Чекмарева Е.А., Морев М.В.</i> Региональные особенности смертности населения	105
---	-----

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения населения Северо-Западного федерального округа: 2005 – 2007 гг.	117
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Семинар по денежно-финансовым проблемам современной российской экономики (Вологда)	124
Семинар по проблемам инновационного развития Северо-Западного федерального округа (Санкт-Петербург)	126
Международная неделя «Балтийский бриз» (Финляндия)	127
Summary	128
К сведению авторов	130

**Александр Дмитриевич
НЕКИПЕЛОВ**
академик,
вице-президент РАН

**Уважаемые читатели и авторы нового журнала!
Уважаемые члены редакции и редакционного совета!**

Выход нового научного журнала всегда был и останется одним из наиболее знаменательных событий в жизни сообщества ученых и тех, кто внимательно и заинтересованно следит за прогрессом в науке и всячески содействует ему. Серьезный журнал дает замечательную возможность для поддержания и развития творческих связей ученых и практиков, позволяет привлекать широкую аудиторию к дискуссии с целью выдвижения научных идей, проверки существующих теорий, выработки предложений и рекомендаций, относящихся к использованию результатов научной деятельности.

Издание нового научного журнала является в то же время одним из признаков позитивных перемен в отношении власти и общества к науке, как одному из важнейших социальных институтов. Растет финансирование науки, повышается заработная плата ученых, проходят важные институциональные преобразования в научной деятельности. Заметен рост востребованности научных разработок со стороны бизнеса. Увеличиваются запросы на экспертную деятельность ученых. Это связано, в том числе, и с общим изменением ситуации в экономике страны: появилась стабильность, долгосрочное планирование. Становятся нужными перспективные прогнозы, базирующиеся на фундаментальных и прикладных научных разработках.

Решая одну из своих главных задач — научно обеспечить поступательное развитие отечественной экономики, Российская академия наук устанавливает эффективное взаимодействие с властными и деловыми структурами, объединяя в этих целях усилия всех академических учреждений — как в центре, так и в регионах.

Активно в этом направлении работает Вологодский научно-координационный центр ЦЭМИ РАН. Сделав свои первые шаги относительно недавно (в начале 1990-х годов), Центр в настоящее время ведет научные исследования по целому ряду актуальных проблем регионального развития, плодотворно сотрудничая в этой области с научными

учреждениями РАН на Северо-Западе нашей страны. Одним из проявлений академического сотрудничества в регионе является проводимый в последние годы под эгидой ВНКЦ мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Северо-Западного федерального округа. Эта работа оказалась не только востребованной обществом, органами власти территориальных сообществ округа, но и получила поддержку на федеральном уровне.

Издание нового журнала, вне всякого сомнения, окажет большое позитивное влияние на консолидацию усилий академических учреждений в решении подобных задач и в дальнейшем. Таким образом, выступив учредителем настоящего научного журнала, ВНКЦ ЦЭМИ РАН делает важный шаг в усилении взаимодействия научных центров академии в деле обоснования рациональных путей экономического и социального развития Северо-Запада России.

Хочу пожелать новому журналу стать изданием, в котором ученые из разных регионов России и зарубежья, практики и специалисты органов власти могли бы обсуждать наиболее актуальные вопросы обеспечения роста производства, вырабатывать конструктивные подходы и механизмы реализации приоритетных целей экономической и социальной политики.

Несомненно и то, что издание нового журнала даст импульс для творчества молодых ученых, будет способствовать притоку молодежи в науку. Искренне желаю редколлегии и авторам журнала успехов!

**Вячеслав Евгеньевич
ПОЗГАЛЕВ**
Губернатор
Вологодской области

Уважаемые читатели!

Выход в свет первого номера журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» — знаменательное событие. Это — результат объединения усилий экономических институтов Российской академии наук, расположенных в регионах Северо-Западного федерального округа. Это — свидетельство растущего авторитета Вологодского научно-координационного центра ЦЭМИ РАН.

Органы власти области накопили позитивный опыт сотрудничества с ведущими учеными-экономистами Российской академии наук. Сотрудничество помогло нам правильно расставить силы, верно выбрать направление и опорные точки действий не только в сложный период 90-х годов, но и на последующих этапах. Мы высоко ценим усилия руководства РАН, направленные на развитие академического подразделения — Вологодского научно-координационного центра, коллектив которого наращивает объемы научных работ по актуальным проблемам развития региона.

Вологодчина входит сегодня в число российских регионов-лидеров по многим показателям социально-экономического развития. Определены основные направления и ключевые задачи дальнейшего роста, повышения эффективности производства, качества жизни вологжан. Выражаю твердую уверенность, что публикации журнала, его информационно-идеологическая политика будут ориентированы на увеличение вклада науки, внедрение новаторских разработок специалистов различных школ, учет мнений ученых при оценке движения выбранным курсом.

Надеюсь, что журнал станет важной аналитической площадкой, способствующей повышению уровня взаимодействия региональной власти, бизнеса и науки, обретет авторитет значимого периодического издания экономического профиля.

Желаю создателям и авторам журнала профессиональных и творческих успехов, плодотворной работы на благо России!

Плановое начало — важный фактор оптимизации развития экономики

В выступлении В.В. Путина «О стратегии развития России до 2020 года» 8 февраля 2008 года на заседании Государственного Совета обозначены крупномасштабные задачи, которые необходимо решать для ускорения темпов экономического роста и повышения качества жизни населения. В нижеследующей статье рассматривается один из ключевых факторов оптимизации развития экономики страны.

Управление социально-экономическим развитием, государственное регулирование, стратегическое планирование.

**Валерий Леонидович
МАКАРОВ**

академик,
академик-секретарь Отделения общественных наук РАН,
директор Центрального экономико-математического
института РАН

На нынешнем этапе развития российской экономики окрепло понимание необходимости достаточно широкого использования государственного регулирования, включая планирование, в качестве важного фактора в процессе обеспечения экономического роста, совершенствования структуры экономики, увязки экономических и социальных задач общества и т. д. Неотъемлемым и даже ведущим инструментом оптимизации развития экономики является планирование, причем не только на государственном, но и на всех других уровнях управления экономикой.

На предшествующем этапе главное внимание российское государство уделяло рыночным преобразованиям. Это было

вполне естественно, однако чем дальше, тем больше **ощущались негативные последствия явной недооценки необходимости государственного регулирования воспроизводственных процессов**. А ведь такое регулирование могло бы служить обеспечению менее экономически ущербного для страны варианта перехода к рынку. Эту недооценку можно объяснить прежде всего резким изменением экономической ситуации. Она изменилась как вследствие реформирования отношений собственности, так и в результате спада производства, разрыва хозяйственных связей, падения инвестиционной активности. Немалую роль сыграло резкое ослабление роли и возможностей органов государства в сфере экономики,

как и в других областях общественной жизни. Но вряд ли такую ситуацию можно было считать неизбежной либо даже оправданной.

Нельзя отрицать, что в тот период государство, в принципе правильно определив цель — формирование рыночной экономики, имело слабое представление как о рациональных путях преобразований, так и о последствиях проводимых реформ. К тому же оно в то время почти не располагало экономическими и политическими рычагами для воздействия на развитие экономики и социальной сферы. Но не созрело еще и понимание необходимости не допустить импульсивного характера реформаторской деятельности, избежать утраты управляемости в экономике, не уклоняться от соизмерения хода экономических реформ с их социальной ценой. По существу не было даже попыток рассмотреть возможность поэтапного становления рыночных отношений, найти методы обеспечения хотя бы элементарного контроля за влиянием этого процесса на производство.

Конечно, в настоящее время это легко констатировать, но не имеет большого смысла фантазировать на тему о том, как можно было бы сделать иначе, или рассуждать о том, была ли для этого возможность. И все же и сегодня нужно помнить, что негативную роль сыграл тот аспект идеологии реформ, который многими расценивается как «рыночный романтизм». Бесспорен тот факт, что были явно преувеличенными надежды на рынок как регулятор экономики. Видимо, имела место и недооценка подлинных реалий современной рыночной экономики — широкое использование в ней плановых начал, реальное воздействие государства на экономику в развитых странах, чем обеспечивается и стимулирование экономического развития, и нейтрализация «провалов» рынка.

Нельзя утверждать, что все это можно было учесть в условиях переходного периода, особенно в его начале. Но если бы была использована хотя бы ограниченная возможность такого учета, то рыночные преобразования в России были бы более успешными. Если бы в 90-е годы в ходе рыночных преобразований государство не просто прибегало к сиюминутному и не всегда продуманному реагированию на текущие проявления обострения социально-экономических проблем, а приложило бы достаточные усилия для разработки комплексного видения действий на перспективу, экономическая динамика гораздо раньше приобрела бы позитивный характер. Можно было бы сопоставить целевые установки экономической стратегии и прогнозные разработки с тем, как складывается реальная ситуация в экономике, каковы результаты становления рыночных механизмов, что нужно менять и т. д. Одним словом, не был разработан проект перехода к рынку — проект, учитывающий все стороны общественно-экономического развития.

Сейчас ситуация существенно меняется. Накоплен опыт реформирования, как удачный, так и неудачный, возобновился экономический рост, идет наращивание финансовых ресурсов, которые могут быть использованы для дальнейшего подъема экономики. Все это не просто позволяет, а требует того, чтобы использовались все рациональные возможности внедрения планового начала в хозяйственную жизнь страны, конечно, в рамках рыночной экономической системы.

Положительную роль в формировании общественного сознания и государственной политики, адекватной этой потребности, должна сыграть активизация обсуждения данной проблематики как в научных кругах, так и в обществе в целом. Именно в этой связи мое внимание привлекла

статья губернатора города Санкт-Петербурга *В. Матвиенко* на страницах журнала «Общество и экономика». В этой статье был рассмотрен ряд актуальных вопросов, связанных с необходимостью перехода к такому развитию экономики России, которое было бы более предсказуемым, целенаправленным и эффективным.

Нужно сказать, что разработка как целевых установок народнохозяйственного планирования, так и его методов всегда была одной из главных задач, которую перед собой ставила российская (советская) экономическая наука. Даже во времена, предшествовавшие XX веку, было немало выдающихся ученых, не только экономистов, но и энциклопедически мыслящих исследователей, которые выдвигали ценные идеи о развитии российской экономики, о путях приумножения национального богатства. В советский период было сильно ограничительное влияние многих аспектов официальной идеологии на поиск путей эффективного развития экономики. Тем не менее было сделано немало для теоретического обоснования и практического решения стратегических задач подъема общественного производства. Важное место отводилось использованию плановых методов достижения поставленных целей.

Конечно, существовавшая тогда командно-административная система функционирования экономики не только исключала использование рыночных стимулов, но и нередко блокировала реализацию объективных закономерностей экономики. Это наносило огромный урон научному уровню и эффективности государственного планирования, лишало страну многих возможностей экономического подъема. Но даже в этих жестких идеологических и политических рамках советская экономическая наука, в том числе наука о народнохозяйственном планировании, способствовала в меру своих объективных и субъективных возможностей быстрому подъему производительных сил страны.

Напомню, что попытка осуществления косыгинской реформы была концептуально подготовлена рядом представителей советской экономической науки. Нельзя не отметить, что в нашей науке еще в 70-е годы, если не раньше, зарождались научные концепции, подводившие к пониманию ограниченности потенциала роста в условиях командно-административной системы. В то время уже более наглядно проявлялась и даже отчасти косвенно признавалась снижающаяся эффективность директивного планирования, необходимость научного прогнозирования как предпланового этапа и т. п. Формировались воззрения о рациональности внедрения в экономику элементов товарного хозяйства, усиления экономического стимулирования производителей. Таким образом, нельзя сказать, что начало рыночных реформ застало советскую экономическую науку врасплох, хотя бесспорно и то, что она оказалась не готова к целенаправленному и эффективному научному обеспечению реформ.

Сама идея планового регулирования процесса формирования рыночной экономики и функционирования общественного производства в условиях реформ не была в 90-е годы востребована хозяйственной практикой. Это было обусловлено не только субъективными, но и объективными причинами. Но экономисты РАН еще в тот период не оставляли попыток разработать, например, различные варианты снижения социальной цены реформ, перехода к экономическому росту и т. д. По этой проблематике был подготовлен целый ряд исследований, они выносились на обсуждение общества, но все это не приводило к каким-либо выводам, которые приобрели бы в обществе консенсусный характер и использовались бы при формировании государственной экономической политики.

Тем не менее нельзя не оценить положительно, что тогда же, а особенно с началом 2000-х годов, проводилась и проводится достаточно широко работа по совершен-

ствованию методов народнохозяйственного прогнозирования, составляются прогнозы социально-экономического развития России, которые, на мой взгляд, вполне могут служить формированию концептуальных основ, а затем и осуществлению практических действий по модернизации российской экономики. Много сделано для формирования полноценной научной базы социально-экономического планирования, что, согласитесь, совсем непросто в условиях радикальной смены экономического строя страны.

Сейчас теоретические исследования, проводимые в экономических институтах РАН, доводятся до практически значимых разработок, посвященных задачам и путям подъема российской экономики. Исследуются институциональные и ресурсные возможности перехода к инновационному типу экономического развития, возможности повышения качества экономического роста, решения социальных проблем.

В самой общей форме я выделил бы следующие вопросы, имеющие кардинальное значение при рассмотрении перспектив реализации планового начала в развитии российской экономики.

Во-первых, дальнейшее совершенствование методов прогнозирования. Очень важно иметь наиболее полное и точное представление о существующих тенденциях, определить перспективы изменения этих тенденций в прогнозируемом периоде, очертить вероятность появления новых тенденций. Всю эту накопленную информацию нужно уметь корректно сопоставлять с тем, что желательно обществу достичь и закрепить. На этом этапе исследований становится ясно, какие тенденции нужно сохранить и усилить, а какие преодолеть. Наконец, я отношу к актуальным задачам прогнозной работы определение возможного круга мер, которые потребуются для достижения желаемых показате-

лей. Нужна была бы и заблаговременная оценка перспектив осуществления этих мер, их возможной эффективности.

Таким образом, я достаточно широко трактую содержание работы по прогнозированию, но полагаю, что это сейчас не просто возможно, а даже необходимо.

И здесь важное значение имеет сочетание исследования тенденций развития технико-технологических основ производства, вытекающих из возможностей науки, изменений ресурсной обеспеченности страны, с исследованием перспектив социальной динамики. При этом нужно больше внимания уделять тому, как это послужит решению социальных проблем, а с другой стороны, как восстановление социальной сферы повлияет на возможности развития производства. Наконец, необходимо учитывать общественные настроения, ожидания людей, которые создают не просто фон экономического развития, а выступают непосредственно факторами, влияющими на него. Кстати, такие исследования сейчас поддерживаются Минобрнауки РФ.

В целом можно сделать обоснованный вывод, что научные учреждения РАН располагают достаточной методологической базой для прогнозной работы, обладают опытом использования целого арсенала методов прогнозирования. А это сегодня является важной отправной точкой для перехода к народнохозяйственному планированию.

Во-вторых, настало время для возобновления планирования социально-экономического развития страны. И с учетом мирового опыта, и реалистически оценивая нынешнюю ситуацию, это должно быть планирование по ключевым направлениям, а не планирование тотального масштаба. Нужно также исходить из того, что планирование должно быть прежде всего индикативным. Но, по моему мнению, нема-

ловажное место в плановой работе государственных органов должны занять и более прямые методы планирования в виде, например, крупных федеральных программ. Такие программы должны базироваться не только на методах косвенного государственного регулирования экономики (это характерно прежде всего для индикативного планирования), но и на методах, способных более жестко подводить экономику к плановым ориентирам. В число таких методов может входить инвестирование государственных средств, государственно-частное партнерство, координация хозяйственной деятельности и т. д.

В-третьих, растущее значение для будущего России приобретает задача установления прочной двусторонней связи между общефедеральным и региональным уровнями управления экономикой, в т. ч. уровнями плановой работы. Эта задача гораздо сложнее, чем простое субсидирование менее развитых регионов, федеральная поддержка программ их развития. Требуется органически включать эти программы в общий контекст федеральной стратегии экономического роста и структурных преобразований народного хозяйства страны. Нужно поддерживать ориентацию регионального развития на усиление рациональных межрегиональных связей и обеспечение оптимальной комплексности экономики страны. При этом большое значение имеет стимулирование хозяйственной активности в регионах. Все это означает резкое возрастание роли Министерства регионального развития России, которое в соответствии с последними решениями правительства должно инициировать, методологически помогать и курировать разработку программ развития субъектов Федерации.

Уже сейчас некоторые субъекты Федерации такие программы разрабатывают, зачастую при содействии Российской академии

наук. Недавно на заседании Президиума РАН был заслушан доклад о программе развития Уральского округа, которая готовилась при участии академических институтов. Такая работа была проведена по Хабаровскому краю, Самарской области и др.

Очевидно, что нужно вернуться к практике планирования развития городов, прежде всего мегаполисов. Например, раньше был генеральный план развития Москвы, обязательный к исполнению, сейчас такого плана нет. Отсюда многие острые проблемы, начиная с транспортной и кончая «точечной застройкой». Сейчас идет речь о возвращении к практике планирования развития города.

Будет неуклонно возрастать значение корпоративного планирования. Это учитывается академической наукой. Так, Центральный экономико-математический институт каждый год проводит конференцию «Стратегическое планирование на уровне предприятий». Собираются кроме ученых директора заводов, они знакомятся с проблемами корпоративного стратегического планирования в рыночной экономике, с методикой составления стратегических планов развития предприятия. Крупнейшие корпорации «Газпром», «ЛУКОЙЛ», РАО «ЕЭС» и др., составляя свои стратегические планы, привлекают работников РАН для содействия этой работе.

Думаю, что РАН, несмотря на все трудности, слабые места и противоречия, сохраняла саму идею планирования и развивала необходимую для ее реализации методологию.

Сегодня, наконец, экономика это потребовала. Сейчас нужно не только наращивать усилия институтов РАН, но и укреплять кадрами профессионалов государственные органы, прежде всего Министерство регионального развития. Но зачастую теперь требуется таких специалистов еще подготовить.

В конечном счете для страны очень нужна среднесрочная программа развития экономики. Ее готовит МЭРТ России, но до полноценной программы еще далеко. То, что было до сих пор, нельзя считать программой, это скорее декларация о намерениях. Но и это уже шаги в правильном направлении, некий сигнал и науке, и бизнесу, и всему обществу.

Нужно отметить и то, что появился бюджетный план государства на 3 года. Хотя следует признать, что он лишен развернутой концептуальной основы, но это нельзя вменять в вину Минфину России.

Мне представляется весьма существенным, что принята и реализуется общеакадемическая программа по прогнозированию (руководитель – вице-президент РАН академик А. Некипелов). В ней речь идет о прогнозировании и научно-технической сферы, хотя она и менее всеобъемлющая, чем разрабатывавшиеся в СССР комплексные программы научно-технического прогресса.

Не могу, однако, обойти вниманием и другой вопрос. Требуется четкое обоснование значения стратегических программ, их конкретизация и строгий контроль за их исполнением. В научных кругах уже высказываются опасения относительно проработанности программы развития нанотехнологий, на которую выделяются огромные деньги. Есть опасность, что под лозунгом развития нанотехнологий будут реализовываться узкие коммерческие проекты, не имеющие фундаментального содержания. Ведь нанотехнологии – это использование свойств вещества на уровне атомов, и нельзя сводить это к более простым вещам. А ведь существуют поползновения объявлять нанотехнологией и, например, нанесение порошков на металл. Это придает металлу новые свойства, но это не нанотехнология.

Планирование и программирование должно базироваться на научном видении будущего экономики и общества в целом. Говорим о диверсификации экономики, но определились ли мы достаточно четко в вопросе о том, какая структура нам нужна? К тому же могут быть не только различные варианты ответа на этот вопрос, с которыми нужно разбираться, но даже при одной и той же структуре экономики могут получаться различные конечные результаты. Нужно многое исследовать, чтобы определить, какой вариант и при каком исполнении даст стране настоящий прорыв в будущее.

Еще одна проблема: сейчас создаются гигантские корпорации. Но их роль для будущего страны в решающей мере зависит от того, смогут ли они создать условия для такого прорыва или станут на путь инерционного развития. Несомненно, что внутрикорпоративные планы должны быть скоординированы между собой.

Хотелось бы сказать несколько слов о перспективных проблемах, касающихся всего общества.

Нет оснований полагать, что научно-технический прогресс в XXI веке замедлится. Сектор, производящий новые знания и превращающий их в продукты потребления человека, не показывает признаков стагнации, а тем более сокращения. Его мощности растут опережающими темпами. Все большая доля людей занята трудом, в котором творческая компонента занимает заметное место. Правда, привлекает внимание и то, что общественная роль ученых, занятых фундаментальными исследованиями, становящихся авторами великих открытий, может на то или иное время снизиться, сегодня на первое место выходят не первооткрыватели, а создатели новых технологий. Возможно, это лишь исторический виток, и познавательная роль науки не уменьшится. Возрастание роли

«технологов» во многом объясняется тем, что фундаментальные науки накопили богатые возможности приложения их достижений на практике.

В мире происходит институционализация экономики знаний. Россия в этом деле пока отстает. В самые ближайшие годы нужно добиться того, чтобы ряд российских университетов стали производителями фундаментальных знаний мирового уровня. Крупнейшие российские корпорации должны взять на себя миссию активного участия в возрождении и быстром развитии науки, прежде всего прикладной. Представляется целесообразным принятие закона, порождающего конкуренцию между крупнейшими компаниями за право иметь разного рода льготы по развитию науки и инновационной деятельности. Нужно обеспечить приоритетное развитие сектора инновационных услуг. Сюда входят консультационные компании, посреднические фирмы между создателями и потребителями знаний, фирмы инновационных брокеров.

В мире формируется инновационное общество. Но с этим связана и проблема устойчивости такого общества. Уже известны катастрофы в глобальной финансовой системе, в глобальных электрических сетях и т. д. Прогнозируя развитие российской экономики, мы обязаны иметь в виду и эти проблемы.

И наконец, немного о науке об обществе. Это вопросы о базисных принципах развития человеческого общества, которые

должны быть определены и зафиксированы, в том числе в международных декларациях и международном праве. Сейчас вроде бы ясно, что высшей ценностью является сама человеческая жизнь, но как человечеству руководствоваться этой высшей ценностью в своей повседневной жизни? Или другая проблема. Существует, например, движение за «устойчивое развитие», которое зачастую на практике приводит к требованию «нулевого роста», ограничению потребления и т. п. Это движение носит алармистский характер, но не предлагает человечеству реальной альтернативы. Возникает вопрос: к чему будут стремиться люди, если лишить их целей, базирующихся на материальных ценностях? Как сделать символами успешности, богатства, удовлетворенности ценности нематериальные? Как человечеству прийти к таким ценностям в результате естественного эволюционного процесса, а не путем насильственного установления какого-либо тоталитарного режима? Приходится констатировать, что эти вопросы, принципиально важные для дальнейшего выживания человечества, чрезвычайно мало исследованы. Следовательно, нужен масштабный мировой исследовательский проект, в котором были бы задействованы представители различных наук, культур, религий, авторитетные политические и общественные деятели.

Вот к каким размышлениям привела меня в конечном счете проблема усиления плановых начал в развитии экономики.

(Публикуется по тексту журнала «Экономика и общество», №11–12, 2007.)

Динамика социально-экономического развития Республики Коми *

Анализ статистических и расчетных данных сопровождается фиксацией узловых проблем развития различных сфер хозяйства и общественной жизни республики. Попытки определить пути их решения имеют общую проекцию на инновационную экономику и совершенствование механизмов регионального управления.

Социально-экономическое развитие, региональное управление.

Виталий Николаевич

ЛАЖЕНЦЕВ

член-корреспондент РАН, директор Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН

Общие сведения

Республика Коми расположена на Европейском Севере России между 59–69° северной широты и 45–66° восточной долготы. Площадь ее территории – 416,8 тыс. км² (2,4% площади территории Российской Федерации). Здесь на начало 2007 г. проживало 975 тыс. чел. Для республики характерны северные черты условий хозяйствования и жизни: относительный климатический дискомфорт, высокий минерально-сырьевой, но низкий биоклиматический потенциал, периферийное положение, объективно низкий уровень освоенности территории, этнокультурная специфика.

На большей части территории республики климат умеренно-континентальный – с продолжительной зимой и коротким прохладным летом и всеми другими характери-

стиками, свойственными субарктическому и умеренному климатическим поясам. На севере республики средняя температура января –21–25°С, на юге – –18–19°С; июля, соответственно, – +12–14°С и +15–16°С. Период дискомфорта (ограниченной или запрещенной работы на открытом воздухе) составляет от 30 до 118 дней для человека и от 27 до 128 дней для техники.

Геологический потенциал территории республики, по нашим оценкам, примерно в шесть раз больше, чем остальной части Русской платформы. Это проявляется в наличии крупных минерально-сырьевых баз угольной, нефтяной, газовой, горнорудной и других отраслей промышленности. Общероссийское значение имеют Печорский угольный бассейн, Тимано-Печорская

* Основными источниками данных для написания статьи послужили: Статистический ежегодник Республики Коми. – Сыктывкар: ФСГС по Республике Коми, 2007., а также научно-аналитический материал ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН. Автор выражает благодарность за оказанную ему помощь, консультации и критические замечания М.С. Бурьян, к.э.н. Ю.А. Гаджиеву, к.г.н. Т.Е. Дмитриевой, Г.А. Захожей, к.э.н. А.А. Калининой, к.э.н. В.В. Терентьеву, д.э.н. В.В. Фаузеру.

нефтегазоносная провинция, Тимано-Уральский горнорудный регион. В 2006 г. добыто 14 млн. т угля, в том числе 10,6 — для коксования, 11,6 млн. т нефти, включая газовый конденсат, 3,4 млрд. м³ естественного газа; в значительных объемах добывается бокситовая руда и нерудные строительные материалы.

Биоклиматический потенциал, рассчитанный нами по специальным формулам с учетом коэффициента биологической продуктивности, колеблется от 0,08 — арктическая зона, до 1,68 — зона южной тайги (в среднем по России — 1,9). На зону тундровой растительности приходится около 5% площади, лесотундровой — 6, таежной — 89. Важно подчеркнуть, что если по меридиану Воркута — Астрахань пик биологического потенциала для земледелия «находится» в Татарии, то для лесного хозяйства — в южной части Республики Коми, которая ныне стала одним из немногих лесоизбыточных районов. Здесь в 1980-х гг. заготавливалось до 22 млн. м³ древесины в год, в текущий период — 6–7; такое резкое снижение обусловлено экономическим кризисом 1990-х гг. и некоторыми рыночными обстоятельствами.

Периферийность понимается по-разному: на бытовом уровне — «далеко от Москвы», экономическом — «большие транспортные издержки», научном — «низкая способность населения к освоению передовых достижений цивилизации». Для жителей Республики Коми все три трактовки имеют конкретный смысл: два часа самолетом от столицы до столицы за семь тысяч рублей или 26 часов поездом за полторы тысячи; от 20 до 40% доля транспортных издержек в себестоимости продукции; высокоразвитая электронная связь с городами и низкий уровень ее развития в сельской местности; восприятие инновационных подходов к организации хозяйства, но их трудная реализация из-за слабости внедренческих звеньев в системе НИОКР. Если

исходить из научного понимания, то можно заметить, что 30–35% взрослого населения и школьников республики преодолели синдром периферийности.

В республике преобладает узловая форма размещения производительных сил: примерно 65% производства и инвестиций сосредоточено в хозяйственных узлах, расположенных вдоль железной дороги, 25% — в отдельных центрах — очагах и 10% — линейно — вдоль рек и автомобильных дорог. Поэтому более половины общей площади не охвачено хозяйством, и этот факт является необходимой реальностью. Во-первых, в ряде мест нет достаточных экономических предпосылок для расселения населения, во-вторых, значительная часть территорий «оформлена» в виде национальных парков, заповедников и заказников. В системе географического разделения труда экологическая функция для республики является одной из основных.

Хозяйственный профиль республики определяется также и этнокультурой, что особенно проявляется на селе. В некоторых районах доля коми населения достигает 60% при 25 в среднем. В них более успешно развиваются традиционные промыслы, охота и оленеводство. поголовье оленей в республике составляет 84 тыс. голов — это немало, хотя, заметим, что в 1950 г. их было 211 тыс.

Природно-ресурсные функции хозяйства Республики Коми дополняются транзитом. Из Западной Сибири по трубопроводам через республику прокачивается около 80 млрд. м³ газа. Значение обеспечения его транзита многократно возрастает в связи со строительством новой системы газопроводов «Ямал — Запад». Развитие производственной специализации и транзита становится единой задачей в случае окончания строительства железнодорожной магистрали Архангельск — Сыктывкар — Соликамск («Белкомур»).

Республика Коми удачно вписывается в экономику Северо-Западного и Уральского федеральных округов, а также Финляндии, Швеции и Норвегии. Общие задачи по освоению природных ресурсов Севера и Арктики, в том числе по проектам Баренц-региона, являются мощным стимулом для ее социально-экономического развития.

Исторические линии в организации хозяйства и региональном управлении

В современной организации хозяйства Республики Коми присутствуют определенные исторические наслоения, что выражено в структуре материально-технической базы и сложившихся когда-то стереотипах научно-экономического и управленческого мышления.

Примерно одна треть основных производственных фондов, функционирующих в настоящее время в республике, введена в действие более 30 лет назад, а половина их активной части (машины и оборудование и др.) старше 15 лет. Но более важно то, что из прошлого к настоящему тянутся линии субъективного восприятия происходящих ныне процессов с желанием ввести их в русло привычных норм и правил экономического поведения.

По нашим наблюдениям, в принятии управленческих решений и соответствующем их научном обосновании значительную роль играют традиционные идеи комплексного развития производительных сил, регионального хозяйственного расчета, политического и экономического суверенитета и социальной справедливости. Как бы ни были сильны мотивы рыночных преобразований, перечисленное остается при нас в качестве организующего начала.

Комплексность понимается по-разному: ошибочно, когда она трактуется — «как можно больше»; более или менее правильно, если она рассматривается как динамическая согласованность функций хозяйственной системы и ее структуры. В регионах с богатой природно-ресурсной

базой комплексность регионального развития более всего ассоциируется с рациональным использованием минерально-сырьевых и биологических ресурсов. Даже при благоприятной рыночной конъюнктуре на отдельный вид продукта, продажа которого выгодна не только фирме, но и всему населению региона, идея расширить производство за счет извлечения из исходного сырья других видов продуктов не теряет своей актуальности. Народнохозяйственный подход к освоению природных ресурсов стал для многих глубоко внедрившимся в сознание требованием.

Линия системно организованной взаимосвязи отдельных элементов производительных сил в единое целое оставила заметный след еще и потому, что природные богатства Республики Коми, начиная с 1970-х гг., стали основой формирования Тимано-Печорского территориально-производственного комплекса — единицы народного хозяйства страны, специально введенной в русло программно-целевого планирования.

Речь шла о концентрации финансовых, материально-технических и трудовых ресурсов на решении узловых проблем экономического развития, о новых формах планирования, о конструктивных параметрах организации взаимодействия отраслевых министерств и региональных органов управления.

Это был период «челночной дипломатии», когда руководители Коми АССР вели переговоры в Москве во всех структурах государственного управления. Опыт подобных действий полезен и в настоящем. Более всего он востребован в решении сложных проблем управления в рамках совместного (федерального и регионального) ведения. Трудности возникают именно по поводу совместного (но не отдельного) управления процессами природопользования, научно-технического развития, сферами образования, здравоохранения и культуры.

Формирование Тимано-Печорского ТПК сопровождалось освоением научных знаний в области программирования. Переход от традиционных схем планирования к программно-целевым — это определенная веха в совершенствовании территориального управления, соответствующая идеям перестройки, а затем и рыночных преобразований. Дело в том, что программно-целевой метод, примерно с равным эффектом, использовали (и сейчас используют) государства с весьма разными политическими системами.

Народнохозяйственной проблемой, которая не укладывалась в обычные рамки планирования и которая для республики в 1980-х гг. оказалась относительно новой, стало формирование химико-металлургического комплекса на базе четырех исходных продуктов: нефтетитановой руды Яреги, бокситов Среднего Тиммана, частично углеводородного сырья Тимано-Печоры и каменной соли Сереговского месторождения. Предлагалось развернуть производство, соответственно: 1) тяжелой нефти, лакобитумов, зимних сортов топлива и масел, двуокиси титана, титановых белил и ряда других ценных продуктов; 2) глинозема, алюминия, красного шлама, редких элементов, базальтового щебня; 3) бензола, адипиновой кислоты, специальных солей, синтетических смол и полимеров; 4) хлора и каустика, соляной кислоты, пищевой соли. Комплекс перечисленных производств и сопутствующая ему инфраструктура проектировались как целостная территориально-инженерная система.

Такой подход не погиб вместе с отменой директивного планирования и переходом на рыночные отношения. Даже в годы революционного реформирования экономики и перекосов рыночной стихии ТПК-подход сыграл свою положительную роль.

В период с 1993 по 2003 г. одной из главных форм управления была Програм-

ма развития экономики Республики Коми с ее оргструктурой — Администрацией, состоящей из Коллегии и Дирекции; с обозначением объектов, попадающих под руководство Администрации. Это как раз указанные объекты химико-металлургического комплекса плюс новый Сыктывкарский аэропорт и Кардиологический центр. Благодаря ТПК-подходу удалось запустить в действие такой мощный инвестиционный проект, как строительство «Белкомура».

Партийно-политическая окраска Тимано-Печорского ТПК сошла на нет, а хозяйственная и научно-исследовательская его сущности остались. Поэтому, когда в настоящее время региональное управление наполняется многочисленными программами, надо помнить, что программно-целевой метод управления эффективен, если четко обозначена проблема, которую следует решать совместными скоординированными усилиями.

Необходимость согласования интересов ради общего блага проявляется как закон. Ранее речь шла о согласовании векторов хозяйственной деятельности министерств и ведомств, теперь — фирм, организованных в виде акционерных обществ, холдингов и корпораций.

В условиях разнообразия форм собственности следует признать объективную целесообразность перевода узловых проблем комплексного развития производительных сил регионов с государственного уровня в систему фирменных стратегий. Так произошло с программами оптимизации структуры Печорского угольного бассейна, Тимано-Печорской нефтегазодобывающей провинции, Тимано-Уральского горнопромышленного и Вычегодского лесопромышленного комплексов и другими территориально-отраслевыми системами.

Государственными же остались три важнейшие задачи: 1) посредством лицензионных и других соглашений ориентиро-

вать фирмы на комплексное использование природных ресурсов и гармоничное социальное развитие территорий; 2) развивать инфраструктуру общего пользования; 3) инициировать разработку и реализацию научно-технических программ и соответствующих инноваций, создающих основу для новых точек роста производительных сил.

Вторая линия — развитие идей регионального хозрасчета. В настоящее время она в явном виде никак не прослеживается, если и вспоминается, то в иронических интонациях. Вместе с тем трудно представить ситуацию бесследного исчезновения последствий огромной массы научной литературы и соответствующей практики, которые были созданы в 1980 — 90-х гг. по поводу соизмерения совокупных доходов и затрат, поисков источников самофинансирования в границах республик, краев и областей.

Для теории и практики территориального управления тематика хозяйственного расчета вновь может оказаться легализованной и актуальной, если понять сущность этой категории и уяснить ошибки прошлого в ее толковании. Сущность регионального хозрасчета изначально трактовалась в основном неправильно. Региону, как хозяйственной системе, необоснованно приписывались качества всеобъемлющего хозяйствующего субъекта, результатом деятельности которого являются якобы такие интегральные макроэкономические показатели, как внутренний региональный продукт, стоимость ввоза и вывоза в системе межрегионального обмена и внешней торговли, сальдо совокупных доходов и расходов в сводном финансовом балансе и др. Такой подход дал положительные результаты в части совершенствования статистики, но отрицательные — в части развития общественных форм производства: концентрации, специ-

ализации, кооперирования, комбинирования и, особенно, интеграции. Пространственная дезинтеграция, характерная для 1990-х гг., — это результат, в том числе, и чрезмерного стремления руководства отдельных регионов к экономической самостоятельности на базе т. н. регионального хозрасчета.

На самом же деле регион в целом никогда не достигал (и не достигнет) статуса хозяйствующего субъекта. Последним может быть только распорядительный центр, имеющий экономическую ответственность, хозяйственную заинтересованность, внутреннюю связность. Основой деятельности таких центров является собственность, а потому региональный хозрасчет может быть правомерно осуществлен только применительно к субфедеральной и муниципальной собственности. Ее воспроизводство и получение на этой основе дополнительных доходов — это и есть цель действительного регионального хозрасчета.

С учетом данного понимания хозрасчетное мышление следует реанимировать, что побудило бы региональные правительства и муниципалитеты более активно и рачительно использовать землю, природные ресурсы, свои имущественные комплексы и финансы. Территориальное хозяйствование на основе региональной собственности — особое направление деятельности государственной (субфедеральной) власти и местного самоуправления.

Региональный хозрасчет в первой половине 1900-х гг. стал рассматриваться соподчиненно с политическим и экономическим суверенитетом. Декларации о государственном суверенитете отдельных республик предполагались в качестве политической платформы коренного изменения принципов и методов регулирования развития хозяйства. В них было зафиксировано, что земля, ее недра, воды,

воздушное пространство, растительный и животный мир, другие природные богатства, а также памятники культуры и территории республики являются их собственностью. Юридически была закреплена самостоятельность республик в деле формирования государственного бюджета, налоговой политики, создания таможенной службы, ценообразования, формирования финансово-кредитной системы и внешнеэкономической деятельности. Все это было окрашено благими намерениями положительно повлиять на развитие базовых отраслей промышленности и хозяйства местного значения, улучшить социальную сферу и условия жизни населения.

Спустя семнадцать лет, когда выстроена вертикаль государственной власти, урегулирован конституционный порядок взаимодействия Федерации и ее субъектов, снята угроза раскола России на отдельные «суверенные» регионы, — можно было бы осудить подобные декларации как скрытую (а местами и явную) форму сепаратизма. Однако нельзя не признать и значение объективного смысла идей подобной экономической самостоятельности. В те годы этот смысл выражался в некотором сопротивлении регионов революционному реформированию экономики и сопутствующему кризису, выработке дополнительных контрмер, тормозящих процесс разрушения экономики. В настоящем — в раскрепощении деятельности по поводу реализации конституционных прав субъектов Федерации и органов местного самоуправления, равноправия федеральных и региональных сторон в своих взаимоотношениях.

С научной точки зрения интерес представляет своего рода противостояние политических и экономических начал региональной самостоятельности. Политические амбиции к расширению сферы деятельности регионов и переносу норм централизации государственного управления

с федерального на субфедеральный уровень всегда натыкались на трудности реальной экономики. Так, в Коми Республике в те годы это проявилось в разбалансированности хозяйства, его технической отсталости, нерентабельной работе почти половины промышленных предприятий, низком уровне подготовки к освоению новых месторождений полезных ископаемых и другом негативе.

И в настоящее время фактор риска для региональных структур власти заключается в опасности связать себя обузой малоэффективной экономики. Такой фактор стал проявляться в основном в сфере управления собственностью. Поэтому приватизация играла роль не только политического рычага закрепления позиций рыночных отношений, но и своеобразного экономического механизма снижения ответственности государства перед населением.

Здесь уместно напомнить о научных рекомендациях. В начале 1990-х гг. был предложен особый режим приватизации, а именно закрепление контрольных пакетов акций базовых предприятий на определенный срок за государством для предотвращения резкого свертывания производства. Предлагалось также расширить права трудовых коллективов предприятий в выборе форм и методов приватизации; взять курс на формирование крупных производственных структур типа холдинговых и финансово-промышленных корпораций межрегионального характера; малое предпринимательство развивать в общей системе организации производства с учетом возможностей его диверсификации.

Пример Республики Коми показывает, что политика реформирования пошла по другому пути — с полным отключением государства от управления нефтяной и газовой промышленностью, лесным комплексом, энергетикой. Лишь предприятия Печорского угольного бассейна частично

оставались несколько лет в системе государственной собственности, что позволило сдерживать негативное влияние ряда рекомендаций заграничных «наставников» по свертыванию в России угольной промышленности. Были и другие, на наш взгляд, разумные предложения в части эволюционного реформирования экономики, в том числе и сельского хозяйства. Особое внимание обращалось на необходимость соблюдения паритета цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, развития новых форм кооперации и интеграции в системе АПК, учета не только производственных функций села, но и экологических, этнокультурных и духовных.

Необъяснимое отторжение научных рекомендаций руководителями регионального звена государственного управления, да и сами факты кризиса социально-экономического развития регионов указывают на ограниченные возможности реализации идей их экономической самостоятельности, если в ее рамки включать все составные части общественного воспроизводства. В конечном итоге оказалось, что такого рода идеи вполне правомерно трансформировать лишь в рамках финансово-бюджетной сферы. Путь к самодостаточности территориальных бюджетов весьма труден, но именно он становится основным предметом региональной политики.

Региональный аспект социальной справедливости применительно к северным территориям заключается в определении и исчислении гарантированных населению выплат, компенсирующих дополнительные затраты на жизнеобеспечение в трудных природных условиях. Региональные коэффициенты к заработной плате и стажевые надбавки всегда воспринимались северянами как должное, не зависящее от политической конъюнктуры. Поэтому, когда появились попытки со стороны некоторых структур федеральной власти отказаться от такого рода компенсаций, как будто бы не

соответствующих условиям рынка, так сразу же возникла волна протеста всего северного сообщества, включая и органы государственного управления. Активно ведется также работа по урегулированию пенсионного обеспечения и финансирования программ частичного переселения людей из районов Крайнего Севера.

Таким образом, четыре линии региональной социально-экономической политики — комплексное развитие производительных сил, региональный хозрасчет, экономическая самостоятельность и социальная справедливость — остаются неизменными; меняются лишь методы их реализации.

Социально-экономические изменения

НАСЕЛЕНИЕ И ДЕМОГРАФИЯ. Максимальная численность населения в Республике Коми была в 1989 г. — 1 251 тыс. чел. Затем она неуклонно снижалась и в 2007 г. составила 975 тыс. чел. Это произошло по трем причинам: *демографического кризиса* — снижение рождаемости и рост смертности; *производственной* — сокращение числа рабочих мест и вынужденный выезд за пределы республики; *социально-политической* — организованное переселение «избыточного» населения из районов Крайнего Севера, в основном Воркуты и Инты.

Чтобы глубже понять демографические перемены, мы, наряду с анализом фактических статистических данных, попытались провести некоторые гипотетические расчеты по правилам факторного анализа (*табл. 1*). Дело в том, что на первый взгляд роль внешней миграции населения в общей демографической динамике кажется преобладающей: численность населения в 2007 г. по сравнению с 1989 г. сократилась на 256 тыс. чел., в том числе за счет превышения смертности над рождаемостью — 20 тыс., а отрицательного сальдо внешней миграции — 236 тыс. чел., соответственно, 7,8 и 92,25%.

Но есть и другая логика: в какой мере население могло увеличиться, если бы

Таблица 1. Фактическая и расчетная численность населения Республики Коми, тыс. чел.

Год	Численность постоянного населения на начало года	Численность населения при фактическом коэффициенте естественного прироста и нулевом сальдо миграции	Численность населения при коэффициенте естественного прироста 7,7 и нулевом сальдо миграции	Численность населения при коэффициенте естественного прироста 7,7 и фактическом сальдо миграции
1989	1 251	1 251	1 251	1 251
1990	1 249	1 261	1 261	1 249
1992	1 222	1 274	1 280	1 228
1995	1 157	1 269	1 309	1 203
1998	1 096	1 261	1 340	1 176
2000	1 058	1 257	1 361	1 150
2002	1 030	1 250	1 382	1 138
2005	996	1 238	1 414	1 139
2007	975	1 231	1 436	1 141

Примечание. Период 1989 – 1992 гг. характеризовался положительным коэффициентом естественного прироста населения; период 1993 – 2000 гг. – крайне отрицательным и постоянно снижающимся; период 2001 – 2007 гг. – отрицательным, но с улучшением динамики.

сохранились положительные демографические процессы предкризисного периода: коэффициент естественного прироста 7,7 и нулевое сальдо внешней миграции (табл. 2). Результат, разумеется, получается иной, а именно с фиксацией действительной роли двух показателей: резкого снижения уровня рождаемости и увеличения уровня смертности. «Недобор» численности населения в результате составил 461 тыс. чел. (при условии нулевой миграции). Значение миграционных процессов также можно оценить иначе, чем по «чистому» факту. За анализируемый период выехало из республики больше, чем прибыло, на 256 тыс. чел., но «недобор» за счет естественного прироста в рамках этой численности населения составил еще примерно 200 тыс. чел.

Хотя такого рода расчеты носят весьма условный характер, но именно они более всего отражают реальный масштаб демографического кризиса. С 1980-х гг. эффективность демографической политики в нашей стране была весьма низкой; у населения не формировались желаемые для общества репродуктивные установки. Кризис в экономике, сокращение рабочих мест привели к массовому оттоку населения, сокращению притока молодых, образованных кадров. Переход на рыночные отношения больше всего отразился на социальной сфере, в том числе и на здравоохранении, как результат – резкий рост смертности. Неуверенность в «завтрашнем дне» привела к резкому ухудшению здоровья населения, росту числа самоубийств, психических заболеваний.

Таблица 2. Динамика фактической и расчетной численности населения Республики Коми, тыс. чел.

Показатель	Период			
	1989–1992 гг.	1993–2000 гг.	2001–2007 гг.	1989–2007 гг.
Динамика фактической численности постоянного населения	-29	-164	-83	-276
Динамика фактической численности постоянного населения за счет естественного прироста	+26	-22	-24	-20
Динамика фактической численности населения за счет сальдо миграции	-55	-142	-59	-256
Гипотетическая динамика численности населения при фактическом коэффициенте естественного прироста и нулевом сальдо миграции	+23	-17	-26	-20
Гипотетическая динамика численности населения при коэффициенте естественного прироста 7,7 и нулевом сальдо миграции	+29	+81	+75	+185
Гипотетическая динамика численности населения при коэффициенте естественного прироста 7,7 и фактическом сальдо миграции	-23	-78	-9	-110
Гипотетический максимальный рост численности населения	+58	+245	+158	+461

В последние годы демографическим проблемам государство стало уделять повышенное внимание. Были приняты приоритетные национальные проекты; один из них касается непосредственно демографических проблем. Насколько он оказался стимулирующим, показывают результаты социологического опроса жителей Республики Коми, проведенного и проанализированного под руководством д.э.н. *В.В. Фаузера*. На вопрос: «Считаете ли Вы, что реализация национальных проектов изменит демографическую ситуацию в стране?» – ответы распределились так (%): «да, значительно улучшит» – 24; «оставит все на том же уровне» – 41,0; «нет, только ухудшит ситуацию» – 7,2; затруднились ответить – 27,8. Как видим, значительная часть опрошенных полагает, что отдельно взятые проекты реального улучшения демографической ситуации в стране не принесут.

В данном исследовании было выявлено также, что необходимо сделать в первую очередь в части демографической политики. На этот вопрос ответили более 72,8% респондентов, ими было внесено 551 предложение. Все ответы социологи сгруппировали в восемь крупных блоков. На первом месте оказалось «особое внимание молодым семьям (материальное благополучие, детские сады, льготное жилье)» – 19,4%; на втором – «повышение заработной платы» – 18,2%; третье-четвертое места делят два направления демографической политики: «доступность медицинского обслуживания (улучшение качества, обновление медицинской аппаратуры, обеспечение лекарствами)» и «увеличение детских пособий (единовременное и ежемесячное)» – по 14,9%.

Эти сведения следует рассматривать в контексте региональной специфики. В Республике Коми необходимо учитывать:

1. Повышенную урбанизацию (76% населения проживает в городских поселениях, и оно исторически ориентировано на малочисленность состава семей, в том числе по условиям тесноты проживания).

2. Влияние природно-ресурсной цикличности на динамику численности занятых и населения в целом (наибольшее сокращение числа жителей за период 1991 – 2007 гг. наблюдалось в центрах добывающей промышленности: Воркуте – в 1,8 раза, Инте – 1,7, Вуктыле – 1,6, Печоре – 1,5, Усинске – 1,4 раза. В Ухте население сократилось в 1,1 раза, а в Сыктывкаре оно чуть выросло – в 1,03 раза.

3. Сдвиги в половозрастной структуре населения (стали преобладать женщины, их доля в 1990 г. была 50%, а в 2007 г. – 53%. Это достигнуто за счет изменений в группе старше трудоспособного возраста. В ней в 2007 г. доля женщин составляла 75%, в то время как в группе трудоспособного возраста – 48, а еще моложе – 49%).

4. «Старение» населения (доля лиц моложе трудоспособного возраста за последние 17 лет уменьшилась на 10 процентных пунктов).

5. Национальный состав населения (коми национальность устойчиво сохраняет свою позицию в общей численности населения республики на уровне 23 – 25%, что дает основания серьезно заниматься совершенствованием северных типов хозяйств, связанных с особенностями этнокультурного развития).

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ И ЗАНЯТОСТЬ. Наиболее сложными здесь являются вопросы общей и структурной динамики, совмещения качества рабочих мест и уровня квалификации работников, согласованности развития сфер экономики и подготовки кадров.

Сокращение экономически активного населения идет за снижением его общей численности, но чуть в иной динамике (табл. 3). Это можно объяснить половозрастными сдвигами в структуре постоянно проживающего в республике и мигрирующего населения. Главное же заключается в более заметном повышении доли экономически неактивного населения: соотношение «активного» и «неактивного»

Таблица 3. Численность экономически активного населения, занятых и безработных в Республике Коми, тыс. чел.

Показатель численности	1992 г.	1995 г.	2000 г.	2006 г.
Экономически активного населения	682	612	548	547
Занятых в экономике	656	542	482	480
Экономически неактивного населения	200	244	268	245
Безработных	26	67	66	68
Безработных без учета студентов, учащихся и пенсионеров	8	56	47	44
Зарегистрированных безработных	8	36	16	14
Безработных в сельской местности	3	26	23	27
Зарегистрированных безработных в сельской местности	1	13	8	7

в 1992 г. было 77:23, 1995 г. – 72:28, 2000 г. – 67:33, 2006 г. – 69:31. При этом доля трудоспособного населения в его общей численности увеличилась: 1990 г. – 61,7%, 2000 г. – 64,1%, на 01.01.2007 г. – 67,7%.

Основной причиной роста абсолютной и относительной «неактивности» является безработица, которая за период 1992 – 2006 гг. увеличилась в 2,6 раза; без учета студентов, учащихся и пенсионеров – в 5,6 раза. Особую остроту такая ситуация имеет в сельской местности, где указанный рост составил 9 раз. Преобладающей в численности безработных является возрастная группа 30 – 49 лет – наиболее плодотворная в трудовом отношении: 1992 г. – 33,8%, 1995 г. – 50,5%, 2000 г. – 50,5%, 2006 г. – 45,6%. Более половины безработных составляют люди, имеющие начальное профессиональное и среднее общее образование, то есть рабочие и крестьяне (в 2006 г. – 56,3%).

Анализируя данные таблицы 3, нельзя не обратить внимание на различие в динамике общей и зарегистрированной безработицы. Госстат по Республике Коми ведет социологические опросы с фиксацией пяти способов поиска работы: 1) обращение в государственную и коммерческую службы занятости; 2) подача объявлений в печать, отклик на объявления; 3) обращение к друзьям, родственникам и знакомым; 4) непосредственное обращение к администрации/работодателю; 5) другие способы. Растет доля второй, третьей и четвертой групп. Люди все более теряют надежду на трудоустройство через систему государ-

ственных и коммерческих служб занятости не потому, что последние плохо работают, а по причине несовпадения качества спроса и предложения на организованном рынке труда. Квалификационные требования повышаются, растет спрос лишь на определенные профессии, возрастает избыток профессий не востребованных.

Социологические опросы на предмет трудоустройства предполагают возможность для безработного указать все использованные им способы поиска работы или вообще их не отмечать. Поэтому сумма значений ответов не составляет 100%. Нам кажется, что отклонение от 100 может служить мерой активности (желания) трудоустройства. Данная сумма составила в 1992 г. 87,4%, 1995 г. – 89,3%, 2000 г. – 146,2%, 2006 г. – 135,2%.

Женщины более активны в поисках работы через государственную службу занятости, в последние годы и другими способами (табл. 4).

Таблица 4. Характеристика женской безработицы в Республике Коми, в %

Показатель	1992 г.	1995 г.	2000 г.	2006 г.
Доля женщин в численности: – безработных	52,9	51,0	53,5	44,3
– безработных, состоящих на регистрационном учете в органах государственной службы занятости	67,6	59,8	69,6	62,6
«Коэффициент активности поиска работы»	87,9	74,2	144,7	149,3
Для сравнения: тот же «коэффициент» для мужчин	87,1	100,6	148,1	123,9

Такого рода активность сказывается на женской безработице, но для этого есть и другие причины. Одна из важнейших — снижение спроса на труд в сфере промыш-

ленного и сельского хозяйства и повышение — в торговле и финансовых организациях (табл. 5), где женщины в численности традиционно преобладают.

Таблица 5. Структура численности занятых по видам экономической деятельности, объединенным в две группы, в %

Группы отраслей	1998 г.	2002 г.	2006 г.
Отрасли, производящие товары	41,7	39,2	37,0
В том числе добыча полезных ископаемых	10,1	9,4	6,8
Отрасли, оказывающие услуги	58,3	60,8	63,0
В том числе:			
– транспорт и связь	10,8	11,0	11,3
– торговля*	9,0	9,5	9,6
Финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	7,7	8,4	8,9
Образование, здравоохранение и предоставление социальных услуг	20,0	20,4	19,7
* Включая мелкий ремонт.			

В периоды экономического кризиса и последующей стабилизации на первый план трудоустройства выходят «удобные» рабочие места, не требующие высокой квалификации. Доходных рабочих мест с высоким уровнем организации умственного труда явно не хватает, что ведет к деградации инженеров, техников и рабочих. При таких обстоятельствах главенствующую роль в обеспечении семейного бюджета нередко играют именно женщины, более приспособленные к «удобным» рабочим местам; значительная же часть мужчин уходит в частный извоз, мелкий ремонт или же остается без работы. Без целенаправленного развития инновационной экономики, глубокой диверсификации производства с адекватным уровнем подготовки кадров данный «замкнутый круг» не разорвать.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ФОНДЫ. Экономическая оценка производственных фондов ради быстрой их приватизации и укрепления позиций «рынка» оказалась в 1990-х гг. настолько бестолковой и противоестественной, что даже спустя 15 лет статистические показатели об этой части производительных сил ни о чем не говорят. Расчет, например, фондовооруженности и фондоотдачи потерял реальный смысл.

Переоценка основных фондов была и остается организованной крайне плохо — без научного подхода к процессам накопления и воспроизводства капитала, с запоздыванием относительно инфляции на 2 — 3 года. Позиция производственных фондов в системе общественного воспроизводства остается крайне заниженной: нет внятной амортизационной политики и уже давно не проводятся расчеты нормативов запасов товарно-материальных ценностей.

Стабилизация работы предприятий основных отраслей хозяйства дает все же возможность более или менее объективно оценить структурные показатели, индексы физического объема и коэффициенты динамики фондов, но лишь за последние два — три года.

Данные 2006 г. (табл. 6) указывают на весьма высокую долю транспорта и связи в фондах республики, что еще раз подчеркивает значение ее транзитных функций. Отмечается положительная динамика в росте физического объема основных фондов, обусловленном вводом новых мощностей в минерально-сырьевом комплексе, строительстве, торговле, сфере операций с недвижимостью и госуправлении.

Уровень обновления и выбытия фондов однозначно оценить нельзя; к 2006 г. в основном реализованы проекты модерни-

Таблица 6. Структура и динамика основных фондов Республики Коми по видам экономической деятельности, объединенным в две группы, в % (2006 г.)

Группы отраслей	Структура	Рост (снижение)	Коэфф. обновления	Коэфф. выбытия	Степень износа
Отрасли, производящие товары	28,6	107,5	6,1	2,0	38,6
В том числе добыча полезных ископаемых	16,3	107,9	8,3	2,6	37,7
Отрасли, отказывающие услуги	71,4	103,1	4,9	0,3	59,3
В том числе:					
транспорт и связь	54,6	105,9	5,7	0,1	67,3
торговля	0,9	111,4	11,0	6,1	36,6
финансовая деятельность, операции с недвижимостью, аренда и предоставление услуг	10,5	100,1	1,2	0,4	33,0
образование, здравоохранение и предоставление социальных услуг	4,0	106,1	3,5	0,9	45,0

зации целлюлозно-бумажной (Сыктывкарский ЛПК), нефтеперерабатывающей (Ухтинский НПЗ) и частично – угольной промышленности (Воркутауголь), увеличились мощности по добыче бокситовых руд; однако в тех же и других отраслях все еще остается много старого оборудования и ветхих сооружений, что видно из данных о высокой степени износа основных фондов. Сооружения, машины и оборудование, транспортные средства изношены более чем наполовину. Удельный вес полностью изношенных основных фондов в республике составил в 2006 г. 15,4%; колебания от 4,9% – здания до 24,6% – транспортные средства. Транспорт стал в социальном и экологическом отношении весьма опасным.

Научные рекомендации по управлению процессами развития материально-технической базы производства ранее касались в основном амортизации, в настоящее время – инноваций на основе научно-технических достижений.

В пике кризиса амортизация падала до уровня 10 – 12% от ее реальной величины. Но и начисленная амортизация в значительной мере «проедалась», то есть шла на пополнение оборотных средств, на выплату дивидендов и в другие каналы, но не на техническое перевооружение. Доля амортизации в капитальных вложениях составляла 15 – 20%; в развитых странах даже с их обширной финансово-кредитной системой, эта доля составляет 55 – 60%.

Парадокс с амортизацией заключается в том, что выявление ее реальной величины и использование по назначению приведет к снижению объема «чистой продукции» из-за объективно необходимого роста производительных затрат на обновление основных фондов. Необходимо преодолеть иллюзию предпочтительного роста ВВП.

Наши предложения заключаются в том, чтобы проводить жесткую амортизационную политику. Это будет продуктивно, если на базе амортизации и некоторых других финансовых ресурсов предприятия откроют в банках специальные счета, средства которых могут использоваться только на капитальное строительство, модернизацию и внедрение новой техники. Если по каким-либо причинам предприятие не может в текущем году использовать данные средства, то эту их часть можно было бы аккумулировать на «счетах регионального развития» с выплатой предприятию ренты по средней процентной ставке по ссудам.

На практике же, когда изначально ставится задача удвоения ВВП в течение 10 лет, а затем идет поиск путей ее решения «любой ценой», то невольно возникает политический умысел – повременить с наведением экономического порядка в процессах воспроизводства основных фондов. Здесь уместно заметить: экономический фетишизм заключается и в том, что роль некоторых показателей уровня социально-

Таблица 7. Объем и динамика валового регионального продукта Республики Коми

Показатель	1998 г.	2000 г.	2002 г.	2005 г.
ВРП в текущих ценах, млрд. руб.	29,1	59,5	86,0	173,0
ВРП в сопоставимых ценах 1998 г., млрд. руб.	29,1	30,8	32,1	36,5
Рост ВРП в сопоставимых ценах, %	100,0	105,8	110,3	125,4
Индекс-дефлятор ВРП, в разах к 1998 г. к предыдущему году	1,0(1,2)	1,9(1,4)	2,6(1,1)	4,7(1,3)
ВРП на душу населения в текущих ценах, тыс. руб.	26,8	56,6	84,1	174,6
ВРП на душу населения в сопоставимых ценах 1998 г., тыс. руб.	26,8	29,1	31,2	36,6
Рост ВРП на душу населения в сопоставимых ценах, % к 1998 г.	100,0	108,6	116,4	136,6

экономического развития чрезмерно отрывается от реальных процессов жизни. Это относится и к ВВП, величина которого обусловлена не только выпуском товаров и оказанием услуг, но и системой налогообложения, таможенной политикой, банковскими и тому подобными операциями, «игрой» цен и т. д.

ПРОИЗВОДСТВО И ПОТРЕБЛЕНИЕ. В системе национальных счетов производство и потребление фиксируются через объем, динамику и структуру валового регионального продукта (табл. 7).

Данные таблицы 7 свидетельствуют о положительной динамике производства после дефолта, высоком росте цен производителей и сохранении инфляционного потенциала, о более существенном росте ВРП на душу населения за счет сокращения его численности.

Структура производства ВРП по видам экономической деятельности в Республике Коми примечательна тем, что она отражает ее хозяйственный профиль наиболее ярко, по сравнению с другими показателями, а именно решающую роль сырьевого сектора, главным образом добычи нефти (7,2% занятых производят 34,3% ВРП, и это, пожалуй, не столько результат уровня организации труда и его производительности, сколько роста цен на нефть и другие полезные ископаемые на мировом и отечественном рынках; табл. 8).

Заметим, что рыночные преобразования привели к весьма существенным изменениям в экономическом статусе регионов России. В годы плановой экономики

«чистый продукт» оседал не только в центре, но и в значительной мере в регионах с развитой обрабатывающей промышленностью. В то время межрегиональные финансовые взаимоотношения были организованы так, что можно было наблюдать ярко выраженную эксплуатацию сырьевых регионов со стороны обрабатывающих. Сейчас ситуация иная: финансовые ресурсы еще в большей мере идут в центр, но и в значительной мере остаются в регионах минерально-сырьевой и топливно-энергетической промышленности. Это более справедливо, чем было когда-то.

Но появилась несправедливость другого характера, когда чрезмерно высокий экономический статус получают регионы, концентрирующие учреждения финансово-банковской сферы и «головного» управления крупными производственными компаниями и холдингами. В Республике Коми на одного человека, занятого в операциях с недвижимостью, производится ВРП

Таблица 8. Структура валового регионального продукта по видам экономической деятельности в сравнении с показателями структуры занятых в 2005 г., в %

Группы отраслей	ВРП	Занятые
Отрасли, производящие товары,	58,8	37,7
В т. ч. добыча полезных ископаемых	34,3	7,2
Отрасли, оказывающие услуги	41,2	62,3
В том числе:		
– транспорт и связь	12,6	11,3
– торговля	9,1	9,5
– финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	9,1	8,6
– образование, здравоохранение и предоставление социальных услуг	5,9	19,7

больше в 1,5 раза, чем в обрабатывающих отраслях промышленности, и в 7,2 раза — чем в образовании. Это, конечно, противоречит пониманию общественного значения труда представителей разных профессий.

На всех этапах новейшей истории нашей страны в ущербном положении находились (и находятся) сельское и лесное хозяйство и, соответственно, районы данной специализации. Ценовая политика такова, что на одного занятого в этих отраслях производится ВРП меньше в 3 раза, чем в целом по хозяйству республики, в 14 раз — чем в добыче полезных ископаемых и в 5 раз — по сравнению с операциями с недвижимостью. При такой дискриминации неизбежна деградация производственного потенциала аграрного сектора — земельного, материально-технического, кадрового. Доля местного производства в структуре потребления мяса и мясопродуктов снизилась за период 1990 — 2006 гг. с 42,9 до 25,9%, молока и молокопродуктов — с 41,4 до 28,4%, яиц — с 99,6 до 68,2%; доля инвестиций в основной капитал сельского хозяйства в общей сумме инвестиций в экономику республики снизилась с 5,7 до 0,2%; посевные площади в хозяйствах всех категорий сократились со 100 тыс. га до 55 тыс. га, поголовье крупного рогатого скота — со 173 до 44 тыс. гол., в т. ч. коров — с 71,0 до 22 тыс. гол., свиней — со 136 до 24 тыс. гол., оленей — со 124 до 84 тыс. гол. Парк тракторов всех марок в сельхозорга-

низациях уменьшился с 6 778 до 1 252 ед. Начиная с 1990-х гг. отмечается постоянное опережение роста цен на энергоресурсы, сельхозтехнику, минеральные удобрения, комбикорма и т. д. по сравнению с ценами на сельхозпродукцию, сокращение уровня государственной поддержки; 39% сельхозорганизаций в 2006 г. были убыточны. Ценовой диспаритет — одна из основных причин отсталости и лесозаготовительной промышленности, хотя ее экономические характеристики не столь удручающи, как сельского хозяйства. Преодоление кризиса в этих отраслях является важным фактором стабилизации социально-экономической ситуации в сельской местности.

Из *таблицы 9* видно, что доля промежуточного потребления в структуре совокупного продукта возросла на 6,7 процентных пункта. Это говорит о снижении эффективности общественного производства в силу относительно высоких материальных и так называемых транзакционных затрат. Последние статистика непосредственно не учитывает, но их масштаб можно понять из доли «прочих затрат». В нефтедобывающей промышленности России в 2004 г. они составили 55,6%; в Республике Коми — 61,5%; в газовой, соответственно, 65,3 и 9%. Нефтедобывающие компании более самостоятельны, чем газовые: они сами определяют место учета транзакционных издержек, во втором же случае их фиксирует Газпром в целом.

Таблица 9. Структура распределения совокупного продукта и использования валового регионального продукта в Республике Коми (в текущих ценах и %)

Показатель	2000 г.		2005 г.	
	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%
Распределение выпуска совокупного продукта	99,1	100,0	322,1	100,0
Промежуточное потребление	39,6	40,0	149,1	46,3
Валовой региональный продукт	59,5	60,0	173,0	53,7
Использование ВРП	-	100,0	-	100,0
Расходы на конечное потребление	31,6	53,2	109,7	63,4
в них домашних хозяйств	23,8	40,0	84,8	49,0
Валовое накопление основного капитала	18,0	30,3	54,4	31,4
из него инвестиции в основной капитал	16,6	27,9	50,2	29,0
Сальдо вывоза и ввоза	+9,8	16,5	+8,9	5,2

Пропорции использования ВРП отражают устойчивые позиции валового накопления и инвестиций в основной капитал, но заметный рост расходов на конечное потребление. Это стало возможным за счет снижения вывоза и увеличения ввоза товаров и услуг в республику. Сальдо вывоза и ввоза остается положительным, однако его позиции за период 2000 – 2005 гг. снизились на 11,2 процентных пункта, в абсолютном объеме (в ценах 2000 г.) – в 2,7 раза. Основная причина данного процесса – рост зависимости республики от внешнего продовольственного обеспечения.

Некоторые показатели потребления в своей динамике отражают степень устойчивости экономики. Такими являются потребление воды и энергии (табл. 10).

Таблица 10. Потребление воды и энергии в Республике Коми

Показатель	1985 г.	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2006 г.
Забор воды из природных водных объектов для использования, млн. м ³	753	852	812	706	627	615
Потребление энергоресурсов (за исключением идущих в обрабатывающую промышленность в виде сырья), млн. т у. т.	12,8	13,9	9,5	9,4	10,0	10,5
Потребление электричества, млрд. кВт. час.	8,7	10,0	8,4	7,9	8,0	8,5
Кэфф. энерго-топ., млрд. кВт. час. млн. т у. т.	680	799	884	840	800	810

ДОХОДЫ И РАСХОДЫ. СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ. В Республике Коми, как и в России в целом, в 1990-е гг. происходило расслоение населения по уровню доходов не на почве увеличения общественной производительности труда и роста потребностей, а в силу разрушения старой системы, снижения эффективности производства, стресса и борьбы за физическое выживание одних групп населения, деления сфер экономического влияния и нетрудового обогащения – других. Последние уяснили выгоды революционного реформирования и осознанно заняли ведущие политико-экономические позиции, первые – длительное время не понимали серьезности последствий буржуазно-демократической революции и должным образом не оценили свою роль в системе новых движущих сил развития общества.

В кризисной ситуации водное и энергетическое хозяйства служат своего рода страховщиками, сохраняя резервы для будущего роста. При этом мало внимания обращается на сбережение ресурсов. Наоборот, в годы стабильной и растущей экономики энерго- и водосбережение становится актуальным. Энерго-топливный коэффициент примечателен тем, что он отражает уровень технологического развития: в годы движения к сплошной электрификации этот коэффициент увеличивается весьма заметно (в 1970 г. его величина была 443 у. е.), но затем стабилизируется. Можно предположить: когда технология производства приобретет новое качество на основе энергии высокого потенциала, сдвиги данного показателя вновь будут более заметными.

Пример 1992 г.: разрыв между 10-процентными высоко- и низкодоходной группами семей в первом квартале составлял более чем 10 раз, во втором – 12, в третьем – 18,5, четвертом – 20 раз.

Насколько существенно удалось преодолеть результат социально-экономического произвола прошлых лет?

Ответ на данный вопрос виден в таблице 11. По относительным показателям уровня доходов населения в целом положительные сдвиги в республике наблюдаются после 2000 г. Это подтверждает и распределение населения по величине среднедушевых денежных доходов (в %):

	2000 г.	2006 г.
До 5 000 рублей	84,1	20,4
От 5 001 до 10 000 рублей	13,2	31,4
От 10 001 до 15 000 рублей	2,0	19,3
Свыше 15 000 рублей	0,7	28,9

Таблица 11. Индикаторы уровня жизни населения Республики Коми

Показатель	1998 г.	2000 г.	2002 г.	2006 г.
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, в %	16,1	26,3	19,4	15,4
Соотношение с величиной прожиточного минимума среднедушевых денежных доходов, в %	260	211	271	308
Коэффициент дифференциации доходов, раз	14,5	14,5	17,1	17,3
Индекс концентрации доходов (коэфф. Джини)	0,403	0,402	0,425	0,427

Однако в настоящее время наблюдается не только чрезмерный разрыв в уровнях доходов, но и такие явления, как социальная напряженность, пессимизм, апатия, ориентация на меркантильность, псевдокультуру и другие негативные «ценности» жизни.

Социальная стратификация населения в определенной мере проявляется и в его расходах. Их структура примечательна тем, что люди с наименьшими доходами тратят на питание (по данным 2006 г.) 52,4% своих расходов, наибольшими – 27,1%; аналогичные данные о покупке непродовольственных товаров – 16,5 и 42,6%.

В Республике Коми предпринимались попытки сгладить социальные различия законодательным путем, например, через регулирование соотношений в размерах заработной платы или путем нормирования предельных торговых надбавок к цене товара. Но эти попытки практически реализовать не удалось в силу лоббизма со стороны бизнеса либо несоответствия регионального законодательства федеральному.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ХОЗЯЙСТВА. В Республике Коми сформировались очаги хозяйственной деятельности под влиянием определенных производств и их тяготения к ведущим центрам. Сюда относятся районы: Воркута-Интинский (уголь), Печоро-Усинский (нефть и

р. Печора как транспортный путь), Ухта-Сосногорский (газ, транспорт нефти и газа, горнорудная промышленность) и Сыктывкарский (лес и лесопереработка, АПК, автотранспорт, административные функции).

Население каждого из них тесно связано с условиями развития указанных отраслей, их экономическим статусом и корпоративной политикой. Это же в значительной мере предопределяет расслоение районов по величине финансового дохода, уровню жизни, характеру миграции и т. д. Велика социально-экономическая дифференциация и внутри указанных районов, что предопределено характером расселения населения. Положение указанных четырех внутриреспубликанских районов в общей структуре хозяйства отражено в *таблице 12*.

Вполне естественно, что динамика территориальной структуры хозяйства республики на фоне общих социально-экономических процессов показывает разную степень проблемности угольной промышленности в арктической зоне, нефтегазового комплекса в зонах лесотундры и крайней северной тайги, переработки полезных ископаемых в северотаежной зоне, сельского хозяйства, лесозаготовок и деревообработки освоенных таежных, в том числе южнотаежных, территорий.

Таблица 12. Территориально-хозяйственная структура Республики Коми по числу занятых

Внутриреспубликанские районы	1994 г.	2001 г.	2006 г.	1994 г.	2001 г.	2006 г.
	Тыс. чел.			%		
Воркута-Интинский	117	81	61	24,1	19,2	15,4
Печоро-Усинский	73	65	62	15,0	15,4	15,6
Ухта-Сосногорский	114	99	96	23,5	23,5	24,3
Сыктывкарский	182	177	176	37,4	41,9	44,7
Всего	486	422	395	100,0	100,0	100,0

Проблемность заключается не только в разной реакции на экономический кризис и его преодоление, но и в мере готовности (или неготовности) встать на путь естественноисторического развития. Дело в том, что в истории освоения природных ресурсов Крайнего Севера было чрезмерно много лишнего и бесчеловечного (например, ГУЛАГ).

Избавление от прошлого негатива — дело болезненное. Ситуация была бы социально справедливой, если сокращение населения и производства в поселениях Крайнего Севера сопровождалось бы существенным повышением благоустройства оставшихся здесь работать и жить.

На пути к инновационной экономике

По логике экономического анализа, к инновациям следовало бы подвести разделы кадровой, финансовой и инвестиционной политики. Но это весьма объемный научно-аналитический материал, который заслуживает специального рассмотрения. В рамках данной статьи это сделать невозможно, поэтому мы будем исходить как бы из итоговых результатов: кадровая политика в республике активизируется, особенно в части профессионального образования; финансовый потенциал нуждается в укреплении за счет совершенствования межбюджетных отношений, формирования внебюджетных фондов, более активной кредитной политики, а также (как отмечено выше) амортизационной; инвестиционный рейтинг республики существенно повысился, что соответствует ускоренному росту капитальных вложений (в 2004 г. — 121,8%; 2005 г. — 131,4%; 2006 г. — 135,2%). Однако инвестиционный потенциал не полностью соответствует требованиям инновационной деятельности — 60% инвестиций в основной капитал используется на строительство зданий и сооружений и лишь 29% — на покупку и модернизацию машин, оборудования и транспортных средств.

Главное, что удалось доказать, заключается в следующем: хозяйство северных регионов наукоемко; в природно-ресурсных отраслях можно получать новые продукты, конкурентоспособные на мировых рынках; технологии по добыче и переработке сырья все в большей мере основываются на прогрессивных научно-технических достижениях в области электроники, механики, химии, микробиологии и других отраслей знаний. Развитие (как смена качества) отражается не столько в темпах роста ВРП, сколько в активной работе по освоению новых знаний.

На Севере, в том числе и Республике Коми, особое внимание следует обратить на поиск новых технологических методов разведки месторождений полезных ископаемых, их максимального извлечения и комплексного использования, обеспечение экологической безопасности освоения биоресурсов, производство морозостойких полимерных композиционных материалов, проектирование машин и механизмов, конструкций и сооружений, пригодных к эксплуатации в сложных и экстремальных природных условиях, разработку новых технологий строительства дорог, ледовых переправ и зимников.

Конечно, это не полный перечень «точек роста», но даже в таком виде он демонстрирует актуальность решения научно-технических проблем Севера. В указанных направлениях заключена не только проблематика на будущее, но и реальные достижения настоящего времени, которые в значительной мере уже подготовлены для практического применения.

Укажем лишь в общих чертах на генеральные направления инновационной экономики в Республике Коми.

ТОПЛИВНЫЙ КОМПЛЕКС. Для развития Печорского угольного бассейна актуальными являются новые технологии в части комплексного использования крупных

запасов углей зольных и труднообогащаемых коксующихся марок, утилизации метана, получения жидкого синтетического топлива, производства адсорбентов, угляграфитовых материалов и термографитов. Заблаговременно нужно оценить вероятность перехода на бескоксовую металлургию и вытекающую отсюда необходимость широкого развития углехимии.

Будущее Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции во многом зависит от использования новых принципов разработки сложных по составу месторождений нефти, методов утилизации попутного и растворенного газа, комплексного использования парафина. Необходимо увеличить извлечение этана, бутана, пропана, сероводородов и организовать на этой основе производство полихлорвинила, пластмасс, газовой серы и других продуктов.

ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС. Технологическое развитие здесь нацелено не только на улучшение его традиционной структуры (например, получение глинозема, марганца и баритов и др.), но и производство новых видов материалов, например разнообразных керамик, каменного литья, базальтового и оптического волокна, искусственных кристаллов, синтетических изделий.

ЛЕСНОЙ И АГРАРНЫЙ СЕКТОРЫ ХОЗЯЙСТВА. Реализация инноваций в лесном хозяйстве республики требует большой научно-исследовательской и проектно-конструкторской работы, особенно в части биотехнологий и лесохимии. В настоящее время имеются достаточно научно обоснованные технологии с использованием методов эмульсионной экстракции, гидролиза, окисления, карбоксилирования и других, которые позволяют комплексно перерабатывать древесную зелень в ценные биологически активные вещества и пищевые добавки. Биотехнология весьма перспективна в переработке тех растений,

которые являются источником полисахаридов, обладающих иммуномодулирующей активностью и выраженным действием на эндокринную и сердечно-сосудистую системы организма.

Необходима государственная поддержка в техническом перевооружении и новом строительстве перерабатывающих предприятий и цехов по выпуску мясной, молочной, хлебобулочной продукции, в развитии закупочно-заготовительной и снабженческо-сбытовой сети, факторийных форм торговли и обмена на местах проживания и хозяйственной деятельности коренных народов Севера.

Новые достижения в сельском хозяйстве северных территорий связаны с использованием отечественной грядово-ленточной и голландской технологий возделывания картофеля, финской технологии выращивания рассады и посадки капусты, а также технологий хранения овощей, в том числе с использованием льда в качестве конструкционного материала хранилищ. Получены новые научные результаты и накоплен практический опыт повышения продуктивности пород скота, однако широкого распространения они не получили из-за почти полного отсутствия у сельхозпредприятий финансовых ресурсов.

Приведенные выше материалы позволяют сделать весьма важный вывод: научно-технический прогресс и инновации — это и есть новые направления производительных сил Республики Коми. Как видим, они тесно связаны с природно-ресурсной экономикой, делают ее более наукоемкой, а следовательно, и более конкурентоспособной на внутреннем и внешнем рынках. Но еще более значительна их связь с повышением интеллектуального потенциала населения, что чрезвычайно важно для обеспечения устойчивого социально-экономического развития.

Тенденции и перспективы социально-экономического развития Мурманской области

В настоящей статье предлагается обзор тенденций и особенностей экономических и социальных процессов в Мурманской области в период рыночных преобразований, а также краткое описание ближайших перспектив развития региона.

Региональные экономические и социальные процессы, планирование, управление.

**Владимир Всеволодович
ДИДЫК**

кандидат экономических наук, заместитель директора
Института экономических проблем им. Г.П. Лузина
Кольского научного центра РАН

В 2008 году отмечается 80-летие со дня образования Мурманской области как самостоятельного административно-территориального образования в составе РСФСР. Предвоенные и особенно послевоенные годы были характерны стабильным значительным ростом численности населения и экономики региона, который продлился вплоть до начала 1990-х годов. Период глубоких трансформационных процессов, связанных с рыночными преобразованиями в стране, для Мурманской области, также как и для большинства регионов России, был сопряжен с затяжным кризисом в экономике и ухудшением условий жизни населения, а начиная с 2000 г. преобладающей тенденцией стал экономический подъем и рост уровня жизни людей. Несмотря на подобие главных трендов социально-экономических процессов в стране и Мурманской области, существует множество различий происшедших изменений, которые обусловлены особенностями региона (экономико-географи-

ческими, природно-климатическими, социально-демографическими).

Общую экономическую ситуацию в области определяет преимущественно промышленное производство. Если рассматривать динамику объемов промышленного производства за период с начала рыночных реформ, сопоставляя ее с общероссийскими показателями (рис. 1), то можно выделить следующие тенденции.

Спад реальных (физических) объемов промышленного производства в 1990-е годы был менее глубокий, чем в среднем по стране. Это объясняется особенностями структуры промышленности области, в которой преобладают предприятия, ориентированные на добычу и первичную переработку природных ресурсов. Такая специализация, а также либерализация внешней торговли в стране позволили переориентировать значительные объемы поставок продукции ведущих предприятий области с внутреннего (общероссийского) на внешний рынок [1].

Восстановительный рост реальных объемов промышленного производства начался в области, также как и в целом по стране, с 1999 г., однако в последние годы темпы такого роста стали существенно различаться (табл. 1).

Таблица 1. Динамика годовых темпов прироста реальных объемов промышленного производства, % к предыдущему году

Регион	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Мурманская область	1,7	-1,6	2,7	2,0	0,5	2,2
Россия	4,9	3,7	7,0	6,1	4,0	3,9

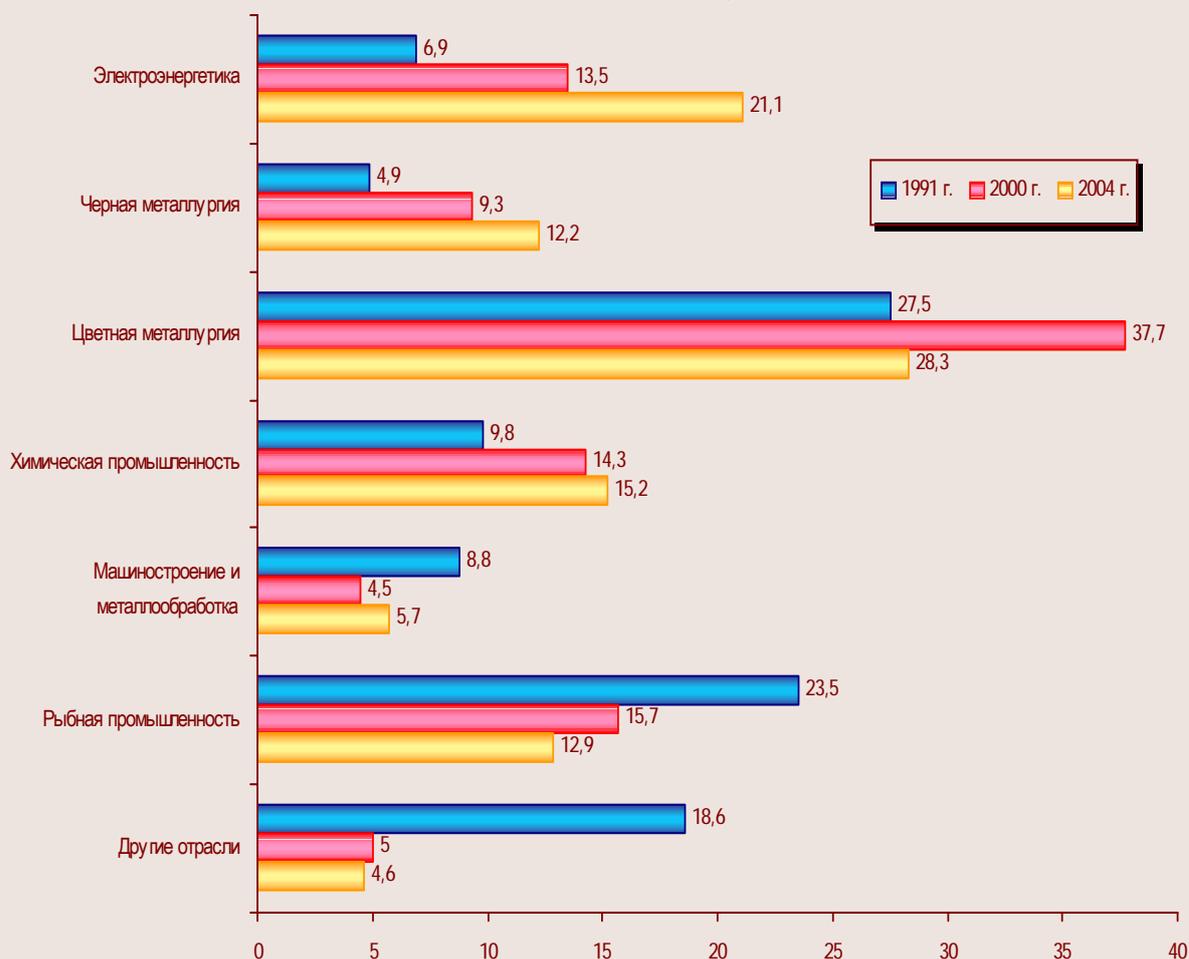
Тенденция замедления темпов роста промышленного производства характерна как для области, так и всей страны, но в Мурманской области она выражена более существенно. Такое положение объясняется главным образом ухудшением сырьевой базы и условий добычи ресурсов на большинстве горнопромышленных и рыбодобывающих предприятий, составляющих основу промышленности области. В то же время на динамику объемов производства стали оказывать существенное влияние и факторы платежеспособного спроса, конкуренции.

За годы рыночных преобразований произошли существенные изменения структуры промышленности. Иллюстрирует такие

изменения в разрезе отраслей промышленности, статистический учет которых велся до 2004 г., диаграмма (рис. 2).

Наибольшее изменение доли в структуре стоимости товарной продукции промышленности характерно для электроэнергетики – она возросла более чем в три раза (с 6,9 до 21,1%). Однако такой рост вызван преимущественно ценовым фактором, т. е. опережающим ростом цен на электро- и теплоэнергию по сравнению со средним ростом цен в промышленности, поскольку физические объемы производства предприятий электроэнергетики сократились. За рассматриваемый период возросла суммарная доля отраслей горнопромышленного комплекса (черной и цветной металлургии, химической промышленности), традиционно являющихся отраслями специализации области, с 42% в 1991 г. до 55,7% в 2004. В отдельные годы она превышала 60%, что связано главным образом с колебаниями цен на цветные металлы. В то же время доля таких перерабатывающих отраслей, как машиностроение и металлообработка, легкая промышленность, лесная и деревообработка, промышленность строительных материалов, существенно уменьшилась. Однако в изменении доли отраслей традиционной специализации есть исключения, а именно:

Рисунок 2. Структура промышленности Мурманской области по доле отраслей в общей стоимости товарной продукции, %

заметно сократилась доля рыбной промышленности. Это связано как с падением объемов вылова рыбы, так и с еще более значительным сокращением рыбопереработки (соответственно в два и пять раз за рассматриваемый период). Однако в 2005 и 2006 гг. был преодолен спад в рыболовстве, наблюдавшийся в течение предшествующих лет. Годовые приросты вылова рыбы и других морепродуктов, по данным Мурманскстата, составили в эти годы соответственно 10 и 5%, а абсолютный его объем в 2006 г. достиг 606 тыс. т.

Если давать общую оценку изменений, произошедших в структуре промышленности области, то можно сделать вывод, что

степень диверсификации отрасли уменьшилась. Сократилась преимущественно доля отраслей, обслуживающих внутриобластные потребности (легкая, лесная, промышленность строительных материалов и др.). Это означает, что возросла открытость экономики, т. е. зависимость как от вывоза продукции отраслей специализации за пределы области, так и ввоза потребляемых в регионе товаров. С учетом того, что доля экспорта (в другие страны) в стоимостном объеме промышленного производства стала превышать 40%, возросла зависимость от колебания мировых цен. Степень такого влияния иллюстрируется диаграммой объемов внешней торговли предприятий области (рис. 3).

Резкий спад объемов экспорта в 1998 – 1999 гг. был вызван прежде всего падением мировых цен на цветные металлы, являющиеся главной статьей экспорта области, а рост экспорта в последние годы связан с благоприятной конъюнктурой рынка. В то же время тенденция укрепления рубля может ослабить выгоды предприятий от экспорта.

С 2005 г. статистические органы России перешли на новую методологию группировки предприятий и объемов их производства для расчета сводных показателей: она сейчас ведется по видам экономической деятельности, а не по отраслям. Промышленное производство сгруппировано по трем укрупненным видам деятельности: «Добы-

ча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды».

Если рассматривать указанный аспект структуры промышленного производства, то в Мурманской области наибольшая доля принадлежит обрабатывающим производствам (рис. 4)¹.

Изменения долей указанных видов деятельности в структуре промышленности за рассматриваемый период происходило в основном под влиянием ценового фактора, поскольку изменение физических объемов производства было незначительным. Например, рост доли обрабатывающих производств в 2006 г. произошел, главным образом, за счет роста цен на цветные

металлы. В результате при росте физических объемов производства обрабатывающих производств на 2,5% стоимость отгруженной продукции в действующих ценах возросла на 21,4%.

Благодаря благоприятной в последние годы для основных предприятий области ценовой конъюнктуре заметно выросла их прибыль. Согласно данным Мурманскстата общая сумма сальдированной прибыли (разность прибыли и убытков) крупных и средних промышленных предприятий области в 2006 г. выросла по сравнению с предшествующим годом в 1,5 раза, достигнув 23,2 млрд. руб. Более 70% этой суммы обеспечили предприятия цветной металлургии. Вместе с тем сохраняется высокая доля убыточных предприятий. Несмотря на тенденцию снижения доли предприятий, получивших убытки, среди всех учитываемых по этим показателям предприятий² (с 40% в 2004 г. до 31,4% в 2006 г.), сумма убытков увеличилась в 2006 г. по сравнению с 2005 г. на 49,1% и составила 2,8 млрд. руб.

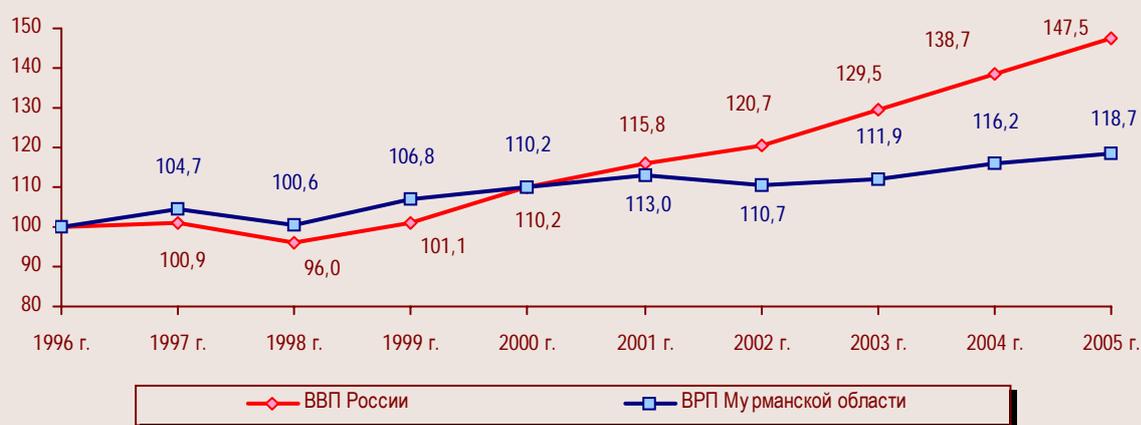
В числе проблем большинства отраслей экономики следует выделить низкие темпы обновления основных фондов, что приводит к нарастанию физического и морального износа производственного аппарата. Степень износа основных фондов в целом по промышленности неуклонно нарастала в последние годы и достигла к началу

2005 г. 47,7%. В ряде ведущих отраслей (электроэнергетике, черной металлургии, химической промышленности) значение коэффициента износа превысило 50%. Относительно лучше положение по этому показателю в цветной металлургии (31,7%).

Таким образом, при всей неоднозначности процессов, происходящих в промышленности – базовой отрасли экономики региона, в целом можно говорить о стабильной ее работе.

Для более общей характеристики тенденций развития экономики региона с охватом всех отраслей и видов деятельности необходимо рассмотреть динамику и структуру такого важного макроэкономического индикатора, как валовой региональный продукт (ВРП). ВРП определяется как сумма валовых добавленных стоимостей (ВДС) всех хозяйствующих субъектов и организаций, расположенных на территории области, производящих товары и оказывающих услуги (рыночные и нерыночные). Аналогичный показатель на национальном уровне – валовой внутренний продукт (ВВП). Если рассматривать динамику этих показателей (рис. 5) [3], то следует отметить, что, начиная с 2001 г., в Мурманской области темпы роста ВРП существенно отставали от темпов роста ВВП России.

Рисунок 5. Динамика изменения ВРП Мурманской области и ВВП России, 1996 г.=100%

В 2002 г. реальный (в сопоставимых ценах) объем ВРП в области имел даже отрицательный прирост (-2,0%), что полностью корреспондирует с динамикой промышленного производства (в 2002 г. было зарегистрировано снижение объемов промышленного производства на 1,6%).

Таким образом, очевидно, что задачу удвоения ВРП в течение 10 лет, для выполнения которой требуется ежегодный прирост в среднем на уровне 7%, в Мурманской области можно решить только за счет крупных инвестиций в значительное увеличение масштабов существующих или развития новых сфер деятельности.

Анализ показал, что, несмотря на невысокие темпы роста ВРП, качественные характеристики этого роста с точки зрения эффективности использования ресурсов несколько улучшились. Так, производство ВРП в сопоставимых ценах на одного занятого в экономике области (или производительность труда по ВРП) увеличилось за период с 2001 по 2005 г. на 10,8%. А такой показатель, как затратоемкость, который рассчитывается как отношение стоимости промежуточного потребления к ВРП, снизился за период с 2001 по 2004 г. на 35,7%, что характеризует повышение экономической эффективности производства ВРП. Вместе с тем следует отметить,

что последний показатель находится под сильным влиянием соотношения цен на товары промежуточного потребления и выпускаемые продукты, которые могут колебаться под влиянием не зависящих от производителей факторов. Поэтому указанное повышение эффективности в значительной степени обусловлено отмеченной выше благоприятной конъюнктурой цен на продукцию ведущих промышленных предприятий области за последние годы, которая может быть не постоянной. Устойчивое повышение эффективности может быть достигнуто только за счет планомерного технического перевооружения производства, внедрения инноваций, что, как было отмечено на примере темпов обновления основных производственных фондов в промышленности области, реализуется крайне медленно.

Характер изменения структуры ВРП области по разным признакам за последние годы можно оценить на основе данных *таблицы 2*.

Анализ данных таблицы с учетом аналогичных показателей предшествующих лет позволяет заметить, что в структуре валового регионального продукта до 2004 г. преобладала тенденция снижения доли производства товаров (с 54,6% в 1994 г. до 47,7% в 2003 г.) в пользу роста доли услуг

Таблица 2. Структура ВРП Мурманской области, %

Показатели		2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.*
1. Доля в ВРП	– производства товаров	54,7	48,5	47,7	57,7	н/д
	– производства услуг	45,7	50,2	51,4	41,7	н/д
	– чистых налогов на продукты	-0,4	1,3	0,9	0,6	н/д
2. Вклад отдельных отраслей в производство ВРП	– промышленность	46,7	42,2	40,4	51,8	52,7
	– строительство	6,3	5,2	6,0	5,1	2,4
	– транспорт	11,2	10,6	12,1	9,3	12,7
3. Доля использованного ВРП в общем объеме его производства		92,3	92,1	96,2	76,3	н/д
4. Доля в произведенном ВРП	– расходов на конечное потребление	72,1	76,6	78,9	59,4	66,5
	– валовое накопление основного капитала	20,1	15,5	18,1	13,4	15,7

* Показатели за 2005 год приведены на основе статистических данных, сгруппированных по новой методологии (классификация по видам экономической деятельности), поэтому в отраслевом разрезе с данными предшествующих лет не являются полностью сопоставимыми.

Источник: Рассчитано на основе данных Мурманскстата [3].

(соответственно с 41,8 до 51,4%). Такие изменения соответствовали общеэкономическим тенденциям, характерным для стран и регионов с развитой рыночной экономикой. Однако по итогам 2004 г. доля производства товаров вновь возросла (до 57,7%). Это было обусловлено, как уже отмечалось, благоприятной конъюнктурой как на внешнем, так и на внутреннем рынке для продукции основных промышленных предприятий области, годовая прибыль которых резко возросла по сравнению с предшествующим годом. В результате доля промышленности в отраслевой структуре ВРП области превысила 50% (в среднем по России она составляет около 30%). В отраслевой структуре ВРП наблюдалась также тенденция повышения доли транспорта.

Показатель соотношения произведенного и использованного ВРП (п. 3 в табл. 2) отражает тот факт, что Мурманская область относится к числу регионов-доноров по ВДС в рамках национальной экономики. В 2004 г. эта роль особенно усилилась (превышение производства ВДС над использованием ВРП достигло 23,6%).

Неблагоприятным изменением в структуре использования ВРП явилась тенденция снижения доли валового накопления основного капитала. Это означает, что относительно снизился уровень инвестирования экономики при острой потребности в обновлении основного капитала и наличии необходимых внутренних ресурсов. Мировой опыт показывает, что для нормального воспроизводственного процесса доля валового накопления в ВРП должна быть на уровне 23 – 25%.

Таким образом, по основным макроэкономическим показателям Мурманская область также характеризуется как некоторыми положительными, так и неблагоприятными тенденциями.

Совмещение противоположных тенденций характерно и для такого важного для региона вида экономической деятельности,

как рыболовство. С одной стороны, в течение двух последних лет отмечается рост улова рыбы и добычи других морепродуктов. С другой – в отрасли остро стоят проблемы обновления флота, нарастают ограничения, связанные с сырьевой базой и высокими ценами на топливо.

Среди проблем развития экономики области следует выделить состояние сферы производственной инфраструктуры и обслуживающих отраслей – автомобильных, железнодорожных и энергетических коммуникаций, предприятий транспорта, строительной индустрии. Из-за длительного периода недостатка инвестиций в указанные сферы они отстали от потребностей экономического развития области, что ставит задачи по их ускоренной модернизации в ближайшие годы.

Для более полной оценки предпосылок будущего развития региона необходимо рассмотреть основные показатели социального развития, в частности такие важные его характеристики, как использование трудового потенциала, а также степень реализации одной из главных целей экономической деятельности – повышения уровня жизни жителей региона.

Социально-демографические изменения и использование трудового потенциала

Мурманская область традиционно характеризовалась относительно высоким качеством трудового потенциала, что было обусловлено особенностями его формирования за счет приезжего населения, среди которого преобладали квалифицированные специалисты. Из-за существенного сокращения численности населения с начала 1990-х годов (почти на четверть – с 1,1 млн. чел. в 1991 г. до 861 тыс. чел. в 2006 г.) этот потенциал заметно снизился, однако продолжает оставаться на уровне, обеспечивающем функционирование созданных и востребованных в рыночных условиях производственных мощностей.

Таблица 3. Число безработных, в % к экономически активному населению

		2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Мурманская область	Общая безработица	13,1	10,3	10,2	11,0	8,8	7,0
	Официально зарегистрированная	4,3	4,4	4,4	4,1	3,7	3,4
Россия	Общая безработица	9,0	7,1	8,0	8,5	7,6	7,1
	Официально зарегистрированная	1,6	1,8	1,8	2,3	2,5	2,4

По относительным показателям занятости и безработицы Мурманская область, несмотря на определенное улучшение ситуации в последние годы, как правило, уступает среднероссийскому уровню (табл. 3).

Среди неблагоприятных тенденций демографических изменений в Мурманской области, влияющих на формирование ее трудового потенциала, отмечается сокращение доли населения моложе трудоспособного возраста, рост доли лиц пенсионного возраста (табл. 4); ниже, чем в среднем по стране, показатели продолжительности жизни, особенно мужчин.

Показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении, хотя и имеет в последние годы тенденцию к росту, однако по сравнению с началом 1990-х годов заметно снизился. В 1991 г. он в Мурманской области составлял 70,6 года (при среднем по стране значении 69 лет), а к 2006 г. снизился до 65,2 года (рис. 6), в том числе у мужчин – 58,9 года, женщин – 71,7 года. Таким образом, по данному важнейшему показателю, характеризующему качество жизни населения, Мурманская область утратила ранее имевшиеся преимущества по сравнению с большинством других регионов России.

Таблица 4. Структура населения Мурманской области по возрастным группам, %

Возрастная группа	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Всего	100	100	100	100	100	100
Моложе трудоспособного возраста	18,9	18,5	17,9	17,2	16,6	16,1
Трудоспособного возраста	67,9	68,0	68,6	69,2	69,4	69,5
Старше трудоспособного возраста	13,2	13,5	13,5	13,6	14,0	14,4

Рисунок 6. Динамика показателей «ожидаемая продолжительность жизни при рождении», лет

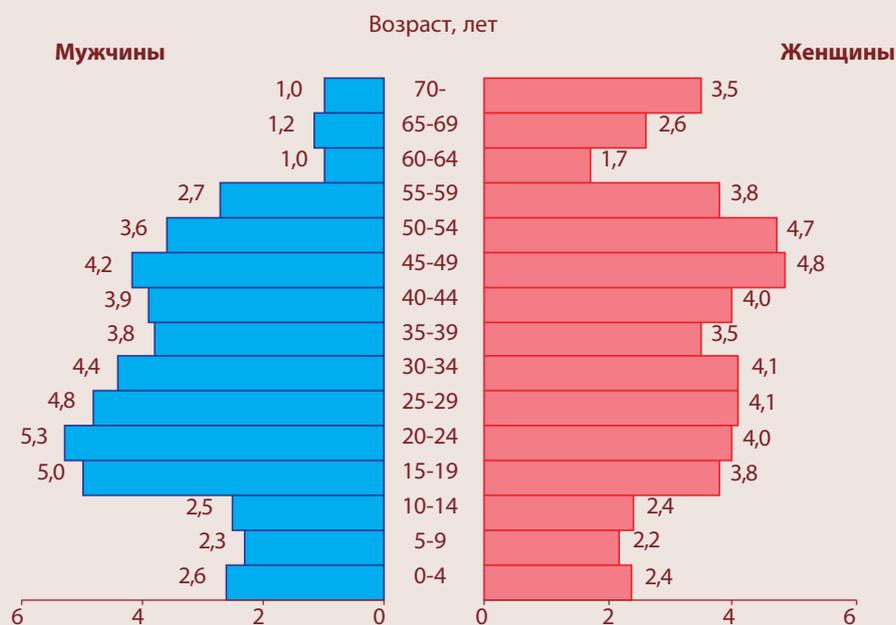
Пока сохраняется, но постепенно также утрачивается преимущество региона по показателю среднего возраста населения. Он

на начало 2006 г. составлял 35,9 года (у мужчин – 33,1, женщин – 38,5) при среднем по России уровне – 37,8 года [4, с. 35].

Важную информацию о состоянии и перспективах изменения человеческого и, в том числе, трудового потенциала облас-

ти можно почерпнуть из диаграммы половозрастной структуры населения, представленной на *рисунке 7*.

Рисунок 7. Структура населения Мурманской области по полу и возрасту на начало 2007 г., %

На основе данных диаграммы можно сделать вывод, что в Мурманской области через 3 – 5 лет начнут обостряться проблемы с притоком молодежи в учебные заведения профессионального образования и на производство. Это обусловлено тем, что возраста выпускников средних общеобразовательных школ станут достигать малочисленные возрастные группы, что было вызвано падением рождаемости в кризисный период 1990-х годов. С другой стороны, в ближайшие годы можно ожидать рост рождаемости, т. к. в репродуктивном возрасте пока находятся относительно многочисленные возрастные группы. Этому будут способствовать и новые, принятые на федеральном и региональном уровнях меры поддержки материнства и молодых семей.

В структуре населения по половому составу преобладает доля женщин (51,6% на начало 2006 г.), но такое превышение достигается за счет большей численности

женщин в возрастных группах старше 40 лет, что обусловлено более высоким уровнем смертности мужчин трудоспособного возраста.

Уровень жизни

Основные показатели, характеризующие уровень жизни населения и динамику его изменения в Мурманской области в сравнении с соответствующими среднероссийскими показателями, приведены в *таблице 5*.

Как видно, темпы роста доходов населения в Мурманской области в последние годы отставали от средних по стране. В результате существовала тенденция сближения уровня оплаты труда в области со средней по России, несмотря на более высокую стоимость жизни в регионе (отношение официально установленных величин прожиточного минимума в области к среднему по России составляет традиционно 1,5 – 1,6).

Таблица 5. Показатели уровня жизни населения в Мурманской области

Показатели		2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Денежные доходы на душу населения в месяц, руб.		4 620,2	5 892,5	7 134,7	8 367	10 302,1	12 580
Индекс реальных располагаемых денежных доходов, в % к предыдущему году	Мурманская обл.	102,0	104,5	101,9	103,8	109,5	112,3
	Россия	108,5	18,8	114,9	107,8	108,8	110,9
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата на одного работника, руб.	Мурманская обл.	5 387	7 223	8 645	10 177	12 509	15 162
	Россия	3 240	4 360	5 512	6 828	8 550	10 910
Отношение средней зарплаты в области к средней по России		1,66	1,66	1,57	1,52	1,46	1,39
Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %	Мурманская обл.	24,6	24,1	24,1	19,8	19,8	18,7
	Россия	31,7	24,2	20,6	17,6	18,4	н/д

По итогам 2005 и 2006 гг., в отличие от нескольких предшествующих лет, зарегистрирован заметный прирост реальных располагаемых денежных доходов населения (9,5 и 12,3% соответственно), который несколько превысил среднегодовой темп прироста по стране, однако с учетом предшествующего отставания паритет при сопоставлении доходов и стоимости жизни не обеспечен. Среднедушевой месячный доход в Мурманской области в 2005 г. обеспечивал 2,2 прожиточных минимума, что меньше, чем в среднем по России. В области сохраняется высокая доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, которая с 2003 г. стала превышать среднероссийский уровень.

Серьезной проблемой в сфере уровня жизни населения является значительная отраслевая и территориальная дифференциация доходов. Средняя заработная плата в отраслях социальной сферы, финансируемых из бюджета, а также в сельском хозяйстве более чем в два раза ниже, чем в отраслях материального производства.

Таким образом, несмотря на некоторые наметившиеся позитивные тенденции в динамике доходов населения, в целом положение в сфере уровня жизни еще далеко от благополучного.

Оценивая основные тенденции социально-экономического развития Мурманской области за период с начала рыночных реформ, можно отметить, что основные отрасли производственной специализации региона — горно-химическая и горно-металлургическая промышленность, энер-

гетика, морской транспорт — вполне успешно адаптировались к новым условиям, обеспечивая свою конкурентоспособность не только на российском, но и на мировом рынке.

В то же время многие предприятия, особенно обрабатывающие, ориентированные на внутренний рынок, оказались неконкурентоспособными, что во многом обусловлено северными удорожающими факторами производства, ограничивающими возможности адаптации к новым условиям. Например, из-за особенностей отраслевой специализации экономики региона, природно-климатических условий малый бизнес в Мурманской области развивался гораздо меньшими темпами, чем в центральных регионах России. В результате социальные последствия кризиса 1990-х годов (рост безработицы, сокращение продолжительности жизни, падение уровня реальных доходов населения) в области были более тяжелые, чем в среднем по стране. Это повлияло на существенное сокращение численности населения области (почти на 20%) как по причине миграционной, так и естественной убыли.

Несмотря на некоторое улучшение социальных показателей в последние годы (снижение безработицы, рост доходов населения), судя по тому, что в регионе продолжается не только, как в целом по России, естественная убыль населения, но и миграционный отток, можно сделать вывод, что провозглашенные цели по улучшению условий и повышению качества жизни людей на данной территории еще не достигнуты.

Будущие возможности

В настоящее время в регионе ведется подготовка к реализации нескольких групп крупномасштабных инвестиционных проектов, которые могут существенно изменить экономическую и социальную ситуацию в области. Наиболее крупная по объему инвестиций группа проектов связана с началом освоения нефтегазовых ресурсов арктического шельфа, и прежде всего Штокмановского газоконденсатного месторождения (ШГКМ). Согласно декларации о намерениях ОАО «Газпром» инвестировать в комплексное освоение ШГКМ, которая 7 июля 2006 г. была одобрена Межведомственной комиссией по размещению производительных сил в Мурманской области, на территории региона предполагается строительство завода по сжижению природного газа, а также газотранспортной (трубопроводной) системы от побережья Баренцева моря до границы с Республикой Карелия. Общий объем инвестиций в зависимости от варианта освоения месторождения оценивается в 40 – 70 млрд. долл. США. Беспрецедентные масштабы проекта обусловили первоначально планы освоения ШГКМ путем создания международного консорциума, а начало добычи газа намечалось на 2011 г. Однако в итоге было объявлено о решении сохранить 100% российскую собственность на ресурсы месторождения, а доли зарубежных участников в совместном предприятии, которое будет осуществлять проект, распределены следующим образом: французская компания Total – 25%, норвежская Statoil-Hidro – 24%. В связи с таким изменением стратегии освоения месторождения его начало отсрочено на несколько лет. Но в целом общенациональная стратегия освоения нефтегазовых ресурсов арктического шельфа, в рамках которой Мурманская область выступает в качестве одного из базовых регионов, сохраняет свою актуальность, что вызывает необходимость

всесторонней подготовки и разработки соответствующей региональной целевой программы. Предпосылкой такой программы служит создание в 2006 г. региональной ассоциации поставщиков нефтегазовой промышленности «Мурманшельф», членами которой уже является более 100 предприятий области и других регионов.

Другое перспективное направление экономической активности в регионе – развитие морского транспортно-перегрузочного портового комплекса. В соответствии с поручением Правительства России в 2004 – 2005 гг. была разработана Генеральная схема развития Мурманского портового транспортного узла, которая предусматривает увеличение объема перевалки грузов через морские порты Мурманской области к 2015 году почти в три раза против достигнутого в последние годы уровня (с 26 млн. т в 2005 г. до 72 млн. т в 2015 г., значительную часть из которых составляют транзитные экспортные поставки нефтеналивных грузов и каменного угля). Указанный рост транспортных и портовых мощностей потребует многомиллиардных объемов инвестиций и будет связан с созданием нескольких тысяч рабочих мест с учетом всей обслуживающей такой поток инфраструктуры.

В связи с возрастающим объемом транспорта сырой нефти через порты Мурманской области уже давно обсуждался вопрос о целесообразности строительства нефтеперерабатывающего завода (НПЗ), который не только повысил бы эффективность экспорта через продажу нефтепродуктов, характеризующихся большей добавленной стоимостью, но и обеспечил бы внутренние потребности области в нефтепродуктах, включая топочный мазут. Для области это удешевит нефтепродукты за счет снижения транспортных расходов, а также повысит ее энергобезопасность. Обнадеживающим шагом к реализации такой возможности является декларация о намерениях инвестирования в строительство НПЗ в Мурманской области мощностью

6 млн. т в год, которая была представлена ЗАО «Синтез Петролеум» на рассмотрение Межведомственной комиссии по размещению производительных сил. Комиссия единогласно одобрила проект на своем заседании в августе 2006 г. [5].

Наряду с указанными проектами, реализация которых будет означать появление объектов новой для области топливной промышленности, существуют реальные перспективы строительства крупных новых предприятий горнопромышленного комплекса. В их числе: горно-обогатительный комбинат на базе месторождения апатит-нефелиновых руд Олений Ручей, мощностью по добыче руды — 6 млн. т, количеством новых рабочих мест — 1 200 и планируемым началом эксплуатации — 2012 г.; горно-обогатительный комбинат на базе месторождения ильменит-титано-магнетитовых руд в Кольском районе, мощностью по добыче руды — до 5 млн. т, количеством новых рабочих мест — до 1 500 и сроком ввода в эксплуатацию — 2011 — 2012 гг.; горно-обогатительный комбинат на базе месторождения платиноидов Федорова Тундра, мощностью по добыче руды — 10 млн. т, количеством новых рабочих мест — 900 и сроком ввода в эксплуатацию — 2013 г. Последний проект характерен тем, что это — первый крупный проект нового строительства, осуществляемый иностранным инвестором на территории области. В этом качестве выступает одна из крупнейших мировых горнодобывающих компаний «Баррик Голд Корпорейшн», штаб-квартира которой находится в Канаде. Объем инвестиций проекта оценивается в 17 млрд. руб. Декларация о намерениях по данному проекту была рассмотрена и единогласно одобрена Межведомственной комиссией по размещению производительных сил в Мурманской области в декабре 2006 г.

Перспективы экономического развития во многом определяет обеспеченность энергоресурсами и, в частности, производство электроэнергии. В Мурманской

области за счет действующей сети гидроэлектростанций, а также Кольской атомной электростанции (КАЭС) традиционно обеспечивалось превышение мощности электрогенерирующих мощностей над внутренними потребностями области. Однако в связи с истечением 30-летнего нормативного срока эксплуатации энергоблоков КАЭС (последовательно, начиная с 2003 г. — первый энергоблок, срок эксплуатации которого в настоящее время продлен до 2018 г.) встает вопрос о возмещении выбывающих мощностей в перспективе. В последние годы актуальность этого вопроса возросла в связи с планами холдинга СУАЛ (владельца Кандалакшского алюминиевого завода) по строительству нового крупного завода по производству алюминия на территории области. Главным условием реализации данного проекта выдвигалось надежное энергоснабжение по установленным на условиях долгосрочного договора ценам. Прогресс в решении этих вопросов был достигнут в октябре 2006 г., когда заинтересованными сторонами с участием Губернатора Мурманской области и руководителя Федерального агентства по атомной энергии (Росатома) был подписан протокол о сотрудничестве в совместной реализации проектов строительства КАЭС-2 и второй очереди Кандалакшского алюминиевого завода (КАЗ-2) как единого атомно-алюминиевого комплекса. Объем инвестиций в строительство КАЗ-2 оценивается в 51 млрд. руб. Мощность завода по производству алюминия сырца планируется 500 тыс. т в год, количество рабочих мест — 2 500. Стоимость строительства КАЭС-2 составит около 128 млрд. руб.

Таким образом, уже в обозримом будущем можно ожидать крупных структурных и качественных изменений в экономике Мурманской области. Однако такая возможность может быть реализована при определенных условиях. Одним из главных среди них является создание привлекатель-

ных социальных условий для людей, чтобы преодолеть тенденцию сокращения численности населения и трудового потенциала. В современных условиях недостаточно для этого предложить только высокий заработок. Необходимо как можно полнее обеспечить все условия, определяющие высокое качество жизни, – благоприятную экологическую обстановку, качественные

социальные, включая жилищно-коммунальные, услуги, общественный порядок, безопасность и другие, в том числе учитывающие особенности Крайнего Севера. Задачу создания таких условий можно решить только совместными, согласованными усилиями государственных органов власти, местного самоуправления, общественных организаций и бизнес-сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мурманская область: тенденции экономического и социального развития на рубеже тысячелетий / Колл. авт.; гл. ред. д.э.н. В.С. Селин. – Апатиты: Кольский научный центр РАН, 2001. – 340 с.
2. Доклад об итогах социально-экономического развития Мурманской области в 2005 году / Департамент экономического развития Мурманской области [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://gov.murman.ru/reports/rep-030shtml>
3. О производстве и использовании валового регионального продукта Мурманской области в 2004 году: Информация / Мурманскстат, 2006.
4. Мурманская область в 2005 году: Статистический ежегодник / Мурманскстат, 2006. – 221 с.
5. О заседании Межведомственной комиссии по размещению производительных сил Мурманской области [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov-murman.ru/power/dep/economy/forces/?date_time=24-08-2006_11:19

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В их числе наибольшую долю составляют металлургическое производство (57,9%) и производство пищевых (главным образом рыбных) продуктов (9,1%).

² Крупных и средних, кроме банков, страховых и бюджетных организаций.

Проблемы формирования местных бюджетов и муниципальной собственности

В начале текущего года опубликован доклад «Проблемы и перспективы муниципальной реформы в Российской Федерации», подготовленный под руководством д.э.н. С.Д. Валентей и д.ю.н. Т.Я. Хабриевой коллективом авторов: к.э.н. Е.И. Александрова, д.ю.н., проф. Л.В. Андриченко, д.э.н., проф. Е.М. Бухвальд, д.ю.н., проф. В.И. Васильев, к.ю.н. В.И. Лафитский, д.э.н., проф. Л.Н. Лыкова, к.э.н. А.В. Одинцова. В докладе предпринята одна из первых в отечественной науке попыток осуществить системный анализ результатов начального этапа муниципальной реформы. Предложены механизмы повышения ее результативности. Аргументируется необходимость более широкого концептуального обоснования данной реформы. Ниже публикуется с согласия авторов один из разделов доклада.

Местное самоуправление, бюджетный процесс в системе местных финансов, формирование муниципальной собственности.

**Сергей Дмитриевич
ВАЛЕНТЕЙ**
доктор экономических наук,
профессор,
руководитель Центра
экономики федеративных
отношений Института
экономики РАН

**Талия Ярулловна
ХАБРИЕВА**
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный
юрист РФ, директор Института
законодательства и
сравнительного правоведения
при Правительстве РФ

Наряду с бюджетными ресурсами, экономическую основу развития местного самоуправления составляет институт муниципальной собственности. Однако именно в рамках **бюджетного процесса** (т. е. в системе местных финансов) на местах определяется способность органов местного самоуправления удовлетворять потребности населения, а также участвовать в хозяйственном развитии территорий¹.

Поэтому анализ бюджетного процесса является, по нашему мнению, центральным при оценке результативности первого этапа муниципальной реформы.

В отличие от практики, которая существовала до 2003 года, Федеральный закон №131-ФЗ устанавливает, что субъекты Российской Федерации фактически имеют не только два уровня местного самоуправления, но и, соответственно, **два уровня**

местных бюджетов, где каждое муниципальное образование должно формировать свой полноценный бюджет.

В первоначальной редакции Закона была предпринята попытка жесткого разделения собственных расходных полномочий муниципального района и входящих в его состав поселений, а также возможных отдельных государственных полномочий, которые могут быть переданы для исполнения органам местного самоуправления федеральными и региональными органами государственной власти. Законодательно были определены и порядок исполнения, и источники финансирования отдельных государственных полномочий, которые заложили правовые условия преодоления практики «нефинансируемых мандатов». Однако, начиная с 2004 г., федеральный

законодатель отходит от концепции четкого разграничения полномочий и ответственности между уровнями публичной власти. В результате принятия ряда федеральных законов *существенно расширяется перечень вопросов* местного значения как поселений, так и муниципальных районов *без закрепления достаточных налоговых доходов*. Положениями отраслевых федеральных законов органам местного самоуправления вменяется в обязанность исполнять полномочия, которые вряд ли могут быть отнесены к вопросам местного значения. Им «предоставляется» также право за счет собственных средств местных бюджетов принимать участие в осуществлении государственных полномочий, которыми они не наделены законом. Подобная практика продолжается и в настоящее время.

В ноябре 2007 г. принят очередной Федеральный закон о «совершенствовании полномочий», который внес изменения не только в Федеральный закон от 6 октября 2003 года №131-ФЗ, но и в отраслевые федеральные законы, расширяющие полномочия органов местного самоуправления (Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 года №5487-1, Федеральный закон от 21 декабря 1994 года №69-ФЗ «О пожарной безопасности», Федеральный закон от 30 марта 1995 года №38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека /ВИЧ-инфекции/» и другие).

В ходе реформы существенно усложняется система внутрирегионального финансового выравнивания. Она приобретает *многоканальный характер* (субъект Федерации — в отношении поселений, а также в отношении муниципальных районов и городских округов; муниципальные районы — в отношении входящих в их состав поселений). При этом (опять-таки, в отличие от действовавших до реформы механизмов) федеральный законодатель *жестко предписал* субъектам Федерации методы реализации названных выше каналов финансовой помощи муниципальным образованиям различных видов.

Общая картина наблюдаемых на муниципальном уровне финансово-бюджетных процессов противоречива. Система местных финансов *продолжает оставаться неустойчивой*, т. к. закрепленные доходные источники местных бюджетов не обеспечивают покрытие расходных полномочий органов местного самоуправления. Прежде всего, формальный характер приобрела и организация бюджетов «низовых» муниципалитетов, что обусловлено высокой дотационностью большинства из них². Таким образом, *зависимость местных бюджетов от внешних источников финансирования*

Таблица 1. Степень дотационности местных бюджетов в 2006 году, %

Степень дотационности	Доля муниципальных образований по степени дотационности			
	Муниципальные районы	Городские округа	Городские поселения	Сельские поселения
До 5	10,6	21,6	12,0	13,1
От 5 до 10	4,1	12,7	10,0	4,8
От 10 до 20	13,9	25,9	13,7	5,0
От 20 до 50	43,4	31,1	36,0	20,2
От 50 до 100	27,9	8,7	28,3	56,9

Источник: Данные мониторинга Министерства финансов РФ.

возрастает, хотя эта ситуация существенно дифференцируется по различным видам муниципалитетов (табл. 1).

Данные таблицы 1 показывают, что городские округа – наиболее финансово обеспеченные муниципальные образования. 21,6% городских округов относятся к категории, где доля дотаций в доходах бюджетов (включая доходы, переданные по дифференцированным нормативам взамен дотаций) находится в пределах до 5%. Напротив, более половины сельских поселений (56,9%) относятся к высокодотационным, для которых доля дотаций, а также

налоговых доходов, переданных по дифференцированным нормативам взамен дотаций, в общем объеме доходов бюджетов колеблется в пределах от 50 до 100%.

Одна из наиболее существенных причин неустойчивости территориальных, прежде всего «низовых», местных (муниципальных) бюджетов – сохранение высокого уровня концентрации доходного (налогового) потенциала страны на стадии его первичного распределения. Это порождает зависимость нижестоящих бюджетов бюджетной системы страны от избранной модели бюджетно-перераспределительных отношений (табл. 2).

Таблица 2. Диспропорции долей доходов и расходов при их первичном распределении в бюджетной системе РФ (без учета трансфертов, переданных другим бюджетам; %)

Виды бюджетов		2000 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Федеральный	Доходы	54,0	59,9*	65,0*	64,8*
	Расходы	47,1	43,9	43,7	43,4
	Разница (п.п.)	6,9	16,0	21,3	21,4
Консолидированные бюджеты субъектов РФ	Доходы	46,0	40,1	35,0	35,2
	Расходы	52,0	56,1	56,4	56,6
	Разница (п.п.)	-6,9	-16,0	-21,3	-21,4
В том числе: Региональные	Доходы	29,5	27,9	27,6	28,0
	Расходы	28,5	30,7	33,6	34,3
	Разница (п.п.)	1,0	-2,8	-6,0	-6,3
Местные	Доходы	16,5	12,2	7,4	7,2
	Расходы	24,4	25,4	22,7	22,3
	Разница (п.п.)	-7,9	-13,2	-15,3	-15,1

* Без единого социального налога (по данным НИФИ АБК Минфина России).

Сложившаяся ситуация приводит к тому, что способность муниципалитетов осуществлять свои функции **зависит от передачи** им налоговых долей и/или дотационной помощи из региональных бюджетов, а не от **качества их работы** по расши-

рению экономического потенциала территории и, соответственно, по увеличению и эффективному использованию ее налоговой базы. Так, согласно *рисунку 1*, в структуре доходов местных бюджетов (по данным за 2006 год) налоговые доходы прак-

Рисунок 1. Структура доходов местных бюджетов

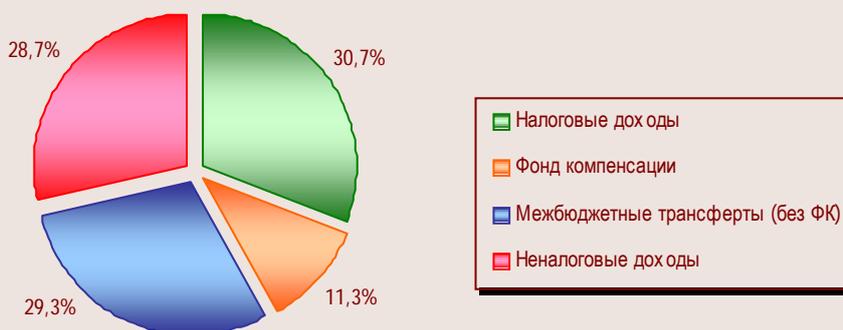

Рисунок 2. Структура налоговых доходов местных бюджетов в Российской Федерации (за 2006 г.; к итогу)

тически равнозначны межбюджетным трансфертам (без фонда компенсации), хотя в этих налоговых доходах заметная часть приходится на замещающие дотации дополнительные нормативы налоговых отчислений.

Наиболее ущербным в экономической базе муниципального управления является то, что в доходной базе бюджетов органов местного самоуправления ничтожно мала доля местных налогов, которые в рамках муниципального управления должны выполнять не только чисто фискальную, но и регулируемую и стимулирующую функции. Данные *рисунка 2* показывают символическую роль собственно местных налогов в налогово-доходной базе местных бюджетов в Российской Федерации.

Отраженные в рисунке данные подтверждают факт сужения базы местных бюджетов. За ними осталось всего два местных налога (в начале 1990-х годов их насчитывалось более 20). Впрочем, как показывает и зарубежный опыт, финансовая обеспеченность муниципальных образований определяется не числом местных налогов, а уровнем их *экономической значимости* и, главное, *привязкой к налоговой базе*, отражающей результаты хозяйственной деятельности на территории муниципалитета. Но в нынешних российских условиях действующее правовое регулирование и практика бюджетного процесса на местном уровне практически не имеют названной выше привязки и тем самым дистанцируются от задач стимулирования активности органов

местного самоуправления по экономическому развитию территорий и на этой базе — по укреплению их доходного, прежде всего налогового, потенциала.

Итак, формирование тысяч новых «низовых» органов местного самоуправления с самостоятельными бюджетами, а также с формально зафиксированным кругом «собственных» расходных и доходных полномочий не способно создать условия для реализации главной цели муниципальной реформы. Действующая модель реформирования местных финансов и региональных межбюджетных отношений *не «работает»* на расширение объема и повышение качества муниципальных услуг населению.

Более того, из-за неурегулированности многих вопросов экономико-правового характера ситуация на местах изменяется в противоположном направлении.

Значительное увеличение с 1 января 2006 года общего количества муниципальных образований породило дифференциацию налогового потенциала местных бюджетов. Это привело не только к трудностям методического характера при разработке и практической реализации «справедливых» формул распределения финансовой помощи этим бюджетам. Потребовалось выделить значительные дополнительные средства для выравнивания бюджетной обеспеченности муниципалитетов.

Казалось бы, проблему снимают Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Бюджетный кодекс РФ, которыми к полномочиям органов государственной власти субъекта РФ отнесено оказание финансовой помощи местным бюджетам, осуществляемое данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта РФ (за исключением субвенций из федерального бюджета). Однако на деле федеральный законодатель лишь *в самом общем виде* возложил на субъекты Федерации обязанность

осуществления финансового выравнивания муниципальных образований. А потому неясны как *общие критерии* определения объема выделяемых на эти цели средств, так и та «*планка*», до которой должно осуществляться выравнивание (особенно с учетом специфики бюджетной ситуации в каждом из регионов).

В соответствии с бюджетной реформой, субъектам Федерации предоставлено право передавать местным бюджетам дополнительно часть любого налога, подлежащего зачислению в региональный бюджет по единым нормативам на постоянной основе (т. е. без ограничения срока). Но эта возможность *не получила широкого распространения*. Регионы отдают предпочтение традиционным дотационным формам межбюджетного регулирования или замещающим их нормативам налоговых отчислений, которые фиксируются только на один бюджетный год.

Данный подход вполне объясним.

Преимущественная ориентация на единые нормативы отчислений в местные бюджеты от федеральных и региональных налогов, подлежащих зачислению в бюджеты субъектов Федерации, *не учитывает* значительной дифференциации экономического и налогового потенциала муниципалитетов, а также налоговой базы по передаваемым налогам.

В результате при передаче доходных источников насыщение местных бюджетов одних территорий приводит к перенасыщению бюджетов других. Поэтому многие субъекты Федерации минимизируют или исключают практику передачи дополнительных налоговых долей в местные бюджеты. Они *сознательно* удерживают их в состоянии дотационности, предпочитая восполнять ее преимущественно (или исключительно) дотациями на общее финансовое выравнивание. Такая политика существенно *снижает заинтересованность* муниципальных органов власти в развитии местного хозяйства³.

Одна из главных причин рассмотренной ситуации предопределена существующим порядком использования механизма «отрицательных трансфертов»⁴. В соответствии с нормами федерального законодательства региональные власти могут принять решение об изъятии отрицательных трансфертов из бюджетов отдельных муниципальных образований. Это не позволяет эффективно адаптироваться к условиям каждого региона, где, как правило, складываются *свои параметры* бюджетной дифференциации различных видов муниципалитетов.

Полагаем, что только *право на более гибкие рамки* регулирования «отрицательных трансфертов» позволит органам управления субъектов Федерации строить финансовые отношения с муниципалитетами на основе разумного баланса. Речь идет о балансе между требованиями, с одной стороны, снятия финансовой избыточности отдельных местных бюджетов, пополнения соответствующих фондов финансовой поддержки, с другой — сохранения стимулирующего воздействия механизма межбюджетного регулирования, особенно в отношении наиболее динамично развивающихся муниципальных образований.

Парадокс заключается в том, что, при всех жалобах представителей муниципального управления на нехватку средств на осуществление своих жизненно важных функций, формально сфера местных финансов не только сбалансирована, но и *профицитна*⁵. Однако *это иллюзия*, порожденная рядом специфических условий

функционирования системы местных финансов и внутрирегиональных межбюджетных отношений в условиях проходящей реформы. Как показывают исследования (в том числе совместно с НИФИ АБиК Минфина России), причинами названного «профицита» выступают:

- передача на местный уровень дотаций или замещающих их отчислений от налогов в конце бюджетного года, когда их практически невозможно использовать;
- частичный или полный отказ муниципальных образований (особенно поселений) от финансирования отдельных видов расходных обязательств, установленных ФЗ №131), даже несмотря на формально выделенные по местному бюджету ассигнования⁶;
- массовая передача расходных полномочий поселениями на районный уровень;
- фактическое исполнение субъектами Федерации расходных полномочий сферы муниципального управления (особенно расходов капитального характера).

Обратимся теперь к вопросу **формирования муниципальной собственности**.

В отличие от изменений, происходящих в бюджетном процессе, характер изменений в отношении собственности может быть выявлен лишь по прошествии ряда лет. Поэтому высказываемые ниже соображения будут носить по преимуществу гипотетический характер, что также обусловлено и состоянием отечественной статистики.

Из *таблицы 3* следует, что муниципальная собственность на основной капитал

Таблица 3. Доля местных бюджетов и муниципальной собственности в соответствующих агрегатах экономических ресурсов, %

Показатель	1995 г.	2000 г.	2005 г.
Доля местных финансов в консолидированном бюджете РФ по конечным расходам, т. е. с учетом перераспределения средств между бюджетами разного уровня	49,6	41,5	22,7
Доля муниципальной собственности в общем массиве публичной собственности в РФ	30,4	40,9	31,1

Источник: Данные Росстата РФ.

(до изменений, связанных с проведением муниципальной реформы) оставалась существенной. Она превышала по объему государственную собственность субъектов Федерации и была значительно выше, нежели доля местных бюджетов в консолидированном бюджете Российской Федерации (как на фазе первичного распределения доходного потенциала, так и по конечным расходам, т. е. с учетом перераспределения средств между бюджетами разного уровня).

В этой связи одна из главных задач реформы сводилась к формированию объемов и структуры муниципальной собственности на уровне:

⇒ достаточном для реализации законодательно установленных полномочий местного самоуправления, а в необходимых случаях – и полномочий, переданных ему государственными органами власти и управления;

⇒ гарантирующем устойчивое финансовое обеспечение функционирования и воспроизводства данной собственности за счет средств соответствующих местных бюджетов.

Как эти проблемы решает действующее законодательство?

Начнем с того, что оно определяет «допустимое» муниципальное имущество как *перечень его видов* по целевому назначению (ст. 50 ФЗ №131). В соответствии с этим в собственности муниципальных образований может находиться: а) имущество, предназначенное для решения установленных законом вопросов местного значения; б) имущество, предназначенное для осуществления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов РФ; в) имущество, предназначенное для обеспечения деятельности органов местного самоуправления и

должностных лиц местного самоуправления, муниципальных служащих, работников муниципальных предприятий и учреждений; г) имущество, необходимое для решения вопросов, право решения которых предоставлено органам местного самоуправления федеральными законами и которые не отнесены к вопросам местного значения.

Однако такой подход представляется спорным.

Прежде всего, вызывает сомнения достаточность указанного перечня для функционирования и развития муниципалитетов. До последнего времени перечень, в частности, сужал или даже сводил на нет возможности использования элементов муниципальной собственности для целей поддержки предпринимателей и инвесторов, развития производства, расширения рынка услуг, в том числе тех, за оказание которых отвечают органы местного самоуправления⁷.

Например, значительные объемы муниципального имущества, переданного в аренду, обеспечивали деятельность тысяч субъектов малого предпринимательства, что прямо (арендные платежи) и косвенно (через дополнительные налоги) выгодно муниципалитетам. Однако такая практика, по сути, *не соответствовала закону*, поскольку все «лишнее» имущество муниципалитеты должны сдавать. Проблема усугубляется тем, что в ходе принудительной приватизации муниципальной собственности малый бизнес будет в основном не в состоянии выкупить арендуемое имущество. Он способен выкупить его лишь через долгосрочную аренду, на которую в новых условиях не остается времени. Таким образом, ускоренный процесс изъятия «излишков» муниципального имущества грозит лишить органы местного самоуправления важных рычагов поддержки своего хозяйственного и социального развития.

Федеральный закон от 18 октября 2007 г. №230-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий» внес существенные изменения в состав муниципального имущества. В нем содержатся поправки к ст. 50 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» №131-ФЗ, дополнившие перечень «допустимого» муниципального имущества имуществом, предназначенным для содействия развитию малого и среднего предпринимательства на территории муниципального образования, в том числе для формирования и развития инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. Однако *неясно, о каком имуществе идет речь*: обо всем муниципальном имуществе, переданном в аренду малому и среднему бизнесу, или только о том, которое занято специализированными структурами поддержки малого предпринимательства на муниципальном уровне.

Далее, воспроизводство муниципальной собственности в ее социально необходимых масштабах не может быть обеспечено при сохранении ситуации неустойчивости и дотационной зависимости абсолютного большинства местных бюджетов, когда многие из них лишены возможности осуществлять расходы инвестиционного характера.

Многие вопросы управления муниципальной собственностью возникают вследствие межмуниципальной взаимной передачи полномочий, исполнение которых эта собственность должна экономически обеспечивать. Как показывает практика, неизбежна ситуация, при которой несколько муниципальных образований будут иметь совместную собственность. Но действующее законодательство не регулирует вопросы совместной собственности муниципальных образований (за исключением возможности создания межмуниципальных хозяйственных обществ). Такой

пробел, в частности, может вызвать затруднения при передаче из государственной в муниципальную собственность сетей и предприятий электро-, тепло-, газо- и водоснабжения, обслуживающих население нескольких муниципальных районов или поселений, а также затруднить процесс оперативного управления этими предприятиями как сложными имущественными комплексами.

Подведем некоторые итоги. Анализ показал, что формирование экономической, прежде всего финансово-бюджетной, базы местного самоуправления не завершено. Произошло это по ряду причин.

Первое. Законодательство и хозяйственная практика не содержат механизмов, побуждающих органы муниципального управления активизировать деятельность по умножению и эффективному использованию своего производственного и налогового потенциала.

Второе. В ходе реформы бюджетная система страны существенно усложнилась вследствие появления тысяч поселенческих бюджетов, значительная часть которых не имеют перспектив реального экономического укрепления. В результате издержки массового «бюджетообразования» превысили выгоды и преимущества финансовых новаций.

Третье. Начальный этап реформы не внес определенности в принципы и механизмы регулирования (изъятия) муниципальной собственности. Остаются предельно суженными возможности ее альтернативного использования на хозяйственные цели, а также цели социально-экономического развития территорий муниципалитетов.

Таким образом, остается актуальной проблема укрепления экономической самодостаточности муниципальных образований, которая не может быть решена в рамках перераспределительной бюджетной модели.

(Публикуется по тексту доклада «Проблемы и перспективы муниципальной реформы в Российской Федерации», Москва, 2008.)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Как на фактор существенного значения следует указать на принятие нового Федерального закона «О малом и среднем предпринимательстве» (№209 от 24 июля 2007 г.), который устанавливает полномочия органов местного самоуправления по осуществлению мер, обеспечивающих развитие и поддержку малого и среднего предпринимательства, причем в значительно более широком объеме, нежели это зафиксировано в Федеральном законе №131.

² По данным Счетной палаты, лишь 2% муниципальных образований финансово самодостаточны; такие же оценки дает Совет Федерации.

³ Например, в Липецкой области местным бюджетам переданы значительные доли различных налогов, подлежащих зачислению в консолидированный бюджет субъекта Федерации, в результате чего совокупная дотационность местных бюджетов региона за 10 месяцев 2007 г. составила всего 4%. Напротив, в Рязанской области местным бюджетам переданы лишь единые 10%-ные доли налога на доходы физических лиц. В результате совокупная дотационность местных бюджетов региона за 10 месяцев 2007 г. составила 15%.

⁴ Отрицательные трансферты – это обязательные отчисления, которые наиболее финансово обеспеченные муниципальные образования делают в вышестоящий бюджет при превышении определенного порога бюджетной обеспеченности. На данный момент признаки («планка») такой высокой бюджетной обеспеченности и доля отчислений в вышестоящие бюджеты жестко закреплены федеральным законодателем, хотя на деле конкретные, наиболее целесообразные условия этой бюджетной практики в субъектах Федерации различны.

⁵ Итоговый профицит местных бюджетов в 2006 г. составил 10,2 млрд. рублей, в том числе по муниципальным районам – 7,7 млрд. рублей, по городским округам – 0,3 млрд. рублей, по поселениям – 2,2 млрд. рублей.

⁶ Причин здесь может быть несколько. Например, отсутствие или нехватка «мощностей» специализированных муниципальных предприятий и организаций; отсутствие у каждого поселенческого муниципалитета в отдельности средств финансирования, достаточных для размещения «собственного» заказа на проведение необходимых работ; неумение новых муниципальных властей работать на конкурсной основе, обязательной при размещении бюджетных заказов.

⁷ Речь идет о предприятиях, которые занимаются торговлей, бытовым обслуживанием, общественным питанием и многими другими услугами. Такие объекты, согласно закону, необходимо либо репрофилировать, либо приватизировать. Закономерен вопрос: будет ли новый собственник заниматься тем же направлением деятельности или полностью репрофилирует предприятие? Нетрудно предположить, что подобные новации негативно скажутся на обеспечении населения жизненно важными видами услуг.

Комплексное экологосбалансированное использование природных ресурсов — основа развития регионов Севера

В статье обосновывается высокая значимость рационального недропользования для экономического роста, повышения эффективности и экологизации российской экономики. Автор утверждает, что охрана природы в условиях устойчивого развития представляет собой сложную совокупность тесно взаимосвязанных технологических, биологических, законодательных и некоторых других принципов и решений. Это, по его мнению, предполагает необходимость государственной поддержки и регулирования комплексного освоения и использования ресурсов недр.

Недропользование, экономический рост, управление природными ресурсами.

**Федор Дмитриевич
ЛАРИЧКИН**

доктор экономических наук, директор Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН

Будущее человечества, по мнению многих исследователей, характеризуется как борьба за ресурсы. Россия, обладая значительным природно-ресурсным (особенно минерально-сырьевым) потенциалом, при рациональном его использовании в течение относительно значительного времени (30–50 лет) будет иметь преимущество по сравнению с экономически развитыми странами, где природные ресурсы менее значимы (*табл. 1*) и в значительной мере исчерпаны. В перспективе все будет зависеть от того, насколько рационально будет использовано это временное преимущество, насколько эффективно будет решена проблема интеграции естественных ресурсов и достижений научно-технического прогресса, т. е. использования современных ресурсосберегающих технологий

Таблица 1. Наличие природных ресурсов в расчете на душу населения (полезных ископаемых, земель, лесов и др.)

Страны	Стоимость природных ресурсов, тыс. долл. США
Россия	160
Западная Европа	6
США и Канада	16
Япония, Австралия и Новая Зеландия	8
Страны Ближнего Востока	58

глубокой переработки природного сырья для производства конкурентоспособной на мировом рынке продукции с высокой добавленной стоимостью [1].

В этих условиях совершенствование структуры и повышение эффективности национальной экономики на основе опережающего развития обрабатывающих отраслей не может быть осуществлено за

счет сокращения сырьевого сектора и, как следствие, потери конкурентных позиций России на мировых сырьевых рынках (как это было с конверсией ВПК). Наоборот, Россия должна использовать исторический шанс вернуть себе достойное место Великой державы в глобальной экономике за счет реализации имеющихся поистине огромных неиспользуемых резервов поддержания и повышения конкурентоспособности продукции сырьевого сектора экономики (прежде всего за счет комплексного использования природных ресурсов), поскольку отечественная продукция обрабатывающих отраслей во многих случаях неконкурентоспособна либо подвергается дискриминации на мировых рынках. Повышение эффективности природопользования (особенно в минерально-сырьевом комплексе) является в настоящее время наиболее явным и относительно легко достигаемым направлением экономической реализации конкурентных преимуществ страны, способным обеспечить необходимыми материальными и финансовыми ресурсами масштабную модернизацию и инновационное развитие обрабатывающих отраслей на основе достижений научно-технического прогресса.

Особую актуальность проблема повышения эффективности природо(недро)пользования имеет для зоны Севера страны, сырьевая специализация которой является объективно обусловленной. В XXI веке основными источниками сырья становятся именно арктические регионы с прилегающими территориями Севера, поскольку в них сосредоточена треть запасов полезных ископаемых планеты. Арктика является регионом особых геополитических, экономических, оборонных, научных и социально-этнических интересов России и других стран арктической зоны. Чрезвычайная уязвимость арктической природы обуславливает необходимость исследования и решения проблем максимального сохранения естественной среды обитания, приоритетность разработки и реализации

рациональной экологосбалансированной модели устойчивого природопользования в этой специфической зоне планеты.

В настоящее время становится общепризнанным, что Север в целом – это жизненно важная экономическая зона страны, богатая природными ресурсами, с ярко выраженной спецификой социально-экономического развития, с особо неблагоприятными природными условиями, с характерным комплексом климатических воздействий на человека, технику и сооружения. В то же время Север является зоной стратегических интересов России. Это обусловлено его уникальным геополитическим и географическим положением, наличием открытых для Мирового океана морских портов (в западной части – незамерзающих), трансграничных транспортных коридоров и пограничных переходов, энергетических сетей, телекоммуникаций, газо- и нефтепроводов, разнообразных природных ресурсов.

На Севере расположено свыше 80% всех промышленных запасов полезных ископаемых России, в том числе подавляющая часть никеля и платиноидов (треть мировых запасов), кобальта (15% мировых запасов), все российские месторождения алмазов, около 80% нефти и почти весь добываемый газ, 90% олова, золото, слюда, апатит и множество других видов сырья. Шельф Северного Ледовитого океана является крупнейшей нефтегазоносной провинцией на Земле и содержит более 100 млрд. т у. т.

На Севере добывается почти половина деловой древесины, основная часть морской рыбы и пушнины, вырабатывается 20% электроэнергии. Северные территории обеспечивают значительную часть национального дохода и валютных поступлений, т. е. выступают важнейшим фактором обеспечения национальной экономической безопасности.

Минеральное сырье, извлекаемое из недр Земли, обеспечивает исходные материалы и энергетическую базу производства 70% всей номенклатуры конечной продукции

человеческого общества, являясь безальтернативной основой существования и развития современной цивилизации. Ежегодный мировой объем добычи составляет около 280 млрд. т руды, горючих ископаемых и строительных материалов, а также более 600 млрд. т вмещающих пород, причем за вторую половину XX века добыто больше полезных ископаемых, чем за всю предшествующую историю человечества.

В недрах Земли образовалось огромное количество полостей, пустот, на поверхности – отвалов горных пород, отходов обогащения, химической и металлургической переработки. В результате изменяется сбалансированное за предшествующие эпохи напряженное состояние массивов, нарушается режим подземных и поверхностных вод, деформируется и сама земная поверхность. Нарастающий техногенный пресинг на природные экосистемы приводит к их быстрому и часто необратимому разрушению, которое по своим масштабам постепенно принимает глобальный характер.

От того, как в ближайшие полвека будет организовано недропользование, какие ограничения и допуски будут наложены на его развитие, в широком смысле зависит сохранение или необратимое разрушение подвижного равновесия в природной среде, сложившегося за предшествующий период.

Из самых строгих расчетов сегодня уже известно, что никакие безотходные технологии и иные природоохранные действия, при всей их абсолютной и жизненной необходимости, сами по себе не смогут решить проблему бесконфликтного взаимодействия Человека и Природы. При нынешней несбалансированности производства и потребления с естественными циклами биосферы подобные действия не решат стоящих проблем, но помогут лишь выиграть время для подготовки радикального изменения самих принципов этого взаимодействия [2].

Происшедшие в общественном сознании изменения приводят к постепенной экологизации системы взаимоотношений

природы и общества. Очевидная и нарастающая опасность бесконтрольного потребления природных ресурсов и не менее очевидная бесперспективность лозунга «назад к природе» привели к сближающей эти позиции идее экологического императива в природопользовании [2]. И не случайно родилось специальное выражение «коэволюция человека и биосферы» как параллельное и бесконфликтное развитие техно- и биосферы, очень точно отражающее особенности той альтернативы, в которой так нуждается человечество. Отыскание условий альтернативы, решение ее проблем – это и есть обеспечение коэволюции. Одновременно с появлением проблемы поиска иного пути развития родилось и понимание ее невообразимой сложности.

Из первого закона термодинамики (сохранения вещества и энергии) со всей очевидностью следует, что человечество ничего не производит, а просто что-нибудь преобразует. Из второго закона (возрастания энтропии) вытекает, что при этих преобразованиях происходит постоянное уменьшение полезного потенциала в системе как целом.

Энтропийный поток (поток сырья) начинается с извлечения ресурсов из природной среды и заканчивается выбросами в среду, он представляет собой необходимые издержки по поддержанию уровня материального производства и населения. И чем выше интенсивность этого потока, т. е. чем большим разрушениям подвергается литосфера, тем больший урон наносится биосфере и уменьшается ее способность ассимилировать отходы. Поэтому вполне очевидно, что кардинальным средством сохранения естественной биоты Земли было бы снижение интенсивности энтропийного потока путем комплексного и повторного, а лучше многократного использования извлеченных из добытого сырья ценных компонентов в рамках замкнутых циклов их обращения. К сожалению, наиболее существенная составная

часть сырьевого потока из литосферы — нерудное сырье (в основном это стройматериалы) используется таким образом, что повторное его использование в первоначальном качестве в настоящее время весьма ограничено.

Увеличение потребления этих видов сырья требует пропорционального увеличения антропогенного нарушения литосферы и соразмерной с ним нагрузки на биосферу. Точно так же обстоят дела и с энергетическим сырьем в силу полной невозобновляемости энергии, полученной из него.

Однако существуют реальные возможности снижения техногенного давления на природные экосистемы на всех стадиях материального производства за счет комплексного использования всех видов материальных ресурсов, отходов производства и потребления, организации рециклирования металлов и многих неметаллических соединений (стекло, огнеупоры, макулатура и т. п.), преимущественного производства строительных материалов на основе использования горнопромышленных отходов, повышения эффективности потребления энергии, применения энергоресурсосберегающих технологий, освоения и увеличения доли производства материалов и энергии на основе возобновляемых видов ресурсов, ограничения неконтролируемого использования энергии, стимулирования применения более «чистых» альтернативных технологий и ресурсов.

Экономически и экологически важным резервом расширения ресурсной базы является организация сбора и переработки амортизационного лома — вторичного сырья, образующегося в результате вывода из эксплуатации изношенных основных фондов, металлического скрапа (отходов машиностроительных заводов), освободившихся упаковочных материалов на производстве и в быту и т. д. Переработка накопленного за предшествующее время металлического фонда и ряда неметаллических соединений (причем неоднократно)

позволяет ограничить объемы изъятия из недр невозобновляемых первичных минеральных ресурсов при резком сокращении затрат на производство и вредных выбросов в окружающую среду.

О масштабах и эффективности рециклирования металлов можно судить по следующим данным. В 2000 г. доля вторичных ресурсов в удовлетворении внутренней потребности США составляла по меди примерно 30%, никелю — 30%, титану — 36%, свинцу — 37% [3]. Производство 1 т стали из лома обходится в 20 раз дешевле, чем из руды, а 20 тонн макулатуры позволяют сохранить 1 гектар леса. При производстве алюминия из вторичного сырья потребность энергии сокращается в 20 раз по сравнению с первичным сырьем, а меди — в 5 раз. Резко сокращаются и капитальные затраты на строительство заводов по переработке вторичного сырья. Применение комплексных подходов к использованию ресурсов недр, учитывающих прежде всего необходимость максимального использования добываемого сырья, обеспечивает возможность уменьшения отходов на стадии добычи в среднем в два раза, на стадии обогащения — в десять раз и на стадии глубокой химико-металлургической переработки — в шесть раз [4].

Впечатляющие успехи в использовании вторичного сырья достигнуты в последние годы в производстве алюминия. При общем приросте объема мирового производства первичного алюминия за 1990 — 2000 гг. около 25%, прирост производства вторичного алюминия составляет почти 42% [5].

Однажды полученный из руды алюминий при его последующем многократном применении в виде изделий рассматривается как своего рода «энергетические консервы», позволяющие существенно экономить энергию, резко уменьшить загрязнение окружающей среды (т. е. и «экологические консервы») и сохранить для будущих поколений невозобновляемые ресурсы недр.

Характерной чертой конца двадцатого столетия явилось осознание как производителями, так и потребителями конечной алюминиевой продукции выгоды и практичности сбора и вторичной его переработки. Так, при росте потребления алюминия в мире за 1990-е годы на 28,5%, в США и Германии из-за роста цен на энергию производство первичного алюминия сократилось примерно на 10% при одновременном увеличении производства вторичного алюминия соответственно на 44,1 и 23,9% [5].

Рыночные преобразования в России отрицательно отразились на производстве и потреблении алюминия. К 2000 г. общее потребление алюминия в стране сократилось в 4 раза, а производство вторичного алюминия уменьшилось на 24,1%.

Главная задача в развитии рециклирования алюминия в России – расширение рынка вторичного алюминия, создание законодательных и экономических условий для ограничения и прекращения экспорта вторичных алюминиевых сплавов и эффективного их применения в отечественном машиностроении, строительстве и упаковке, в производстве высококачественного алюминия и готовых изделий с высокой добавленной стоимостью, конкурентоспособных на мировом рынке.

Изложенная ситуация характерна не только для алюминия, но и других цветных металлов и всех видов вторичного сырья в стране в целом. Для создания в стране эффективной системы сбора и комплексной переработки различных видов вторичного сырья, техногенных месторождений, горнопромышленных и бытовых отходов и т. п. необходимым является совершенствование и усиление мер государственного регулирования рыночных отношений в этой специфической сфере. В том числе предоставление налоговых и других льгот и преимуществ, по крайней мере, на период освоения выпуска новых видов продукции, освоения инновационных ресурсо-

сберегающих технологий и проектных мощностей. Необходимо также повышение образовательного и культурного уровня россиян, пропаганда, воспитание и поощрение с детства бережного отношения к природе, многообразным природным и искусственным ресурсам, национальному достоянию.

В последние годы появились зарубежные и российские примеры переработки строительных отходов от ликвидируемых строений. В частности, завод «Дробмаш» в г. Выкса Нижегородской области выпускает технологические линии и компактные передвижные агрегаты ДРО-703, позволяющие перерабатывать разнородный материал, включая загрязненный строительный лом и железобетон, с отделением металла, древесины и пластмассы и получением щебня фракций от нуля до 70 мм. Типовая схема может быть модифицирована в зависимости от конкретных задач, с учетом свойств исходного и конечного материала, требуемой производительности и условий эксплуатации.

Реализация перечисленных направлений позволит существенно ограничить объемы изъятия из природной среды первичных ресурсов без снижения достигнутых объемов производства и потребления и обеспечить, таким образом, переход к экологосбалансированному, ресурсосберегающему типу экономики, сохранение и упрочение конкурентных позиций страны на мировых сырьевых рынках. Достижение этого невозможно без государственного регулирования недропользования, совершенствования экономического механизма на современных принципах, в частности концепции налогообложения и платежей за загрязнение, стимулирующих комплексную многопродуктовую и малоотходную переработку первичного рудного сырья и всех видов горнопромышленных отходов (всей совокупности георесурсов).

Современная парадигма, основополагающий принцип комплексного использо-

вания георесурсов заключается в отказе от ресурсозатратных и широком применении ресурсосберегающих технологий, обеспечивающих сокращение потребления всех экономических ресурсов на единицу продукции по всей технологической цепи, начиная от геологоразведки, экономического обоснованного оконтуривания промышленных запасов многокомпонентных руд, добычи, рудоподготовки и рудосортировки, предварительного обогащения (предконцентрации), основного обогащения с выдачей коллективных и мономинеральных концентратов, комплексной их химико-металлургической переработки, вплоть до получения конечной продукции минерально-сырьевого комплекса. В основу комплексного использования сырья закладываются прежде всего экономические и экологические интересы – стремление производить максимум конкурентоспособной продукции с более высокой потребительской стоимостью при наименьших затратах материально-вещественных, трудовых, финансовых, нематериальных ресурсов и минимизации отрицательного воздействия на природную среду, что особенно важно в регионах Севера.

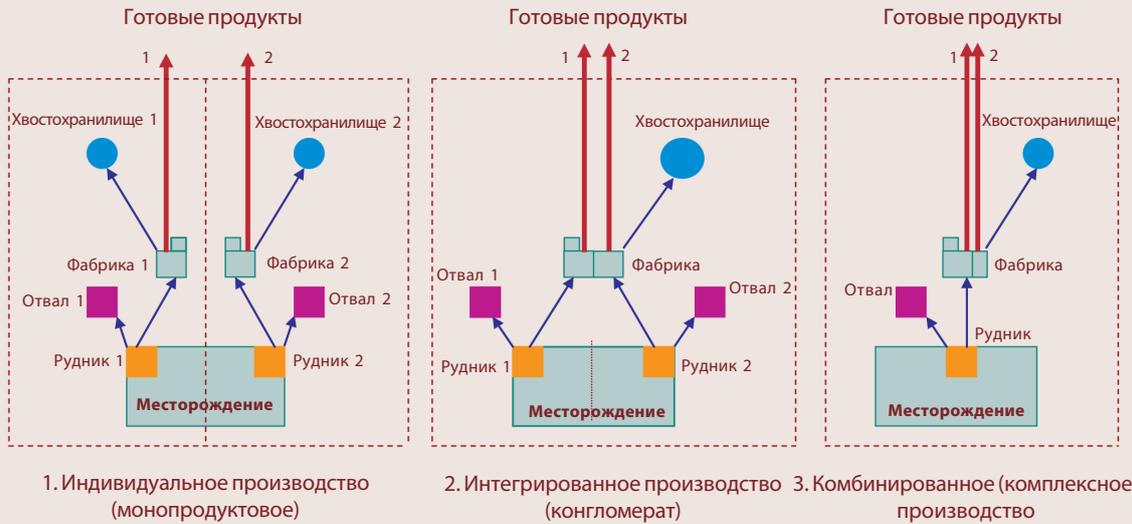
Рациональное комплексное освоение и использование природных ресурсов по определению предполагает максимально полное выявление и учет всех видов, разновидностей, специфических особенностей, возможных областей и направлений полезного использования ресурсов во всем их многообразии, включая нетрадиционные, в т. ч. многообразные отходы горнопромышленного комплекса – техногенные месторождения. Обязательным элементом рационального недропользования является изначальное обоснование стратегии разработки каждого месторождения как руководящей идеи и плана осуществления в пределах горного отвода во времени и пространстве открытых, подземных, физико-технических, физико-химических, микробиологических и комбинированных

способов выемки всей совокупности георесурсов. Разрабатываемая стратегия должна соответствовать и новому развивающемуся понятию горного предприятия, создающегося не только для добычи полезных ископаемых, а как многопрофильный хозяйствующий субъект, комплексно использующий всю совокупность ресурсов земных недр на экономически рациональной основе, предназначенный для преобразования и охраны недр с обязательными экологическими, ресурсосберегающими и ресурсовоссоздающими, а также социально-экономическими функциями и ограничениями.

Поэтому рациональное природопользование обусловлено не только поиском, разработкой и реализацией инновационных технических и технологических решений, но и методологической обоснованностью оценки экономической эффективности множества альтернативных вариантов. В частности, эффективности освоения каждого из георесурсов (каждого из его ценных составляющих!) в отдельности и комплексного использования всей совокупности георесурсов конкретного участка недр в данных социально-экономических условиях [6]. Только на этом пути можно выявить экономически оптимальные направления и варианты освоения отдельных участков недр и соответствующих им ресурсов в конкретный период развития национальной экономики, обеспечить нормальное функционирование и развитие территорий сырьевой специализации.

Теоретически преимущества комплексного использования георесурсов, природа положительного синергетического эффекта могут быть выявлены и наглядно представлены при рассмотрении принципиально возможных моделей индивидуального (монопродуктового), интегрированного (конгломератного типа) и комбинированного (комплексного) производств, организуемых на базе месторождения многокомпонентного минерального сырья

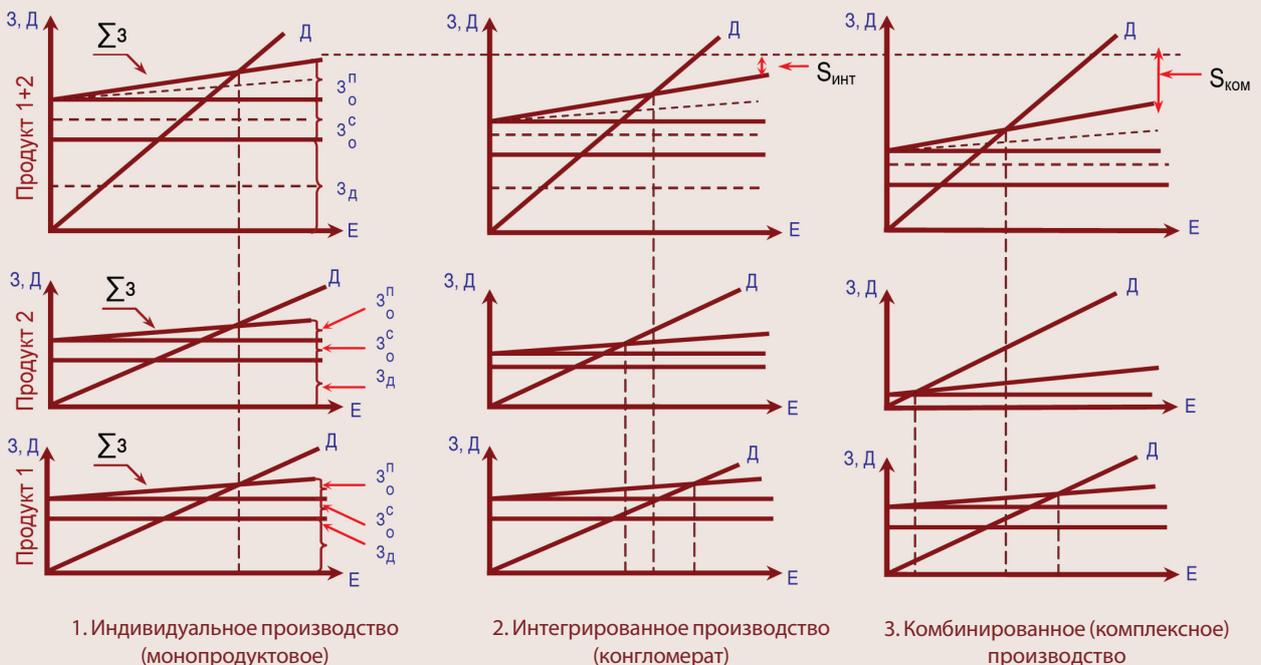
Рисунок 1. Разновидности моделей производств при использовании многокомпонентного сырья

(рис. 1 и 2). Исследование специфических особенностей и закономерностей комплексных производств, на основе указанных моделей [6], позволило по-новому обосновать принципы дифференцированной стоимостной оценки каждого из ценных компонентов в исходном многоком-

понентном сырье и разнообразных продуктах его комплексной переработки, вычленения прямых затрат на производство каждого извлекаемого компонента, определения предельных (браковочных) содержаний ценных компонентов для обоснованного оконтуривания и подсчета промышленных

Рисунок 2. Синергетический эффект интегрированного и комбинированного производств

Условные обозначения: $S_{инт}$ – интегрированное пр-во; $S_{ком}$ – комбинированное пр-во; E – извлечение полезных компонентов, %; D – доход (выручка); Z_d – затраты на добычу сырья; Z_c, Z_p – постоянные и переменные затраты на обогащение; Σz – суммарные затраты на добычу и обогащение.

запасов комплексных месторождений и т. п., на основе которых разработаны и апробированы на практике принципиально новые методические решения по ключевым проблемам экономики комплексного использования минерального сырья и горнопромышленных отходов.

Особенности формирования совокупных издержек и доходов производств, соответствующих перечисленным моделям, при извлечении из сырья хотя бы двух, а тем более большинства или всех ценных компонентов в обособленные готовые продукты обусловлены следующими обстоятельствами. Расширение номенклатуры извлекаемых полезных компонентов при переработке многокомпонентного сырья сопровождается преобразованием только части перерабатывающих мощностей на стадии обогащения или, чаще всего, лишь на заключительных химико-металлургических операциях переработки концентратов, полуфабрикатов, промежуточных продуктов. При этом не требуется увеличения объема добычи сырья, соответственно дополнительных инвестиций и текущих затрат, связанных с подготовкой сырьевой базы, горными работами и начальными стадиями подготовки сырья к переработке (процессами дробления, измельчения¹, классификации и т. п.).

В структуре стоимости готовых продуктов, получаемых из минерального сырья, наиболее дорогостоящими, энергоемкими, капиталоемкими и трудоемкими являются процессы добычи (особенно в совокупности с подготовкой сырьевой базы, транспортировкой, дроблением и измельчением руды), не меняющиеся при изменении количества извлекаемых ценных компонентов и уровня их извлечения. Одновременно повышение уровня комплексного использования сырья, как правило, обеспечивает относительное (в расчете на равный

¹ В ряде случаев может потребоваться операция доизмельчения некоторых продуктов.

конечный народнохозяйственный результат) и абсолютное сокращение отрицательного воздействия горнопромышленного предприятия на окружающую среду, т. е. может иметь экологический и социальный эффекты.

Возможность существенного прироста производства конечной продукции за счет совершенствования недропользования, комплексного использования невозобновляемых минеральных ресурсов при стабилизации, даже ограничении, объемов добычи первичного природного сырья, уменьшения загрязнения окружающей среды в полной мере соответствует основным идеям нового оптимистического доклада Римскому клубу [7]. Один из главных выводов этого доклада: человечество в состоянии решить проблему устойчивого экологосбалансированного экономического развития на основе повышения «производительности ресурсов», резкого повышения эффективности их использования.

Одновременно необходимо существенное нормативное (законодательное) ограничение техногенных нагрузок на природную среду. Проблема нормирования нагрузок на экосистемы обсуждается уже более двух десятилетий. Накоплен поистине огромный фактологический и методический материал, который практически никак не используется для решения технических и технологических проблем при поисках подходов к экологической безопасности хозяйственной деятельности человека. Общепринятого универсального метода оценки воздействия на среду пока нет. В США и Европе, например, применяются в различных случаях и различных регионах 50 методик такой оценки.

В работе [2] предложен заслуживающий внимания оригинальный подход к классификации зон техногенного поражения видов эдификаторов под воздействием горного производства на основе балльной оценки сохранившейся способности экосистемы к самовосстановлению (табл. 2),

Таблица 2. Классификация степени техногенного нарушения природных экосистем по пятибалльной шкале [2]

Степень техногенного нарушения	Оценка в баллах	Степень нарушенности экосистемы	Доля сокращения видов эдификаторов	Состояние экосистемы и возможности самовосстановления после снятия техногенной нагрузки
Пренебрежимо малое	I	Фоновая	0÷10	Быстрое самовосстановление
Малое	II	Слабая	11÷25	Угнетенное (большинства видов), способность к самовосстановлению полностью сохранена
На грани сохранения биоты	III	Умеренная	26÷50	Изменение соотношения и роли доминирующих видов в сообществе. Возможности самовосстановления неопределены
Разрушительное	IV	Сильная	51÷80	Изменение качественного состава сообщества. Самовосстановление невозможно
Катастрофическое	V	Очень сильная	80÷100	Полное уничтожение коренного сообщества и изъятие земли из естественного обращения на длительное время

который может быть использован для выработки принципов экологически безопасной технологии недропользования.

Как следует из таблицы 2, главной задачей природоохранной деятельности на всех стадиях развития производства, включая этап проектирования, является предельное сокращение размеров территории, на которую оказывается воздействие IV и V классов тяжести. При техногенном или антропогенном освоении других территорий усилия должны быть направлены, прежде всего, на восстановление той эдификаторной синузии, которая составляла основу экосистемы до начала промышленной деятельности [2].

Современный уровень развития горных технологий характеризуется наличием широчайшего диапазона технологических

процессов, операций и приемов, позволяющих активно влиять на величину практически всех техногенных факторов недропользования.

Генеральная идея создания подобных технологий в самом общем виде была определена *В.И. Вернадским* как «ноосферная» задача встраивания производственных процессов в естественные циклы биохимического кругооборота веществ. Развивая эти идеи применительно к проблемам освоения недр планеты, можно перейти к понятию экотехнологии освоения земных недр [2] – как технологии добычи минеральных ресурсов, построенной по типу процессов, характерных для природы. Это понятие представляет собой новое научное направление в геотехнологии, обеспечивающее

Таблица 3. Биотехнологические принципы формирования экологически безопасной горной технологии [2]

Принципы функционирования природно-равновесных экосистем	Принципы формирования экологически безопасных техногенных геосистем
1. Использование ресурсов и избавление от отходов в рамках замкнутого кругооборота элементов	1. Замкнутый цикл обращения твердых, жидких и газообразных отходов
2. На каждом трофическом уровне воспроизводится только новая биомасса, количество которой обратно пропорционально длине пищевых цепей	2. Избирательная добыча полезного ископаемого
3. Биомасса воспроизводится за счет экологически чистых компонентов абиоты и энергии Солнца	3. Минимизация экологической цены продукции
4. Устойчивость экосистем определяется видами первого трофического уровня	4. Ограничение уровня техногенного воздействия диапазоном толерантности видов эдификаторов фитоценоза экосистемы
5. Однонаправленность эволюции	5. Принцип превентивности при принятии и реализации технологических решений
6. Экосистема сохраняет устойчивость, подвергаясь воздействию лишь периодических факторов ограничения ее развития	6. Максимально возможное исключение непериодических факторов ограничения развития экосистемы

кардинальное решение экологических проблем освоения недр за счет создания технологий, организованных по тем же принципам, которые обеспечивают экологическую чистоту функционирования естественных биологических систем (табл. 3).

Однако это научное направление в области геотехнологии может получить широкое развитие только в том случае, если общество законодательным или каким-либо иным способом декларирует заинтересованность в сохранении естественной биоты Земли и будет стимулировать необходимость минимизации экологических последствий получения промышленной продукции. Такая возможность появляется, если конечная продукция каждого производства будет иметь экологическую цену, которая включает в себя как прямой экологический ущерб от применяемой технологии, так и ущерб, привнесенный с использованными материалами, оборудованием и энергией. Экологическая цена учитывается при принятии управляющих решений и участвует в формировании экологической цены продукции всех последующих производств [2].

Вполне понятно, что никакие методики и концепции по сохранению естественной биоты Земли не приведут к желаемому результату, если общество не обозначит эту цель среди своих приоритетов в виде конкретных законодательных, экономических, социальных и других актов и положений, регламентирующих все стороны жизни. Главное в природопользовании состоит в создании разумной возможности преодоления противоречия между неограниченным ростом потребностей технократической цивилизации и все более ограниченными возможностями биосферы, литосферы, атмосферы и гидросферы удовлетворять эти потребности. Поэтому механизмы государственного регулирования в области охраны природы должны обеспечивать достижение биологического императива при реализации принципов коэволюции анта-

гонистических систем техносферы и биосферы. Следует отметить, что материалы имеющихся исследований пока не позволяют дать точные формулировки необходимых законодательных положений. Но некоторые общие принципы построения этих положений, отражающие возможности преодоления внутренних противоречий существующей сегодня системы регламентации техногенного нарушения биоты, сформулировать можно [2].

Неизбежность изъятия земель под строительство предприятий делает необходимым создание эффективной системы законодательного, экономического и нравственного стимулирования минимизации экологической цены на продукцию этих предприятий. В частности, законодательного запрета способов снижения концентрации вредных веществ в промышленных сбросах за счет распределения загрязнений по большей площади, разбавление чистым воздухом или водой и т. п., а также и всемерного стимулирования применения природоохранных технологий, основанных на изъятии или связывании вредных компонентов в промышленных сбросах.

В настоящее время плата за загрязнение природной среды в России настолько мала, что предприятиям гораздо выгоднее загрязнять окружающую среду, вносить за это плату и не осуществлять природоохранные мероприятия. По имеющимся данным [8], в Польше нормативы платы за загрязнение в целом в 10 – 100 раз выше, базовые ставки за сброс фосфора и азота в водные объекты в Германии соответственно в 165 и 900 раз выше, чем в России.

Например, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 12.06.2003 г. №344 установлены следующие нормативы за сбросы загрязняющих веществ в поверхностные и подземные водные объекты [9]: за 1 т фторид-ионов в пределах установленных допустимых нормативов сбросов – 368 руб. (около 10 евро); в пределах установленных лимитов сбросов (в пятикратном размере) – 1 840 руб.

Для сравнения: штрафные санкции за нарушение Правил поведения в общественных местах (в евро) в Германии [10]: бросать окурки мимо урны – 30; оставленный в неположенном месте хлам – 30; вытряхивание из окон и с балкона ковровых дорожек – 30; мытье автомобиля во дворе или на дороге с применением «химии» – 150; не убирать на улице за своей собакой – 150.

В Свазиленде (горное королевство на юге Африки) согласно закону: разбрасывание мусора и «беспечное обращение с отходами» карается штрафом до 25 тысяч лилангели (свыше 3 600 долларов США) – на первый случай; при повторном нарушении закона – штраф в двойном размере или даже тюремное заключение сроком до двух лет.

У региональных органов власти имеются возможности регулирования базовых нормативов платы за загрязнение, исходя из особенностей ситуации. Эти возможности следует признать довольно ограниченными. Они сводятся к следующему [8]:

- ⇒ согласование предельно допустимых нормативов негативного воздействия, определение лимитов осуществляется региональными исполнительными органами в лице комитетов (управлений) по охране природы;

- ⇒ решением органов власти субъектов РФ могут увеличиваться коэффициенты экологической ситуации – до двух раз для природопользователей, расположенных в зонах экологического бедствия, районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, на территории национальных парков и заповедных территориях, по которым заключены международные конвенции;

- ⇒ устанавливаемый на федеральном уровне коэффициент индексации платы за загрязнение может регулироваться в субъектах Федерации.

Вместе с тем действуют ограничения в виде предельных размеров платы за повышение допустимых нормативов негативного воздействия в процентах от прибыли, остающейся в распоряжении природо-

пользователя, зависящих от уровня его рентабельности (отношение прибыли от реализации продукции к полной себестоимости). Если рентабельность не превышает 25%, то максимальный процент от прибыли, в пределах которого взимаются платежи, составляет 20%, при рентабельности до 50% – 50%, а свыше 50% – 70%. Введение такой нормы представляет собой льготу природопользователям, носит временный характер и в перспективе подлежит безусловной отмене.

Выводы и рекомендации

Высокая значимость рационального недропользования для экономического роста, повышения эффективности и экологизации российской экономики обуславливает необходимость государственной поддержки и регулирования комплексного освоения и использования ресурсов недр. Прежде всего, на основе совершенствования экономического механизма платного природопользования, обоснованного уровня платежей за загрязнение окружающей среды, изъятия природной ренты, налогообложения бизнеса в минерально-сырьевом комплексе и т. д. Решение этих важных и сложных проблем заслуживает отдельного самостоятельного детального исследования. В рамках данной работы отметим лишь некоторые аспекты проблемы, обусловленные спецификой предмета исследований – углубления комплексного использования ресурсов недр (включая утилизацию горнопромышленных отходов и вторичного сырья) и взаимосвязанную с ним экологизацию минерально-сырьевого комплекса.

Для стимулирования расширения номенклатуры полезно используемых видов ресурсов недр, извлекаемых ценных компонентов, освоения выпуска принципиально новых видов готовой продукции (производства энергии) на их основе целесообразно освобождение от налогообложения прибыли, получаемой недропользователями

за счет эксплуатации соответствующих установок, на период освоения их проектной мощности, но не более чем на 3 года.

Освободить недропользователей от уплаты налога на прибыль, получаемую от переработки любых видов горнопромышленных отходов, на весь период их утилизации.

Необходим пересмотр действующих ставок платежей за сбросы и выбросы загрязняющих веществ и размещение отходов в сторону повышения теоретически до размеров наносимого ущерба, что одновременно будет способствовать более объективной оценке и повышению эффективности комплексного использования ресурсов и утилизации горнопромышленных отходов.

Для успешной масштабной реализации преимуществ комплексного освоения и использования ресурсов недр целесообразна разработка на фундаментальной основе Государственной программы оценки, изу-

чения, освоения и сохранения минерально-сырьевой базы и других ресурсов недр, прежде всего в зоне Севера, а затем и в стране в целом, рассчитанной на 30 – 50 лет.

Таким образом, охрана природы в условиях устойчивого развития представляет собой сложную совокупность технологических, биологических, законодательных и некоторых других принципов и решений, так взаимно детерминированных, что только совместное их применение может обеспечить сохранение условий функционирования и эволюции естественной биоты Земли при развитии технократической цивилизации. Вместе с тем следует иметь в виду, что процесс создания условий для коэволюции техно- и биосферы, сохранения естественной биоты Земли при развитии технократической цивилизации является не только сложным, но и итерационным, и без первого практического шага желаемая цель не будет достигнута.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федосеев С.В. Стратегический потенциал базовых отраслей промышленности. – Апатиты: КНЦ РАН, 2003. – 268 с.
2. Трубецкой К.Н., Галченко Ю.П., Бурцев Л.И. Экологические проблемы освоения недр при устойчивом развитии природы и общества. – М.: Научтехлитиздат, 2003. – 261 с.
3. Глобализация и рынки минерального сырья /А.Е. Воробьев, Г.А. Балыхин, С.Ф. Усманов, Т.Ф. Чекушина; Под ред. проф. А.Е. Воробьева. – Бишкек: КРСУ, 2003. – 294 с.
4. Каплан Е.Л., Литовка О.П., Новиков Э.А. Социально-экономические аспекты рационального природопользования в регионе. – Л.: Наука, 1989. – 126 с.
5. Макаров Г.С. Развитие производства вторичного алюминия в России // Цветные металлы. – 2004. – №1. – С. 62-66.
6. Ларичкин Ф.Д. Научные основы оценки экономической эффективности комплексного использования минерального сырья. – Апатиты: КНЦ РАН, 2004. – 252 с.
7. Вайцзекер Э., Ловинс Э., Ловинс Л. Фактор четыре. Затрат – половина, отдача – двойная. Новый доклад Римскому клубу / Перевод А.П. Заварицына и В.Д. Новикова; Под ред. акад. Г.А. Месяца. – М.: Academia, 2000. – 400 с.
8. Экология и экономика природопользования: Учебник для вузов / Под ред. проф. Э.В. Гирусова, проф. В.Н. Лопатина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юнити-Дана; Единство, 2002. – 519 с.
9. О нормативах платы за выбросы в атмосферный воздух загрязняющих веществ стационарными и передвижными источниками, сбросы загрязняющих веществ в поверхностные и подземные водные объекты, размещение отходов производства и потребления: Постановление Правительства РФ от 12.06.2003 г. №344 // Российская газета. – 2003. – №120. – 21 июня.
10. Любишь мусорить – плати // Мурманский вестник. – 2004. – №10 (3153) – 17 января.

Перспективы прогнозирования энергопотребления на Севере

В статье представлены результаты исследования современных экономических условий развития энергетики в целом по России и в Мурманской области в частности. Выявлены факторы формирования спроса на энергоносители. Выполнен анализ методов прогнозирования энергопотребления. Разработан подход к оценке перспективного потребления энергии, на основе которого осуществлено прогнозирование потребления электроэнергии в Мурманской области до 2020 года.

Энергетика, прогнозирование энергопотребления.

**Светлана Сергеевна
ТУИНОВА**

кандидат экономических наук, Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН

Решение задачи прогноза перспективного энергопотребления является актуальным, поскольку от него зависит не только энергетическая безопасность оцениваемой территории, но и экономическая устойчивость в целом. Особенно высоки риски, связанные с энергетической безопасностью, в северных регионах, где энергия является лимитирующим фактором не только производства, но и выживания социума. Кроме того, в соответствии с принятой Стратегией развития энергетики России на период до 2020 года основной задачей региональной энергетической политики является обеспечение социально-экономического развития региона на основе эффективного, надежного и безопасного энергоснабжения при минимальных затратах и приемлемом уровне техногенного воздействия на окружающую среду [1]. Проведение региональной энергетической политики в регионе требует разработки методических подходов, учитывающих особенности territori-

ального разделения труда, энергоэкономических условий, достигнутого уровня энергетического производства, предполагаемых направлений и масштабов социально-экономического прогресса. В этом методическом обеспечении особое место занимает прогноз энергопотребления (перспективный спрос на энергоносители) и возможные механизмы управления этим спросом.

Для разработки такого методического подхода были исследованы современные экономические условия и выявлены факторы формирования спроса на энергоносители, а также выполнен анализ методов прогнозирования энергопотребления и выбраны приемлемые в современных условиях. Во время исследования были рассмотрены экономические особенности Мурманской области и выбраны показатели энергопотребления, на основе которых с привлечением современных программных средств разработан алгоритм прогнозирования и выполнена прогнозная оценка потребления электроэнергии.

Современные экономические условия и факторы формирования спроса на энергоносители. Выявленная в процессе исследования специфика условий позволила выполнить классификацию формирующих факторов спроса, основным из которых, по мнению автора, выступает неустойчивость структуры отношений собственности, которая проявляется через феномен рекомбинированной собственности. Этот феномен выражается в несовпадении формальной и реальной структур собственности. Формально собственниками выступают акционерные общества, реально же — это интегрированные бизнес-группы, корпорации, которые имеют специфическую цель получения максимальной прибыли в короткие сроки, что приводит к отсутствию устойчивости и преемственности. Как следствие, появляются специфические формы управления и контроля, которые не всегда направлены на улучшение жизни всего сообщества данной территории. Выявленные факторы спроса, имеющие отношение не только к Северу, но и России в целом, разнесены по трем блокам:

1. Традиционные, или обусловленные энергетической технологией и масштабами производства:

- предполагаемый уровень жизни населения;
- характер географического размещения энергетических источников и геологические условия топливных баз;
- энергетическая эффективность основного и вспомогательного оборудования — смена технологий;
- спотовый характер отношений на рынке энергоносителей (сложность или невозможность складирования товара — энергии);
- динамичность процесса производства и потребления энергии, выражающаяся в изменении графика потребления в течение суток и года;
- нестабильность производства и потребления энергии, вызванная гидрологическими и метеорологическими условиями.

2. Вызванные проникновением рыночных отношений в энергетику:

- образование различных форм собственности и, как следствие, новых организационных и экономических связей;
- реформирование системы ценообразования в соответствии с условиями самофинансирования;
- динамика цен на энергоносители.

3. Специфические, свойственные российским условиям:

- ограниченные финансовые возможности потребителей;
- нарушение платежной дисциплины (неплатежи);
- неустойчивость структуры отношений собственности — незавершенные процессы приватизации, акционирования (продолжающийся «активный» передел собственности).

В целом условия развития энергетики за последние годы очень изменились. Эти чаще негативные изменения обусловлены как естественными экономическими факторами, так и политическими. Так, например: нефтеносные базы перемещаются в более отдаленные районы; усложняются геологические условия добычи топлива; дорожает топливо на внутреннем рынке; большую часть валютных поступлений страны по-прежнему приносит экспорт энергоносителей; реформирование ТЭК вызвало существенные сдвиги в государственной управленческой вертикали, что существенно повлияло на устойчивость экономики и энергетическую безопасность. Перечень факторов не претендует на исключительную завершенность, поскольку происходящие в действительности события постоянно вносят свои коррективы.

В этих изменяющихся условиях менялось и отношение к понятию спроса на энергоносители. Спрос как экономическая категория противостоит предложению продукта, который находится на рынке или может быть доставлен на него, в нашем случае продуктом выступают энергоносители. Спрос и предложение воздействуют друг на

друга через процесс купли-продажи. В условиях плановой экономики использовалось понятие общественной потребности, под которой понимался платежеспособный спрос, удовлетворение которого составляло цель социалистического производства. При этом в соответствии с определением платежеспособный спрос – это форма проявления потребности, обеспеченная денежными средствами, используемыми для оплаты приобретаемых товаров (энергоносителей). В российских специфических условиях неплатежей, возникавших при переходе от плановой к рыночной экономике в 1990-е годы, появилось понятие «социально обоснованной» (технологической) потребности. Это тот же спрос, но практически равный максимальной потребности в энергоносителях без учета энергосбережения и возможности их взаимного замещения, т. е. заметно превышающий экономически обоснованный. Современная расширенная трактовка понятия спроса на энергоносители включает наряду с традиционным понятием рассмотрение финансового состояния основных потребителей в регионе, в том числе крупных промышленных предприятий, объектов малого бизнеса, жилищно-коммунального сектора. Причем управление спросом на энергоносители должно осуществляться на базе рациональных ценовых механизмов, налогов, кредитов, ставок и норм платежей за ресурсы. При этом перспективная потребность в энергоресурсах традиционно рассматривается как структура и возможные объемы энергии и топлива на перспективу, обеспечивающие условия эффективного развития экономики региона.

Во время анализа существующих методов прогноза было выявлено, что в постоянно трансформирующейся системе отношений собственности они неадекватно отражают происходящие процессы, поэтому при их применении необходимо комбинирование. Основной причиной невозможности применения зарубежных разработок

в чистом виде является несовпадение исторически сложившихся структур жилищного сектора, промышленности, технологического транспорта и сетевого строительства, а также климатических условий. При оценке основных направлений формирования перспективного топливно-энергетического баланса и разработке энергетических программ в советское время за основу бралось энергопотребление экономики на перспективу [2, 3].

Определение потребности в энергии всегда было сложным многоплановым процессом, требующим достаточно полной и разносторонней информации о развитии многих отраслей экономики. Наибольшее распространение при прогнозировании энергопотребления в нашей стране получили два принципиально различающихся метода: нормативный и анализа долгосрочных тенденций.

Первый метод позволяет рассчитывать энергопотребление на основе объемов выпускаемой продукции или выполняемых работ и удельного расхода энергии на единицу выпускаемой продукции или выполняемых работ. Метод очень трудоемкий, поскольку требует большой детальной информации о плановых объемах выпуска огромного количества видов продукции и услуг, а также нормах расхода энергоносителей на их производство. Но вместе с тем нормативный метод дает возможность оценки потенциала энергосбережения на основе изменения удельных энергозатрат на выпуск единицы продукции. Главной отличительной характеристикой нормативного метода является то, что прогноз строится на перспективных данных.

Метод анализа долгосрочных тенденций энергопотребления, напротив, основан на изучении длительных ретроспективных временных рядов, описывающих уровни энергопотребления и факторы, существенно влияющие на размеры энергопотребления. В результате анализа ретроспективных уровней энергопотребления выявляются

тенденции и закономерности предшествующего периода, которые затем экстраполируются на перспективу. Недостатком метода долгосрочных тенденций является недостаточная детализация прогнозируемых показателей и низкий уровень доверия к получаемым результатам, поскольку в общих тенденциях невозможно проследить причины происходящих в энергопотреблении изменений.

При прогнозировании развития сложных систем используются еще динамические, статические, регрессионные и другие модели, а также неформальные соображения, официальные материалы, мнения экспертов и т. п. [4]. Не представляется целесообразным подробно описывать здесь динамические модели. Сущность подхода состоит в следующем [3]: на основании различных методик дается прогноз на некоторую дату достаточно большого числа показателей в абсолютных и относительных цифрах. Из прогнозов значений некоторого показателя по разным методикам выбирается (рассчитывается или определяется исследователем) некоторое желаемое значение показателей и устанавливаются его границы. Эта процедура проводится для всех или части прогнозных показателей, в процессе ее могут уточняться и варьироваться отдельные прогностические методики. Затем следует определение сбалансированного в данном расчетном году решения. Все рассматриваемые показатели этого решения должны лежать в заданных интервалах. Кроме того, решение должно обеспечивать минимум некоторого квадратичного функционала. Минимизация этого функционала означает нахождение наиболее близкого к желаемому решения. Изменяя вектор желаемых показателей, введенный в функционал, можно менять решение задачи. Если получить сбалансированное решение не удастся, используют информацию о «мешающих» граничных значениях показателей и пересматривают методы, прогнозирующие значения соответствующих

показателей. Полученное с помощью таких корректировок решение на данный расчетный год используется в методиках прогноза показателей для последующих лет. Для следующего расчетного года процесс повторяется. В результате можно получить сбалансированный прогноз на ряд расчетных лет и уточненные методики прогнозирования отдельных показателей.

Очевидно, что при анализе энергопотребления необходимо рассмотреть объемные показатели народного хозяйства и его отраслей. Таким образом, прогноз энергопотребления опирается на прогнозы столь же трудно прогнозируемых величин. Положение осложняется необходимостью рассматривать нормы прямых затрат, которые отражают технический и организационный процесс по всей производственной цепочке. Поэтому его использование возможно для прогнозирования на уровне страны, а не региона, поскольку сложно оценить изменение удельного веса отдельных технологий, применяемых при производстве однородной продукции, а также изменение структурных соотношений в народном хозяйстве и другие факторы.

Переориентация экономики с административного на экономический тип управления активизировала внимание к экономическим аспектам, влияющим на перспективное энергопотребление, и в первую очередь к влиянию цен [5]. Изменение цен на энергоресурсы является сложным экономическим явлением, так как динамика цен — это следствие и одновременно индикатор изменений в развитии экономики страны. Основное воздействие на энергопотребление оказывают не столько сами цены, сколько изменения в экономике, которые их определяют. Анализ изменения энергопотребления в зависимости от динамики цен на энергоносители в различных секторах экономики показал, что эта зависимость носит индивидуальный характер для конкретного периода, сектора экономики и региона. Поэтому в условиях

отсутствия соответствующей статистической базы и большой неопределенности будущего развития энергопотребления невозможно использовать показатели эластичности для прогноза [6]. Под эластичностью в данном случае понимают отношение выраженного в процентах изменения основного показателя (энергопотребления) при изменении на 1% влияющего на него фактора (цены).

Повышенная экологическая активность мировой общественности привела к выводу о необходимости повсеместного экологического нормирования. Страны Северной Европы, имея активную позицию по данному вопросу, учитывают влияние фактора экологического нормирования на энергетическое производство, а следовательно, на спрос и потребление энергоносителей [7]. Участники многих политических совещаний по развитию энергетики в Европе признают, что существующие механизмы финансирования во многих странах не поддерживают энергосбережение и более широкое использование нетрадиционных и возобновляемых, более чистых источников энергии. Последние исследования выявили тревожные тенденции стабилизации высокой интенсивности энергопотребления в Западной Европе и даже увеличивающуюся интенсивность использования энергии в бывших государствах социалистического лагеря [8]. Энергетическая политика, как ее понимают на Западе, предполагает принятие так называемых «зеленых» мер, которые могут быть представлены следующей классификацией.

1. Включение рыночных механизмов подразумевает:

а) реформирование ценообразования в энергетике с учетом экологических аспектов;

б) реформирование системы налогообложения, основываясь на принципе «за загрязнение надо платить»;

в) пересмотр субсидирования в энергетике (снижение или отказ) с целью усилить мотивацию к переходу на новые технологии.

2. Объединение политических усилий всех уровней (государственная власть, крупные собственники, общественные организации, специалисты энергетики, экономики, экологии) с тем, чтобы было учтено следующее:

а) повышение прозрачности проводимых мероприятий за счет привлечения средств массовой информации, расширения образовательных программ и тому подобных акций;

б) постепенность осуществления мер, учитывающая возможное возникновение социальных и экономических трудностей;

в) сбалансированность распределения социальной поддержки.

3. Координация усилий, предпринимаемых на международном уровне, чтобы происходили соответствующие:

а) формирование баз данных по энергетическим и финансовым потокам (балансы) от локального уровня и выше;

б) расширенный мониторинг экологической ситуации в увязке с вышеупомянутыми энергетическими потоками с привлечением современных информационных технологий;

в) унификация методов оценки происходящих событий для возможности их последующего сопоставления.

4. Систематическое просвещение различных категорий населения, что должно включать в себя:

а) соответствующие программы в системе образования;

б) направленную деятельность неправительственных организаций;

в) активное участие средств массовой информации.

Все эти меры должны служить устойчивому развитию энергетики и экономики. Их влияние на структуру и объемы энергопотребления не вызывает сомнения. Значит, их тоже следует отнести к инструментам управления спросом.

Проведенный анализ отечественного и зарубежного опыта организации энергопотребления позволил сделать выводы о том, что на данный момент не существует до конца отработанных подходов к оценке спроса на энергоносители на региональном уровне; нет отработанной системы критериев и ключевых факторов, которые могут быть использованы при оценке спроса на энергоносители; не существует доступных программных средств, позволяющих быстро определить спрос на энергоносители на уровне региона; зарубежные разработки выполнены для условий уже давно сложившейся рыночной экономики и не могут быть использованы в полной мере, поскольку не учитывают факторы, свойственные российским условиям.

Разработка методического подхода к прогнозной оценке спроса потребовала рассмотрения особенностей развития топливно-энергетического комплекса [5] и экономики области [9, 10]. Выявленные тенденции и проблемы позволили обосновать выбор методов, выявить рациональные области их применения. С точки зрения построения информационной системы разработанная схема имеет особенности, а именно: она не может быть полностью формализована. Поэтому схема содержит комбинацию методов, в том числе эвристических. Для принятия решения в эксперименте должен участвовать эксперт — человек, ответственный за решение. Предлагаемый методический подход к прогнозной оценке спроса основан на комбинировании известных вышеупомянутых методов в зависимости от степени определенности информации. Для наиболее энергозатратных секторов экономики — это нормативный метод и метод долгосрочных тенденций, а для сельскохозяйственного, транспортного и жилищно-коммунального секторов — метод полных затрат на компоненту конечного потреб-

ления. Последний из упомянутых методов появился сравнительно недавно — в конце 1990-х годов и во многом перекликается с западными разработками моделей конечного потребления (*end-use model*). Компоненты конечного потребления — это непосредственные потребности населения, такие, как обеспеченность жильем, продуктами питания, бытовыми приборами, социальными и транспортными услугами. При использовании этого метода отслеживается динамика уровня жизни по уровню конечного потребления, эффективность экономики через нормы прямых затрат.

Такой подход позволяет получить наиболее объективные и надежные результаты прогноза перспективного территориального энергопотребления, что служит основанием для принятия управленческих решений в энергетическом секторе. На основе предложенного методического подхода построена информационная модель (*рисунок*), которая практически реализована в электронных таблицах EXCEL.

Модель имеет гибкую блочную структуру. Автономность блоков позволяет оперативно менять их содержание, степень детализации в зависимости от конкретных условий, доступности статистической информации.

На основе изложенных подходов были сформированы перспективные балансы электроэнергии для Мурманской области на период до 2020 года (*таблица*).

В таблице использованы следующие обозначения: АЭС-1 — это действующая Кольская атомная станция, АЭС-2 — новая АЭС. Представленные в виде дроби показатели означают, что в числителе даны значения без замены выбывающих блоков АЭС-1, а в знаменателе — для варианта с вводом блоков АЭС-2. Выработка электроэнергии ГЭС дана с учетом совместной их работы с ветропарком мощностью 200 мВт.

Таким образом, разработанная схема состоит: из методической базы для иссле-

Ожидаемые балансы электроэнергии Кольской энергосистемы на период 2005 – 2020 гг., млрд. кВт. час.

Наименование		2010 г.	2015 г.	2020 г.
<i>Потребность</i>				
Традиционное потребление		13,10	13,30	13,40
Новое потребление		4,75	5,54	5,79
Экспорт в Норвегию		0,80	1,20	1,20
ИТОГО потребность		18,65	20,04	20,39
<i>Покрытие</i>				
Выработка собственных электростанций, всего		20,34	21,18	<u>16,52</u> 21,03
В том числе	ГЭС	6,77	6,80	7,55
	АЭС-1	12,67	12,67	6,34
	АЭС-2	-	-	4,51
	ТЭЦ (вкл. малые)	0,90	1,71	2,63
ИЗБЫТОК+, ДЕФИЦИТ-		1,69	1,14	<u>-3,87</u> +0,64
<i>Число часов использования располагаемой мощности, час/год</i>				
В том числе	ГЭС	4 000	3 990	4 340
	АЭС-1	7 200	7 200	7 270
	АЭС-2	-	-	6 900
	теплофикационных агрегатов	2 340	4 450	4 500

дования регионального энергопотребления; модели, включая информационную базу; программно-вычислительных средств. Эта разработка может служить базой при расчете тарифов. Поскольку спрос определяется ценой, то вопрос о тарифах занимает ключевую позицию. В свою очередь эта задача имеет отношение не только к уров-

ню производства, но и к уровню государственного управления. Поскольку ввод каждого нового объекта в энергосистеме влияет на цены и тариф, необходимо учитывать наличие обратной связи. Вместе с тем модель, не будучи строго детерминированной, позволяет вносить изменения в позиции удельных расходов в зависимость

ти от технологического прогресса, а также добавлять другие продукты или исключать малозначимые. Возможность использовать в модели физические параметры, независимые от структуры цен и инфляционных ожиданий в стране, а также включение наи-

более энергоемких продуктов позволили сократить ее размерность. Модель может быть использована как база данных для реализации энергосберегающих мероприятий, например за счет автоматической корректировки удельных расходов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энергетика России. Стратегия развития. 2000 – 2020 гг. (Научное обоснование энергетической политики). – М.: ГУ ИЭС Минэнерго России, 2003. – 800 с.
2. Макаров А.А., Вольфберг Д.Б. Тенденции развития и методы прогнозирования энергетики стран-членов СЭВ. – М.: Энергоатомиздат, 1987. – 264 с.
3. Медведева Е.А. Модель экономики для прогнозирования энергопотребления // Вопросы автоматизации исследований развития энергетики. – Иркутск: СЭИ, 1983. – С. 115-132.
4. Войтулевич Е., Маронь Е., Грейнберг Б., Мастепанов А. и др. Принципы долгосрочного прогнозирования топливно-энергетических потребностей // Теплоэнергетика. – 1989. – №9. – С. 37-41.
5. Баранник Б.Г., Криворуцкий Л.Д. Энергетическая база Запада европейского Севера России (проблемы и перспективы развития). – Апатиты: КНЦ РАН, 1999. – 165 с.
6. Баранник Б.Г., Калинина Н.В., Туинова С.С. Подходы к оценке перспективного спроса на энергоносители в северных районах. – Апатиты: КНЦ РАН, 2005. – 11 с.
7. Maria Stenkvist. Developments on the electricity market, and energy and environmental policies // Electricity market in Sweden, 2006. – Stockholm, Sweden, 2006. – 41 p.
8. Stefan Goldkuhl. Electricity generation and electricity generation costs // Electricity market in Sweden 2006. – Stockholm, Sweden, 2006. – 41 p.
9. Истомин А.В. Перспективы социально-экономического развития Мурманской области // Темпы и пропорции социально-экономических процессов в регионах Севера. – Апатиты: КНЦ РАН, 2003. – С. 87-92.
10. Социально-экономическая и общественно-политическая ситуация в Мурманской области (по состоянию на 01.02.2006 г.): Доклад губернатора Мурманской области [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://gov.murman.ru/reports/gov-001.shtml>

Стратегия диверсификации экономики региона

В статье обосновывается необходимость структурной модернизации экономики Вологодской области. Раскрываются приоритеты промышленной политики, на основе которых возможно более полное использование конкурентных преимуществ региона. Представляется содержание программы формирования на территории области новых производственных кластеров, обеспечивающих активное продвижение к инновационному развитию региональной экономической системы.

Промышленная политика, диверсификация экономики, производственные кластеры, инновационное развитие.

**Леонид Генрихович
ИОГМАН**

кандидат экономических наук,
начальник департамента экономики,
первый заместитель губернатора Вологодской области

1. Вызовы настоящего в стратегии будущего

Большинство проблем экономики с явным преобладанием в ее структуре доли сырьевых отраслей можно расценивать как наследие России от советского периода. По мере формирования в стране рыночных отношений на первый план выходит задача обеспечения устойчивого экономического развития. Концентрация финансовых ресурсов в сырьевых секторах экономики, недостаток инвестирования перерабатывающих секторов, низкое качество предлагаемых механизмов повышения конкурентоспособности продукции большинства отраслей несырьевой направленности являются факторами, сдерживающими возможный устойчивый экономический рост. Однако, несмотря на наличие действующих структурных диспропорций в экономике, в стране отмечается определенная макроэкономическая стабильность, положительные тенденции в развитии промыш-

ленного, научного и трудового потенциалов, хотя нельзя не отметить проблему нехватки квалифицированных рабочих и работников некоторых специальностей.

При этом вызывает тревогу низкий уровень конкурентоспособности России в мировом масштабе. И тем более когда ее рейтинг по индексу конкурентоспособности в последние годы снижается (табл. 1).

Таблица 1. Рейтинг ряда стран по индексу конкурентоспособности

Страна	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.
Финляндия	1	2	1	1	1
США	2	1	2	2	2
Швеция	9	5	3	3	3
Дания	14	10	4	5	4
Россия	63	66	70	70	75

* Источники: Дорогов В.А. Анализ возможностей использования рейтингов конкурентоспособности WEF и IMD для выработки рекомендаций в сфере экономической политики [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.hse.ru/temp/2006/files/20060404-06/20060405_mironov.doc; Данные World Economic Forum [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.kazpravda.kz/_pdf/may06/120506tab1.pdf; Международное инвестирование [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.usfa.org.ua/2004/mninv.html#first>

В этой связи налаживание процессов ускоренной диверсификации экономики выступает одной из приоритетных задач на современном этапе развития и требует оперативности в принятии адекватных решений. Вместе с тем важно понимать, что резко изменить структуру экономики за короткое время невозможно. Слишком велика доля металлургии, лесного комплекса в совокупном объеме экспорта, размер которой составляет около 50%. Соответственно зависимость развития страны от внешнеэкономической деятельности будет оставаться достаточно высокой в ближайшее время. Кроме того, существует определенная опасность сохранения монополизации экономики. Однако процесс диверсификации неизбежен при формировании новых подходов к управлению экономическим развитием.

Усиление процессов диверсификации и создание многоотраслевых холдингов и финансово-промышленных групп, развитие корпоративного сектора экономики в стране свидетельствуют о следовании основным тенденциям, характеризующим глобальное экономическое пространство. В России формирование корпоративного сектора происходит на базе «традиционных» компаний, которые отличаются высокой капиталоемкостью активов (имеющих преимущественно материальный характер), а также высокой степенью вертикальной интеграции и установлением прямого контроля над поставщиками и потребителями по цепочкам добавленной стоимости. Для современной отечественной промышленной политики характерно отсутствие жестких отраслевых приоритетов, прежде всего, вследствие высокодиверсифицированной структуры бизнеса. Следовательно, и государственные инициативы относительно индустриального сектора экономики носят межотраслевой характер и направлены на решение общих для компаний разных групп отраслей проблем в свете повышения их конкурентоспособности [2].

С учетом существующих в экономике России тенденций наиболее приемлемыми представляются два основных подхода к совершенствованию структуры экономики посредством внедрения процессов ее диверсификации.

Первый (горизонтальные меры) предусматривает создание устойчивых институтов для функционирования всех субъектов экономической деятельности, формирование благоприятного инвестиционного климата, сокращение вмешательства государства в экономику, поддержание конкуренции на рынках. Эти меры направлены на улучшение положения всех субъектов экономической деятельности. Прямое вмешательство государства допускается только для поддержания и стимулирования конкуренции.

Второй подход (вертикальные меры) предполагает проведение активной государственной политики по изменению структуры экономики и ее совершенствованию на основе стимулирования, в том числе финансового, отдельных отраслей и предприятий. Указанные меры ставят одни субъекты экономической деятельности в более благоприятные условия по сравнению с другими. Кроме того, механизмы активного государственного вмешательства приводят к целому ряду негативных воздействий на экономику, последствия которых в дальнейшем трудно минимизировать.

Во-первых, перед государством встает задача правильного выбора приоритетных отраслей. Риск неверного ее решения достаточно высок. Во-вторых, для активного использования государственного вмешательства требуются финансовые ресурсы, которые, как правило, консолидируются в бюджете за счет увеличения нагрузки (в том числе и налоговой) на другие секторы [1].

В чистом виде ни один из указанных подходов не решает задачу диверсификации структуры экономики. Диверсификация важна не сама по себе, а как условие создания

более конкурентоспособной экономики, в полной мере реагирующей на рыночные сигналы, устойчиво развивающейся без дальнейшего прямого участия государства.

Моноструктурность экономики — этот изъян типичен для многих субъектов Федерации, но в особенности для северных

регионов, изначально развивавшихся как некие сырьевые придатки Центральной России. В Вологодской области, например, более 60% в объеме ее производства приходится на долю ОАО «Северсталь». Гигант черной металлургии также обеспечивает региону около 80% объема прибыли (рис. 1).

Рисунок 1. Доля металлургического производства в экономике Вологодской области и России в 2006 г., %

* В добывающих, обрабатывающих производствах, производстве и распределении электроэнергии, газа и воды.

Моноструктурность — очень серьезный вызов. Социально-экономическое положение в регионе, его население не должно зависеть от ситуации на каком-то одном или нескольких мировых товарных рынках (металлов, минеральных удобрений, лесной продукции). Структура экономики должна меняться. А для ускорения диверсификации мы обязаны повысить конкурентоспособность всех основных секторов экономики.

Не стоит забывать, что ОАО «Северсталь», как и другие российские сталепроизводители, в последние годы диверсифицирует поставки в сторону увеличения доли российского рынка, сокращая долю экспорта в структуре сбыта. (Справочно: доля экспорта проката «Северстали» в 2005 году

составляла 43%, 2006 году — 29%, 2007 году по оценке — 23%.)

О необходимости диверсификации экономики свидетельствует структура балансовой прибыли организаций области (табл. 2).

Как видно из данных таблицы 2, удельный вес металлургии в общем объеме балансовой прибыли предприятий промышленности колеблется на уровне 90%, что свидетельствует о серьезной зависимости процесса наполняемости областного бюджета от эффективности функционирования металлургического комплекса региона.

Кроме того, если общая рентабельность производства по региону в отдельные годы варьируется в пределах 21–32%, то рентабельность без учета металлургии исчисляется 8,5–10,2% (табл. 3).

Таблица 2. Балансовая прибыль организаций Вологодской области, млн. руб.

Показатель	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Всего по экономике	28 087,4	11 771,8	12 875,6	35 175,8	61 092,9	53 921,8	56 197,0
Промышленность	26 861,0	10 395,0	11 917,9	27 847,9	55 895,7	51 040,8	53 388,0
В том числе:							
Металлургия	24 634,0	8 548,4	10 261,5	25 042,4	53 863,6	46 039,3	48 833,2
Промышленность без металлургии	2 227,0	1 846,6	1 656,4	2 805,5	2 032,1	5 001,5	4 554,8
Удельный вес металлургии в общем объеме балансовой прибыли, %	87,0	72,8	79,7	71,2	88,2	85,4	86,9
Удельный вес металлургии в объеме балансовой прибыли промышленности, %	91,7	82,2	86,1	89,9	96,4	90,2	91,5

Таблица 3. Рентабельность производства Вологодской области по валовой прибыли, %

Показатель	2003 г.	2004 г.	2005 г.
Всего по экономике	21,1	32,4	23,9
В том числе:			
Промышленность	28,1	45,9	30,9
Металлургия	42,2	71,8	45,5
Общая рентабельность без металлургии	8,5	10,2	9,5

На самом деле абсолютным приоритетом для региона по-прежнему является необходимость высоких темпов роста экономики, основывающихся на диверсификации, ускоренном развитии перерабатывающих отраслей, малого и среднего бизнеса, повышении инновационной активности.

В результате возникает более частный вопрос: что может представлять собой модель осуществления самого процесса диверсификации? Возможно, это будет ориентация на развитие промышленных производств, сферы услуг, работающей для удовлетворения потребностей конечных потребителей. Так называемые активы индустриальной экономики.

В то же время, когда в условиях мировой конкуренции важнейшими составляющими успеха компании становятся знания, инновации и технологии менеджмента, ориентация только на развитие промышленных производств за счет прямых средств поддержки не может обеспечить конкурентоспособность экономики в долгосрочной перспективе. А это значит, что другая модель диверсификации должна быть направлена на обеспечение конкурентоспособности

с учетом предпосылок перехода к постиндустриальной экономике, в которой высокий уровень добавленной стоимости достигается за счет повышения качества человеческих ресурсов, использования интеллектуального потенциала. При этом стоит отметить, что именно «интеллектуальные» сектора создают условия для повышения эффективности традиционных производств.

В этой связи возникает вопрос: если процессы диверсификации и эффективности производства настолько близки между собой, в чем же заключается суть этой взаимосвязи?

2. Диверсификация и современные задачи

В исследованиях, посвященных данной проблеме, можно выделить два крупных направления. Сторонники одного считают диверсификацию «свершившимся фактом» и рассматривают главным образом факторы, определяющие эффективность работы диверсифицированных компаний. Сторонники другого направления полагают, что сама диверсификация является мощным средством повышения эффективности и основное внимание уделяют изучению условий, при которых диверсификация ведет к ощутимому улучшению показателей деятельности предприятий.

Согласно первому мнению, анализ многочисленных исследований позволяет выделить следующие факторы, которые наиболее часто приводятся среди основных, определяющих эффективность диверсифицированных компаний: способность

добиваться реального синергетического эффекта в различных видах деятельности, тщательная подготовка диверсификации со стратегической финансовой оценкой альтернатив.

Что касается влияния самой диверсификации на эффективность, то исследователи сосредоточили усилия преимущественно на проверке двух гипотез:

1. Диверсификация оказывает положительное воздействие на экономическое и финансовое положение предприятий.

2. Эффект диверсификации в значительной степени зависит от выбора направления (вертикальная интеграция, диверсификация на базе существующих видов деятельности, образование конгломератов)[3].

Само понятие диверсификации в экономике регионов приобретает все большую актуальность и трансформируется в качественно новую, более совершенную категорию, представленную комплексом многофункциональных механизмов, обеспечивающих реальный мультипликативный эффект от их реализации. Данные механизмы ориентированы на более полное использование экономических резервов и организационных ресурсов территорий, местных конкурентных преимуществ, обеспечение стабильного улучшения уровня жизни населения в реальности и на перспективу. В научном же мире понятие диверсификации трактуется как «расширение активности крупных фирм, предприятий и целых отраслей за рамки основного бизнеса, под которым понимается производство товаров и услуг, имеющих максимальные доли в чистом объеме продаж по сравнению с другими видами выпускаемой продукции»[4]. Именно диверсификация экономической деятельности стимулирует стремление предприятий в условиях конкуренции упрочить свое положение на рынке, своевременно отреагировать на изменение экономической конъюнктуры, обеспечить эффективность своей деятельности.

Придание подобной значимости процессам диверсификации носит неслучайный характер. Наличие таких территориальных проблем на региональном уровне, как усилившаяся дифференциация уровней социально-экономического развития регионов, доминирование отраслевого подхода в управлении, требует безотлагательного принятия решений посредством преодоления моноструктурности большинства региональных экономик.

Как следствие, стратегия диверсификации экономики региона должна предусматривать выбор наиболее оптимальных путей максимально возможного повышения его конкурентоспособности с перспективой создания технологически усовершенствованного и социально-ориентированного индустриального комплекса. В этих условиях основным инструментом проведения целенаправленной политики внедрения процессов диверсификации в экономику региона становятся качественно новые управленческие механизмы, адаптированные к реальным условиям с масштабными перспективами в развитии. При этом целевая направленность функционирования подобных механизмов должна заключаться в создании условий для непрерывного роста валового регионального продукта и повышения уровня благосостояния населения, что достигается путем эффективного использования ресурсного потенциала территории.

На сегодняшний день Вологодская область, так же как и большинство других регионов, оказалась в орбите тех проблем, решение которых требует диверсифицированного подхода. Основная цель — это преодоление сырьевой направленности региона путем «запуска» новых механизмов развития экономики территории, ориентированных на использование инновационных технологий в базовых перерабатывающих отраслях с получением продукции высокого передела.

Еще в 1998 г. правительство области сформулировало интегрированный пакет видения будущего, включавший миссию, доктрину и Протоконцепцию, которая трансформировалась в Концепцию развития Вологодской области (рис. 2). Реализуя Концепцию, в качестве приоритетных задач правительство области определило создание благоприятных условий для развития экономики, с тем чтобы на основе

устойчивого роста объемов производства Вологодская область вышла на уровень 1991 г. и стала регионом-донором.

В 2004 году была разработана и утверждена постановлением Правительства Вологодской области (от 16.04.2004 г. №380) Концепция Стратегии социально-экономического развития области, являющаяся логическим продолжением Концепции, действовавшей до 2003 г.

В марте 2006 г. Концепция Стратегии была одобрена на совещании межведомственной рабочей группы в Министерстве регионального развития России, на котором было отмечено ее высокое качество.

Говоря о перспективах развития региона, стоит отметить главную особенность его экономики, которая заключается в том, что производственная составляющая носит моноструктурный характер, о чем свидетельствует высокая доля металлургического производства – более 61% объемов отгруженной продукции (работ, услуг) промышленности. Поэтому одно из важнейших направлений экономической политики правительства области – это

ускоренная диверсификация структуры экономики и увеличение производства продукции с высокой добавленной стоимостью в наиболее перспективных отраслях.

Разрабатывая стратегию диверсификации экономики, руководство области выдвинуло цель снижения роли черной металлургии и ликвидации зависимости экономики и бюджета региона от ситуации на мировом рынке черных металлов. Решено, что диверсификация структуры экономики будет достигнута за счет развития несырьевых секторов, включая перерабатывающие отрасли промышленности, агропромышленный комплекс, строительство, транспорт, а также за счет развития предпринимательской деятельности (табл. 4).

Таблица 4. Структура промышленности
Вологодской области, %

Отрасль	2005 г.	2006 г.	10 мес. 2007 г.
Электроэнергия, газ и вода	7,5	7,9	9
Металлургия	62,5	62	61,7
Химическая	8,6	8,6	8,8
Лесопромышленный комплекс	3,7	3,1	3,1
Металлические изделия	4,1	3,8	3,2
Машиностроение	4,0	3,5	3,3
Стекольная	0,8	1,1	1,3
Легкая	0,3	0,3	0,2
Пищевая	5,9	5,9	5,4
Прочие	2,6	3,8	4

Анализ существующей экономической ситуации и тенденций ее развития в области показывает, что, несмотря на развитие процесса диверсификации экономики, до 2010 года черная металлургия сохранит свою доминирующую роль в экономике и в значительной степени будет определять показатели экономического развития. Вследствие этого, для преодоления данных негативных факторов необходимо обеспечить максимально эффективное использование имеющегося производственного и сырьевого потенциала. Но достижение задуманной цели возможно лишь при решении в приоритетных отраслях экономики и в социальной сфере ряда проблем. А именно:

- ⇒ значительная доля сырьевых производств;
- ⇒ высокая себестоимость продукции вследствие высокого удельного веса в ее структуре энергетических и транспортных затрат;
- ⇒ несоответствие технико-технологического уровня производства современным требованиям;
- ⇒ высокая степень физического и морального износа основных фондов;
- ⇒ низкий уровень использования производственных мощностей;
- ⇒ низкая конкурентоспособность продукции;

⇒ недостаточный уровень развития внутри- и межотраслевой кооперации предприятий на территории области;

⇒ нехватка квалифицированных кадров.

Следовательно, эффект от реализации стратегии диверсификации экономики Вологодской области заключается в максимально выгодном использовании местных конкурентных преимуществ территории с ориентиром на преумножение внутреннего потенциала региона и укрепление его позиций на межрегиональном и международном рынке.

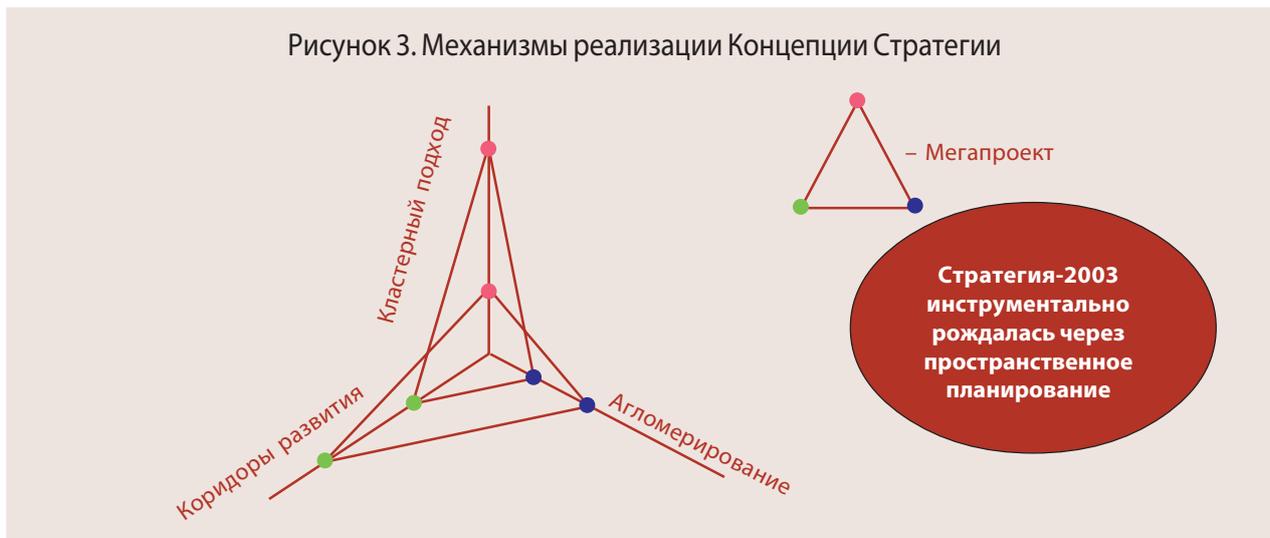
Суть стратегии диверсификации экономики Вологодской области представлена эффективными управленческими механизмами, направленными на изменение структуры экономики в сторону ее полиструктурности посредством увеличения производства продукции с высокой добавленной стоимостью в наиболее перспективных отраслях. Сам факт наличия высокой доли металлургического производства в структуре экономики всей области повышает степень оперативности принимаемых в этом направлении решений.

Механизм реализации стратегии диверсификации экономики области (Концепция Стратегии) предполагает проектный принцип управления экономикой через структурирование и развитие «кластеров», «межгородских агломераций», «коридоров развития» и реализацию «мегапроектов» (рис. 3).

3. «Коридоры развития» как инструмент диверсификации

В Концепции Стратегии выделяются три «коридора развития» (западный, северный, восточный), предполагающие различную специфику направлений развития. Это углубленная переработка древесины, развитие рекреационного бизнеса и различных видов туризма. При выявлении основных «коридоров развития» базовым критерием развития территорий выступили показатели уровня обеспеченности транспортной

Рисунок 3. Механизмы реализации Концепции Стратегии

инфраструктурой, а также достаточно высокая плотность населения и значительный уровень сосредоточенности бизнеса. В целях повышения привлекательности подобных «коридоров развития» предполагается создание соответствующих инфраструктур, в том числе социальных, административных, информационных, транспортных. Благоприятное развитие таких «коридоров» обеспечит возможность роста потенциала соседних территорий.

Развитие агломерации «Вологда – Череповец» и создание предпосылок для выравнивания условий ведения бизнеса в этих близких территориально, но значительно отличающихся по другим параметрам городах предполагает, что, обеспечивая условия для создания новой экономической базы, государство предоставляет пространство, оснащенное инфраструктурой. Строятся новые автодороги, обходы и мостовые переходы. Ведутся работы по реконструкции и прокладыванию линий связи, внедряются новые информационные и энергетические системы, создается административная инфраструктура. Строятся и реконструируются объекты здравоохранения, образования, культуры, спортивные комплексы. В 2006 году общий объем инвестиций в агломерацию «Вологда – Череповец» составил 23 млрд. рублей.

В целях создания потенциала для будущего развития региона на территории агломерации «Вологда – Череповец» осуществляется совершенствование инфраструктуры для реализации проектов формирования интегрированного лесоперерабатывающего комплекса и индустриального парка «Шексна». Реализация данных проектов предполагает привлечение инвестиций на основе использования механизмов государственно-частного партнерства.

Структурирование и развитие лесного кластера на базе интегрированного лесоперерабатывающего комплекса решает актуальную на сегодняшний день задачу увеличения темпов роста производства в сфере глубокой переработки древесины, о чем свидетельствует положительная динамика объемов производства в целом по лесному комплексу (рис. 4).

В рамках интегрированного лесоперерабатывающего комплекса планируется организация производства мелованной бумаги и бумажно-картонной продукции с использованием современных технологий.

Проектные мощности интегрированного лесоперерабатывающего комплекса образуют:

- выпуск бумажно-картонной продукции – 1000 – 1100 тыс. т в год;
- выпуск мелованной бумаги – 400 тыс. т в год.

Рисунок 4. Динамика объемов производства в лесном кластере, %

По предварительной оценке, инвестиции в проект составят более 53 млрд. рублей, объем продаж – 27 млрд. рублей в год.

Реализация рассматриваемого проекта приобретает особую актуальность в рамках выполнения поручений Президента РФ В.В. Путина, данных в Сыктывкаре (06.04.2006 г.), по развитию лесопромыш-

ленного комплекса России. Функционирование интегрированного лесоперерабатывающего комплекса обеспечит национальную потребность в мелованной бумаге и картоне на ближайшее десятилетие и будет способствовать замещению экспорта необработанной древесины продукцией глубокой переработки (рис. 5).

Рисунок 5. Интегрированный лесоперерабатывающий комплекс «Суда»

Процесс структурирования и активизации лесного кластера, направленный на рациональное использование главного природного ресурса области, способного стать не менее доходным национальным продуктом, чем нефть, свидетельствует не о простом вливании государственных

средств, что абсолютно неэффективно, а об изменении подходов к управлению лесным комплексом.

Для обеспечения выпуска конкурентоспособной продукции с высокой добавленной стоимостью в 2000 – 2006 г. в области введены новые мощности по переработке древесины:

⇒ современные линии по производству ламинированной древесностружечной плиты на Череповецком ФМК, Шекснинском КДП, Монзенском ДОКе;

⇒ мощности по производству пиломатериалов – более чем на 500 тыс. м³;

⇒ фанерные производства в Кадуе и Соколе;

⇒ мощности по производству клееного бруса на Вологодском заводе клееных деревянных конструкций и Монзенском ДОКе;

⇒ заводы по производству топливных древесных гранул в Череповце, Вологде, Великом Устюге, Соколе;

⇒ 10-я бумагоделательная машина на Сокольском ЦБК;

⇒ введены также современные лесопильные производства – в Белозерском районе, Великом Устюге, Верховажье, на Череповецком ФМК, Великоустюгском фанерном комбинате «Новатор», в ЗАО «Белый Ручей», ООО «Харовсклеспром».

Как следствие, за 2000 – 2006 гг. объем инвестиций в лесопромышленный комплекс региона увеличился более чем в 10 раз. Объем производства пиломатериалов в 2006 году составил свыше 1 млн. м³, экспорт – более 534 тыс. м³ (89,3 млн. долл.), 90% производимых пиломатериалов отвечает экспортным стандартам.

4. Кластеризация как важнейшая составляющая

Важнейшим направлением диверсификации промышленной области, как уже отмечалось, является создание индустриального парка «Шексна». Основными предпосылками к реализации данного проекта послужили все те же проблемы российского масштаба, и прежде всего – связанные с обеспечением снижения экспортно-сырьевой ориентации экономики и с реализацией приоритетных национальных задач.

В рамках проекта планируется развитие высокоточной металлопереработки, производства автомобильных компонентов,

а также продукции стройиндустрии. Уникальность территориального расположения индустриального парка, близость промышленной площадки к одному из самых передовых предприятий – Череповецкому металлургическому комбинату ОАО «Северсталь» – позволяет использовать уже имеющиеся у акционерного общества новейшие технологии и в строительной индустрии, тем самым создавая предпосылки для развития строительного кластера не только в масштабах региона, но и всей страны.

На сегодняшний день ЧМК ОАО «Северсталь» является крупнейшей транснациональной корпорацией, о чем свидетельствует высокий уровень глобализации компании. Следуя стратегии отраслевой консолидации в рамках мирового масштаба, руководство ЧМК ОАО «Северсталь» максимально эффективно реализует механизм трансграничной интеграции активов. Как следствие, производственные мощности этой корпорации составляют 19 млн. т стали в год, включая 3 млн. тонн завода Severstal North America (продукция – высококачественный плоский прокат из углеродистой стали) и 4 млн. т Lucchini Group (Италия, Франция, Польша, Великобритания и Швеция; полный цикл сортового проката из специальных сталей).

Для региона участие в проекте индустриального парка такого лидера мировой черной металлургии, как ЧМК ОАО «Северсталь», позволит обеспечить стратегический расчет и экономическую ценность проекта.

В качестве приоритетного направления индустриального парка предполагается применение нового подхода в строительстве, заключающегося в проектировании *строительства энергоэффективных домов из экологически чистых материалов*. И в первую очередь, это использование «технологии легких стальных тонкостенных конструкций», внедрение которой позволит ежегодно вводить в эксплуатацию от 180 тысяч

до полумиллиона квадратных метров быстровозводимого доступного жилья. Размещение на территории индустриального парка «Шексна» предприятий по высокоточной доработке металла позволит увеличить добавленную стоимость продукта металлургии, повысить его качество и конкурентоспособность, сформирует положительную тенденцию к развитию перерабатывающих отраслей промышленности региона. Кроме того, освоение данного проекта также ориентировано и на рост конкурентоспособности формируемого автомобильного кластера Санкт-Петербурга и Ленинградской области за счет переноса из-за рубежа ряда производств на территорию парка.

В качестве основных параметров проекта индустриального парка «Шексна» рассматриваются:

- объем частных инвестиций — более 37 млрд. рублей;
- стоимость инфраструктур проекта — 2,7 млрд. рублей;
- период внедрения проекта составит около 7 — 10 лет (при софинансировании из федерального бюджета — около 5 лет).

С выходом предприятий-участников индустриального парка «Шексна» на проектную мощность к 2010 — 2011 гг. ожидается:

- прирост промышленного производства области — 43 млрд. рублей;
- дополнительное увеличение ВРП — более чем на 11,7 млрд. рублей;
- налоговые поступления в бюджеты всех уровней — около 4 млрд. рублей.

В рамках стратегии диверсификации экономики региона не менее перспективными представляются также конкурентоспособные экономические кластеры «Лен» и «Молоко», имеющие собственную и достаточно развитую сырьевую базу и возможности производства высококачественного и конкурентоспособного конечного продукта.

Вологодская область — регион традиционного льноводства, по производству льняных тканей занимающий 5 место в России.

Ведущим видом деятельности текстильного и швейного производства является льнотекстильное производство, доля которого в объеме продукции этого вида деятельности составляет 60%. Поэтому развитие на качественно новой основе льняного кластера, связывающего в единую цепочку весь процесс от выращивания и переработки льна до производства тканей, представляется достаточно перспективным.

За 2000 — 2006 гг. объем инвестиций в текстильном и швейном производстве увеличился почти в 8 раз.

Реализация мер по развитию в области кластера «Молоко» предусматривается в рамках приоритетного национального проекта «Развитие АПК» и ОЦП «Развитие молочного животноводства Вологодской области на 2006 — 2008 годы». Предпосылки для развития данного кластера — это увеличение производства и переработки ценных видов продовольствия, имеющих собственную сырьевую базу.

В составе интеграционных объединений насчитывается уже более 20 сельхозпредприятий в десяти районах области. За 2000 — 2006 гг. объем инвестиций в производство пищевых продуктов увеличился более чем в 4 раза.

Для обеспечения выпуска высококачественной конкурентоспособной продукции предприятиями переработки в 2000 — 2006 гг. введены новые мощности по производству:

- ⇒ цельномолочной продукции — на 130 т в смену;
- ⇒ сухого обезжиренного молока — на 4,8 т в смену.

По производству сельхозпредприятиями молока в расчете на 1 жителя с 2003 года область занимает первое место в Российской Федерации.

Представленные мегапроекты агломерации «Вологда — Череповец» и кластеризации призваны обеспечить мультипликативный эффект от комплексного взаимодействия смежных отраслей, бизнесов, территорий, что позволит увеличить ВРП области к 2012 г. (к уровню 2002 г., в сопоставимых

ценах) в 1,9 раза, что практически решит поставленную Президентом России задачу по удвоению ВРП.

Кроме того, посредством реализации стратегии диверсификации экономики региона осуществляется развитие иных

перспективных отраслей. Об этом свидетельствует устойчивая динамика инвестиционной деятельности региона (рис. 6).

Судя по данным рисунка 6, доля инвестиций в основной капитал в ВРП увеличилась с 13,1% в 1999 году до 31,1% в 2005 г.

Вологодская область входит в «инвестиционное ядро» страны — в число регионов с наибольшими возможностями для вложения средств. С 1998 года в области наблюдается практически ежегодный рост инвестиций в основной капитал.

Основными видами направления инвестиций являются обрабатывающие производства, транспорт и связь, сельское и лесное хозяйство, а также производство и распределение электроэнергии, газа и воды. В результате приоритетного привлечения инвестиций в основной капитал на реконструкцию и модернизацию производства в их структуре треть составляют инвестиции на приобретение машин и оборудования.

Как следствие, за 2000 — 2006 гг. темпы роста инвестиций в Вологодской области выросли в 4,3 раза (в целом же по России — в 2,1 раза).

Рост объема капитальных вложений позволил изменить ситуацию с обновлением основных фондов — хотя, конечно, недостаточно. Коэффициент обновления основных фондов в промышленном производстве в 2006 году превысил уровень 2000 года в 4,9 раза и составил свыше 30%,

в том числе в химическом производстве — 9,7%, производстве пищевых продуктов — 12,7%, металлургии — 40,2%, обработке древесины — 18,5%, производстве изделий из стекла — 36,4%.

Высокими темпами, благодаря активной модернизации производства при протекционистской политике правительства области, развиваются стекольные предприятия, инвестиционные проекты которых включены в областную инвестиционную программу с предоставлением господдержки в виде налоговых льгот. За 2000 — 2006 гг. объем инвестиций в производстве стекла и изделий из стекла увеличился более чем в 7 раз. Ввод мощностей по производству стеклобутылки составил почти 1,4 млрд. штук.

Основное направление бюджетных инвестиционных вложений — инвестиции в повышение качества и уровня жизни населения.

За последние семь лет введены в эксплуатацию 13 школ на 3 125 ученических мест, 4 дошкольных учреждения на 508 мест, 20 учреждений здравоохранения, построены 8 учреждений клубного типа, появились новые спортивные сооружения.

Значительный рост инвестиций за последние годы обеспечил выход экономики Вологодчины из состояния, когда ввод основных фондов только компенсировал их выбытие. В 2004 – 2006 годах поступление основных фондов превышает их выбытие.

Ускоренное развитие перспективных видов экономической деятельности позволило области достичь уровня производства 1991 года.

Вместе с тем стоит заметить, что масштабные результаты развития производства были непосредственно связаны с ростом инновационной активности в регионе, внедрением новых высокоэффективных технологий и оборудования. Что примечательно, объем инновационной продукции на душу населения в области в 2005 г. превысил уровень 1999 года в 2,5 раза и составил 8,1 тыс. руб. (Россия – 3,81 тыс. руб.), а по прогнозам на 2008 г. он увеличится до 9,5 тыс. руб.

5. Диверсификация и эффективность

В процессе диверсификации меняется структура доходов бюджета: развитие неметаллургических секторов экономики привело, соответственно, к росту их доли в доходной части областного бюджета с 25% в 2000 г. до 58% в 2006 г. Причем это не металлургия остановили свое развитие и снижают свои платежи. Нет, наоборот, они их увеличивают и продолжают вводить новые производства и новые продукты. Просто другие отрасли развиваются более динамично.

В результате развития неметаллургических секторов экономики удельный вес металлургии в общем объеме производства снизился с 66% в 2000 году до 60% в 2006 году.

Решение проблемы моноструктурности экономики на основе диверсификации, в первую очередь, должно сопровождаться

логично выстроенной транспортной инфраструктурой, целенаправленный характер формирования которой обеспечит максимально быстрый и значительный эффект – как экономический, так и социальный. Как следствие, **главным приоритетом в области транспорта становится создание условий и развитие мощностей для совершенствования перевозок сырья к местам переработки, транспортировки экспортных грузов, а также улучшение доступа к сельским центрам и поселкам.**

Практически каждый год последнего десятилетия ознаменован вводом в эксплуатацию очередного крупного объекта дорожного хозяйства. За этот период в Вологодской области построено около 800 километров автодорог и 75 новых мостов.

Успешность выполнения данной политики в области достигается благодаря консенсусу между всеми заинтересованными сторонами по основным направлениям региональной транспортной политики, суть которой отражают **следующие программные документы:**

- Федеральная целевая программа «Модернизация транспортной системы России» (2002 – 2010 гг.), подпрограмма «Автомобильные дороги»;
- Областная программа «Развитие и совершенствование сети автомобильных дорог общего пользования регионального значения Вологодской области на период 2006 – 2010 гг.»;
- Областная программа «Повышение безопасности дорожного движения в 2007 – 2012 гг.».

С учетом перспективного характера и стратегической важности механизма территориального планирования региона особую ценность для области приобретает процесс развития сети дорог, а также переходов различного назначения, поскольку эта

инфраструктура становится определяющей в развитии экономики области, площадь территории которой составляет 145,7 тыс. км² при значительном количестве рек. **Важнейшей составляющей региональной экономической политики является формирование интегрированной транспортной инфраструктуры.**

Сегодня Вологодская область — устойчиво развивающийся субъект Российской Федерации. Результаты диверсификации достаточно внушительны (период 1999 — 2006 гг.):

1. Рост более высокими темпами выпуска продукции в перспективных отраслях экономики по сравнению с металлургией в 1,3 раза:

- ⇒ производство изделий из стекла — в 8,2 раза;
- ⇒ машин и оборудования — в 2,2 раза;
- ⇒ обработка древесины и производство изделий из дерева — в 1,6 раза;
- ⇒ пищевых продуктов — в 1,4 раза;
- ⇒ химической продукции — в 1,3 раза.

2. Рост доли перспективных отраслей экономики в сумме налога на прибыль в бюджете области с 28 до 32% (на 4%) и, соответственно, снижение доли металлургии с 72 до 68% (2006 г. по сравнению с 2005 г.).

3. Рост собственных доходов бюджета области в 2006 г. в сравнении с 1996 г. — в 12,5 раза.

4. Объем инвестиций в экономику области за период 2000 — 2006 гг. составил около 216 млрд. рублей, в том числе в 2006 г. — почти 61 млрд. рублей.

5. Превышение показателя инвестиций в основной капитал в расчете на 1 жителя в сравнении со среднероссийским уровнем — в 1,5 раза (Вологодская область занимает по этому показателю 9 место среди российских регионов).

Итоговый показатель, как нельзя более масштабно отражающий результаты диверсификации экономики региона, — валовой региональный продукт, который характеризует уровень экономического развития и результаты хозяйственной деятельности всех хозяйствующих субъектов, вырос за период с 1999 по 2005 год в сопоставимых ценах на 34,5% и увеличится (по оценке) за 2006 — 2009 гг. еще почти на 20%.

Таким образом, глобальность результатов и дальнейших перспектив развития Вологодской области в рамках выработанной стратегии диверсификации позволяет говорить об эффективности качественных преобразований, происходящих в экономике региона, что заставляет следовать уже выбранным приоритетам и планировать разработку новых, более совершенных механизмов их реализации.

Опыт Вологодской области свидетельствует: моноструктурную экономику, сохранившуюся в большинстве российских регионов, можно диверсифицировать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Диверсификация российской экономики: современные проблемы и задачи // Вопросы экономики. — 2003. — №12. — С. 4-22.
2. Кондратьев В. Государство и корпорации в стратегии глобальной конкурентоспособности // Стратегия и конкурентоспособность. — 2007. — №2 (14). — С. 48-54.
3. Паскье М. Диверсификация и эффективность // Проблемы теории и практики управления. — 1994. — №3. — С. 79-82.
4. Экономическая энциклопедия / Науч.-ред. совет изд-ва «Экономика»; Институт экон. РАН; Глав. ред. Л.И. Абалкин. — М.: Экономика, 1999. — 1055 с.

Развитие региональных кластерных систем

В статье рассмотрены теоретико-методологические подходы к созданию региональных кластерных систем — наиболее адекватных рыночным условиям хозяйствования форм управления и современных механизмов повышения конкурентоспособности региональной экономики. Выявлены предпосылки и условия создания кластеров, а также предложена технология формирования кластеров в регионе. Рассмотрены возможности создания кластерных систем в производственном секторе Вологодской области.

Кластерные системы, конкурентоспособность, региональное управление.

**Тамара Витальевна
УСКОВА**

кандидат экономических наук,
зав. отделом Вологодского научно-координационного
центра ЦЭМИ РАН

Поставленные Президентом РФ задачи удвоения к 2010 г. валового внутреннего продукта страны и возвращения России в ряды богатых, развитых и сильных государств мира переводят вопрос о конкурентоспособности экономики в разряд наиболее острых и требуют поиска новых форм и технологий управления, адекватных современным условиям. В принятой в 2006 г. правительством страны «Программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2006 — 2008 годы)» стратегической целью развития провозглашается «повышение благосостояния населения и уменьшение бедности на основе динамичного и устойчивого экономического роста и повышения конкурентоспособности страны»¹. В документе указывается на необходимость перехода «от малоэффективного выравнивания экономического развития регионов к созданию условий,

стимулирующих субъекты Российской Федерации и муниципальные образования к мобилизации имеющихся ресурсов экономического роста». В перечне механизмов решения этой задачи — формирование и развитие производственных кластеров.

Феномен кластера как отраслевой агломерации на некоторой территории экономически взаимосвязанных предприятий известен со времен ремесленного производства. Однако только в последней четверти XX века промышленные кластеры начали рассматриваться как важный фактор экономического развития регионов².

В настоящее время все более широкое признание находит точка зрения, что регионы, на территории которых складываются кластеры, становятся лидерами экономического развития. Такие регионы-лидеры определяют конкурентоспособность национальных экономик. Регионы, не имеющие кластеров, занимают ведомое экономическое положение.

Исследование современных взглядов на кластеры как способы повышения конкурентоспособности экономики позволяет констатировать, что основоположником собственно кластерной теории в ее нынешнем понимании стал американский экономист, профессор Гарвардской школы бизнеса Майкл Портер. Он первым наиболее законченно концептуализировал феномен кластера и определил его как «сконцентрированную по географическому признаку группу взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, поставщиков услуг, фирм в соответствующих отраслях, а также связанных с их деятельностью организаций (например, университетов, агентств по стандартизации, а также торговых объединений) в определенных областях, конкурирующих, но вместе с тем ведущих совместную работу»³. Компании внутри кластера и связанные с ними организации характеризуются общностью деятельности, объединены географически и взаимодополняют друг друга.

М. Портер не просто предложил новый термин для определения формы организации производства, а рассмотрел его как

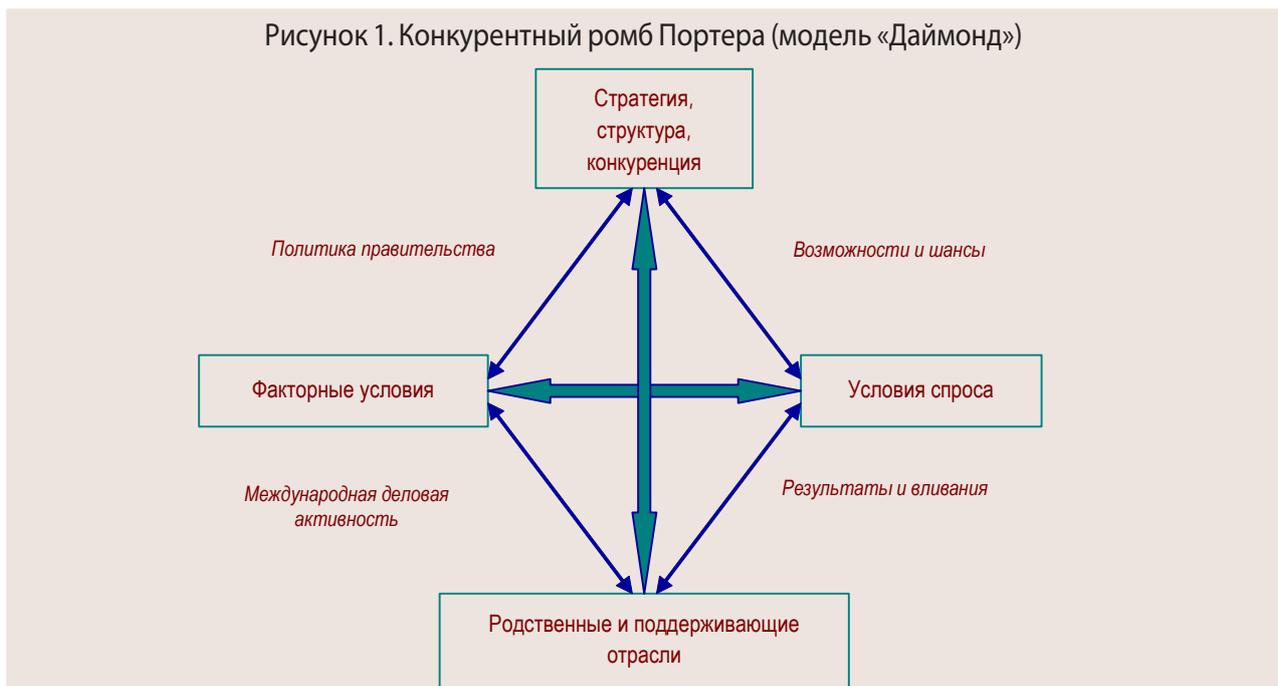
объект проведения государственной политики по повышению конкурентоспособности экономики. Именно этот аспект способствовал довольно быстрой популяризации кластеров не только в научных, но и административных кругах.

В чем суть кластерной теории М. Портера? Она основывается на так называемых «детерминантах» (или факторах), формирующих конкурентоспособность экономики. Это:

- 1) факторные условия;
- 2) условия спроса;
- 3) родственные и поддерживающие отрасли;
- 4) стратегии фирм, их структура и соперничество.

М. Портер исходил из того, что конкурентоспособность государства в полной мере может проявляться только при развитости и активном взаимодействии (усиливающем влиянии) указанных факторов. Он изобразил детерминанты в виде ромба (модель «Даймонд»; *рис. 1*). Однако конкурентоспособность экономики, как системы, находится в прямой зависимости от всех входящих в ее состав элементов.

Рисунок 1. Конкурентный ромб Портера (модель «Даймонд»)

«Крест» в середине ромба указывает на взаимосвязь всех его составляющих, поддерживаемых административной и институциональными средами, которые непрерывно совершенствуются. Именно комплекс взаимодействий в этом ромбе и определяет эмерджентность⁴ экономической системы, и обеспечивает ее конкурентоспособность.

Кластеры представляют одну из вершин ромба – «родственные и поддерживающие отрасли». Они обеспечивают внедрение инноваций по линии комплектующих и технологического оборудования, что делает их более конкурентоспособными. Для роста конкурентоспособности кластера важно наличие искушенного и взыскательного местного потребителя, требования которого опережают спрос на других рынках и являются «пробным камнем» для глобального спроса на новые товары. Эмерджентность взаимодействий в кластере обуславливает повышение производительности за счет инноваций в технологической и организационной сферах и стимулирования рождения новых бизнесов, расширяющих границы кластера.

Правительство в ромбе Портера выполняет роль катализатора. Оно должно поощрять компании к повышению их конкурентной эффективности, содействовать созданию спроса на продукты с высокой добавленной стоимостью, концентрироваться на формировании специальных факторов и развитии локальной конкуренции путем ограничения прямого сотрудничества компаний и усиления антимонопольного регулирования.

Отличие кластера от других форм организации предприятий (например, от территориально-производственных комплексов) состоит прежде всего в наличии внутренней конкурентной среды и сильных конкурентных позиций на глобальном рынке. Следовательно, в кластерах формируется сложная комбинация конкуренции и кооперации. Они находятся как бы в разных плоскостях и дополняют друг друга,

особенно в инновационных процессах. Взаимодействие с внутренним потребителем кластера «завязано» на конкуренции, с внешним, наоборот, – преимущественно на кооперации.

Кластер – это, прежде всего, форма сети, поскольку близкое расположение фирм и организаций обеспечивает наличие определенных общностей и повышает частоту и силу взаимодействия. Кроме того, хорошо функционирующие кластеры выходят за пределы иерархических сетей и превращаются в решетки многочисленных перекрывающихся и подвижных взаимосвязей между индивидуалами, фирмами и организациями. Эти взаимосвязи существуют на постоянной основе, постепенно смещаются, а часто расширяются и на родственные отрасли.

В новой форме организации промышленных производств заключается ряд серьезных преимуществ для бизнеса, посредством которых кластеры влияют на конкурентную борьбу. Во-первых, это повышение производительности входящих в кластер фирм и отраслей, во-вторых, увеличение способности к инновациям, и, в-третьих, положительное значение кластеров состоит в стимулировании новых бизнесов, расширяющих границы кластера.

Для рождения кластерных сетей требуется обеспечение, по крайней мере, четырех условий:

1. Демократизация и децентрализация. Без них невозможно запустить внутренние сетевые процессы, коммуникацию, участие в объединении многих автономных, независимых фирм, но выступающих вовне как единая организация.

2. Переход к таким методам осуществления промышленной политики, при использовании которых она становится преимущественно средством обеспечения конкурентной среды.

3. Глобальное стратегирование, подразумевающее наличие у бизнеса желаний выйти за пределы своей территории и конкурировать в глобальном масштабе.

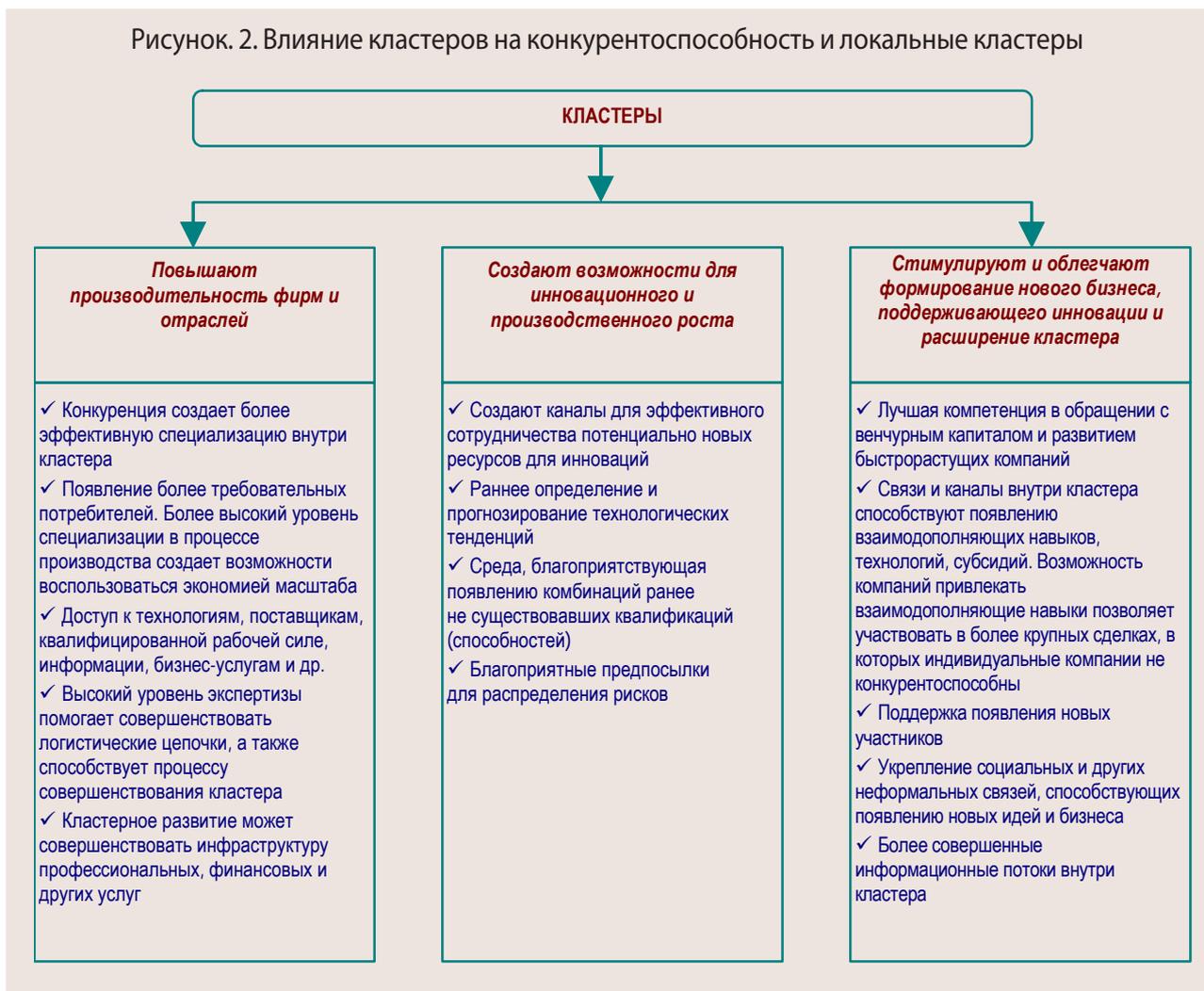
4. Смена объекта управления, подразумевающая переход от управления отраслями и компаниями к управлению территориями.

Заметим, что термин «кластер» имеет две ярко выраженные составляющие – отраслевую и территориальную. Поэтому различают:

⇒ промышленный кластер, под которым понимается группа родственных взаимосвязанных отраслей промышленности и сферы услуг, наиболее успешно специализирующихся в международном разделении труда;

⇒ региональный (локальный) кластер, т. е. группу географически сконцентрированных компаний из одной или смежных отраслей и поддерживающих их институтов, которая производит схожую или взаимодополняющую продукцию и характеризуется наличием информационного обмена между фирмами-членами кластера и их сотрудниками, за счет которого повышается конкурентоспособность кластера в мировом хозяйстве.

Влияние кластеров на конкурентоспособность экономики происходит в трех направлениях (рис. 2).

Среди важных преимуществ, создаваемых кластером, – доступность фирм и местных организаций внутри кластера к информации о маркетинге, технологиях,

текущих потребностях покупателей, которая может быть лучше организована и требует меньших затрат, что позволяет компаниям работать более продуктивно и

выходить на передовой уровень производительности. Возможность получения информации о потребителях вызывает расширение клиентской базы и рост масштабов производства.

Соперничество с местными конкурентами оказывает особенно сильное стимулирующее воздействие на бизнес, поскольку возможно весьма простое постоянное сравнение результатов, так как местные соперники имеют сходные общие условия (в отношении стоимости рабочей силы и доступности местного рынка). Кластеры позволяют сопоставлять эффективность производства в локальных фирмах, выполняющих схожие функции. Эти структуры создают ряд факторов производства, которые в противном случае были бы слишком дорогостоящими в сфере общественных товаров (услуг). Например, доступ к таким благам, как найм работников, подготовленных в ходе совместных программ.

Участие в кластере предоставляет также преимущества в плане инноваций: доступ к новым технологиям, прогрессивным методам работы для осуществления поставок; возможность более адекватно и быстро реагировать на потребности покупателей. Многие новые виды бизнеса чаще возникают внутри существующих кластеров, чем изолированно от них. Взаимодействию в кластерах явно способствуют выгоды от наличия доверия между их участниками и организационной проницаемости, развивающиеся вследствие постоянного взаимодействия и осознания взаимозависимости в пределах региона или города, что опять же приводит к повышению производительности, распространению инноваций и, в конечном итоге, — созданию новых видов бизнеса.

Объединение и сотрудничество в рамках кластерного образования может помочь разделить высокие затраты и риски инноваций между участниками сети, которые не под силу изолированной фирме. Снижение издержек на приобретение и рас-

пространение знаний и технологий становится возможным благодаря включению в состав объединения производителей знаний, кадровой миграции между участниками кластера и непрерывному обучению в результате реализации формальных и неформальных связей. Определяя накладные расходы и планируемые объемы производства, фирмы, интегрированные в кластер, иногда сталкиваются с необходимостью быстрого перераспределения свободных средств. Эту вполне осуществимо в образованной вокруг них сети предприятий.

Для экономики государства, региона, отдельно взятой территории кластеры выполняют роль точек роста внутреннего рынка. Вслед за первым нередко образуются новые кластеры и конкурентоспособность страны (региона) в целом увеличивается.

Другим достоинством является возможность целенаправленной переориентации убыточных предприятий региона, предоставления адресных льгот определенным группам компаний, имеющим важное значение для экономики. В кластере обеспечивается прозрачность вклада предприятия в стоимость конечного продукта: оно становится понятным для инвестора, то есть удовлетворяет условиям инвестиционной привлекательности. Власти получают возможность регулирования инвестиционных потоков и оценки эффективности вложений на основе приоритетности развития региональных кластеров.

В отличие от обычных форм кооперационно-хозяйственных взаимодействий малого, среднего и крупного бизнеса, кластерные системы характеризуются следующими особенностями:

⇒ наличие крупного предприятия — лидера, определяющего долговременную хозяйственную, инновационную и иную стратегию всей системы;

⇒ территориальная локализация основной массы хозяйствующих субъектов — участников кластерной системы;

⇒ устойчивость хозяйственных связей хозяйствующих субъектов — участников кластерной системы, доминирующее значение этих связей для большинства ее участников;

⇒ долговременная координация взаимодействия участников системы в рамках ее производственных программ, инновационных процессов, основных систем управления, контроля качества и пр.

Каковы же предпосылки и условия для создания кластеров?

Изучение методологических подходов, передового зарубежного и отечественного опыта формирования производственных кластеров позволяет утверждать, что для осуществления этого процесса требуется ряд предпосылок⁵:

1. Наличие совокупности предприятий, взаимодействующих в рамках бизнес-процессов, использующих конкурентные преимущества территории и ориентированных на динамично развивающиеся сегменты рынка.

2. Функционирование значительного числа малых и средних предприятий, использующих различные, но с некоторыми общими чертами технологии и/или специализирующихся на выпуске одного или нескольких видов изделий.

3. Наличие научных организаций с высокой предпринимательской культурой; квалифицированной рабочей силы; свободных производственных помещений и инфраструктуры, необходимых для организации бизнеса.

4. Хорошо развитая инфраструктура, поддерживающая промышленное развитие (технопарки, бизнес-инкубаторы, информационно-технические центры, промышленные зоны, инновационно-промышленные комплексы, агентства по развитию субконтрактных отношений).

5. Сильные торгово-промышленные палаты и эффективные профессиональные ассоциации, которые предоставляют компаниям возможность встречаться и обмениваться опытом.

6. Атмосфера доверия и творчества, являющаяся следствием тех взаимных преимуществ, которыми пользуются предприятия, расположенные на одной территории.

7. Политика региональных органов власти и управления, направленная на поддержку и развитие кластеров. Постоянное взаимодействие фирм внутри кластера способствует формальному и неформальному обмену знаниями и профессиональными навыками. А образование так называемой «критической массы» компаний в кластере служит стимулом для дальнейшего привлечения новых компаний, инвестиций, услуг и поставщиков, а также поддерживает процессы формирования собственных профессиональных кадров.

К позитивным условиям, влияющим на формирование кластеров, относятся прежде всего развитая технологическая культура и психологическая готовность к кооперации.

В то же время можно выделить ряд факторов, препятствующих развитию кластеров. Это:

а) низкое качество бизнес-климата и уровня развития инфраструктуры;

б) неадекватность образовательных и научно-исследовательских программ потребностям экономики;

в) слабые связи между производственным сектором, образовательными и научными организациями;

г) низкая эффективность отраслевых и профессиональных организаций;

д) широко используемый краткосрочный горизонт планирования, в то время как в случае кластерного управления реальные выгоды от развития кластера появляются не ранее чем через 5–7 лет.

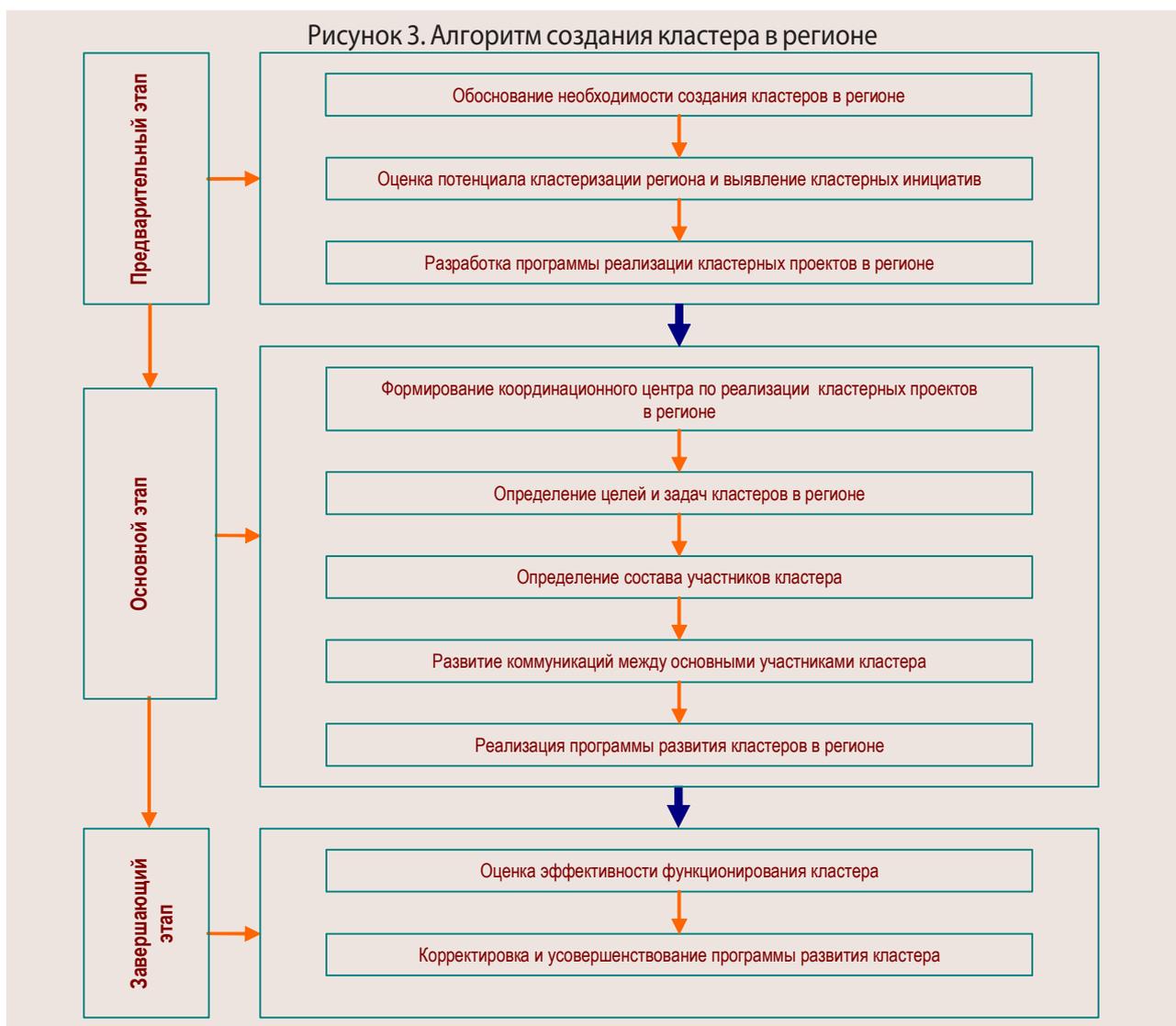
Роль органов власти состоит в том, чтобы поддерживать развитие позитивных факторов и способствовать преодолению препятствий, используя все возможные меры для улучшения общеэкономического климата в регионе.

Несколько упрощая, можно сказать, что с помощью кластеров органы государственной власти и управления могут

эффективнее использовать новые рыночные тенденции для социально-экономического развития региона. Кластерный подход предоставляет органам власти инструментарий эффективного взаимодействия с бизнесом, приводит к более глубокому пониманию его характерных показателей и тактических задач, дает возможность целенаправленного и мотивированного реального стратегического планирования ресурсов региона, развития территорий и повышения конкурентоспособности экономики. Длинные цепочки производства добавленной стоимости увеличивают инвестиции в регионе и связанные с ними налоговые поступления.

Использование кластерного подхода в управлении экономикой в целях повышения ее конкурентоспособности является приоритетным направлением экономической политики Вологодской области⁶. Формирование ряда региональных кластеров для обеспечения устойчивого экономического роста предусматривается и так называемым «Планом Губернатора 2012»⁷.

Сложность и актуальность задач, стоящих перед правительством области, стали основанием для проведения в 2007 г. сотрудниками Вологодского научно-координационного центра ЦЭМИ РАН научно-исследовательской работы по теме: «Развитие производственных кластеров в регионе»⁸.

Изучение и анализ теоретико-методологических подходов, зарубежного и отечественного опыта позволило определить технологию формирования кластеров в регионе, предусматривающую три основных этапа (рис. 3).

На наш взгляд, принципиально важное значение имеет первый этап – предварительный, на котором определяется потенциал кластеризации и разрабатывается программа реализации кластерных проектов.

Задача второго этапа – активизация процессов кластеризации в регионе, подключение к этим процессам возможных участников. Для того чтобы процесс кластеризации реально начался, требуется инициатива властных структур региона. Действия властей должны быть направлены прежде всего на формирование координационного центра с целью планирования и реализации кластерных проектов, лоббирования интересов их участников, разрешения внутренних конфликтов, координации деятельности, содействия развитию.

Кластер предполагает взаимодействие различных структур и организаций, поэтому членами координационного совета могут стать все заинтересованные в его создании и развитии лица: представители местных органов власти, различных объединений и союзов предпринимателей, крупных компаний и образовательных учреждений региона.

После создания координационного совета необходимо определить: цели и задачи кластера; состав его основных участников, т. е. производителей, поставщиков, потребителей, взаимосвязанных между собой в процессе создания и экспорта продукции; необходимую инженерную и социальную инфраструктуру; научно-исследовательские организации для выполнения разработок по профилю кластера; учебные заведения для подготовки специалистов, требующихся предприятиям-участникам.

Для достижения заметной внутренней динамики кластер нуждается в привлечении множества участников и некой критической массе. Ее наличие позволит сформировать и надолго сохранить постоянно обновляющиеся связи между гибкими фирмами малого размера и крупными поставщиками ресурсов. Критическая масса может служить буфером и придавать кластеру устойчивость к внешним воздействиям или давлению другого рода, включая потерю компаний (даже когда эти компании могут быть отнесены к ключевым), пока не превышен критический порог количества оставшихся участников. Отсутствие критической массы может, наоборот, сделать кластер уязвимым к утрате специфических ресурсов и навыков.

Принципиальная схема взаимодействий в региональном производственном кластере представлена на *рисунке 4*.

Итак, условно участников кластера можно разделить на три группы:

1) Министерства федерального правительства, региональные органы власти и управления и Координационный совет кластера – участники, которые оказывают косвенное воздействие на функционирование кластера и роль которых заключается в координации и регулировании его деятельности.

2) Предприятия – производители ключевых товаров/услуг кластера. Они объединены между собой как вертикальными (цепи покупок и продаж), так и горизонтальными (дополнительные изделия и услуги, использование подобных специализированных затрат, технологий или институтов и др.) связями.

3) Организации, обслуживающие предприятия – производителей ключевых товаров/услуг кластера. Данные организации не принимают непосредственного участия в производстве ключевых товаров/услуг кластера, однако их наличие оказывает значительное влияние на его развитие.

Рисунок 4. Схема взаимодействия предприятий в кластере

Необходимо развивать и коммуникации между основными участниками кластера. Основой для формирования кластеров является возможность и/или необходимость совместного использования многими хозяйствующими субъектами одного или нескольких объединяющих факторов, таких как: базовая технология, каналы маркетингового продвижения продукции, система подготовки кадров, система генерации ноу-хау, относящихся к единому продуктовому направлению.

Итогом основного этапа является реализация программы развития, а следовательно, создание в регионе кластеров.

На завершающем этапе выполняется оценка функционирования кластеров на основе показателей, характеризующих экономическое развитие. По результатам оценки осуществляется корректировка программы развития кластеров, проводятся необходимые изменения в их деятельности.

Имеется ли возможность создания кластерных систем в производственном секторе экономики Вологодской области?

Прежде всего, следует выяснить, возможно ли создание региональных производственных кластеров. Оговоримся, что в настоящее время научным сообществом еще не выработана единая методика оценки потенциала кластеризации. Ее создание – актуальнейшая задача исследователей региональной экономики. Вместе с тем наработки в этом направлении уже имеются. Суть одной из таких методик, которая предложена *М.В. Винокуровой*⁹, заключается в расчете коэффициентов локализации, душевого производства и специализации отраслей промышленности¹⁰. И если рассчитанные коэффициенты больше единицы и имеют тенденцию к росту, значит, в этих отраслях возможно создание кластеров.

Итак, важнейшей отраслью экономики Вологодской области выступает промышленность. Ее суммарный вклад в валовой

региональный продукт составляет около 50% (или более 80% совокупного вклада всех отраслей товарного производства)¹¹.

В структуре промышленности наибольшая доля приходится на черную металлургию. В 2005 г. более 66% объемов промышленной продукции региона произведено предприятиями этой отрасли. На долю предприятий электроэнергетики, машиностроения и металлообработки, лесной,

деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной, химической, пищевой промышленности, других отраслей пришлось чуть более 30%. Однако структурные изменения в производственном секторе экономики свидетельствуют об увеличении вклада в промышленное производство предприятий машиностроения и металлообработки, лесного комплекса и пищевой промышленности (табл. 1).

Таблица 1. Сдвиги в структуре промышленного производства Вологодской области, %

Отрасль	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2005 г. к 2000 г., +/- п.п.
Электроэнергетика	6,3	8,2	8,7	7,8	5,8	7,1	+0,8
Черная металлургия	67,9	58,4	61,1	64	68,3	66,6	-1,3
Химическая	8,9	9,6	6,8	6	6,7	8,6	-0,3
Машиностроение и металлообработка	3,2	4,7	6,0	6,2	5,4	4,0	+0,8
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная	6,2	7,6	8,2	7,1	5,8	7,0	+0,8
Строительных материалов	0,6	0,9	0,8	0,7	0,8	0,5	-0,1
Легкая	0,7	0,7	0,7	0,7	0,5	0,3	-0,4
Пищевая	4,8	7,5	5,9	5,7	4,6	5,9	+1,1

Расчет коэффициентов локализации производства в промышленности области позволил определить тенденции развития следующих отраслей: черная металлургия, химическая, лесная (табл. 2).

Следует заметить, что за последние годы (с 2004 по 2006) значение коэффициента

локализации в отрасли черной металлургии региона снижается, в то время как наблюдается некоторый рост данного показателя в машиностроении и металлообработке, пищевой, легкой промышленности, промышленности строительных материалов и электроэнергетике.

Таблица 2. Коэффициенты локализации производства отраслей промышленности Вологодской области в 2000 – 2006 гг.

Отрасль	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.*	2005 г.*	2006 г.*	Изменение за 2004 – 2006 гг.
Электроэнергетика	0,794	0,923	0,856	0,757	0,623	0,700	0,755	↑
Черная металлургия	8,591	8,587	8,587	7,672	6,807	4,680	4,331	↓
Химическая	1,396	1,769	1,228	1,097	1,367	1,656	1,732	↑
Машиностроение и металлообработка	0,213	0,267	0,355	0,366	0,273	0,371	0,374	↑
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная	1,582	2,104	2,191	1,922	1,126	1,151	1,123	↓
Промышленность строительных материалов	0,315	0,364	0,364	0,321	0,340	0,557	0,492	↑
Легкая	0,532	0,534	0,511	0,588	0,434	0,311	0,323	↓
Пищевая	0,519	0,621	0,562	0,538	0,539	0,822	0,794	↑

Обозначения: Здесь и далее – тенденция спада – ↓; тенденция роста – ↑.

Примечание. Полужирным шрифтом выделены отрасли с коэффициентом локализации больше единицы.

* Расчет коэффициентов произведен согласно новому Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности.

Расчет коэффициента душевого производства промышленности Вологодской области за 2000 – 2006 гг. (табл. 3) свидетельствует о том, что в таких отраслях, как электроэнергетика, химическая и лесная промышленность, его значение практически не изменяется.

Необходимо отметить как положительное явление снижение данного коэффициента в черной металлургии, что говорит о процессах диверсификации в экономике, и тенденцию его роста в машиностроении и металлообработке, пищевой промышленности и промышленности строительных материалов.

Расчет коэффициентов специализации (табл. 4) показал, что Вологодская область

в большей степени специализируется на таких отраслях, как черная металлургия, химическая и лесная промышленность.

Итак, в производственном секторе Вологодской области самым высоким потенциалом для формирования кластеров обладают черная металлургия, лесная и химическая промышленность – все коэффициенты в них больше единицы. Следовательно, в данных отраслях целесообразно создавать кластеры. Предприятия таких отраслей, как машиностроение и металлообработка, пищевая промышленность, также могут входить в кластеры, поскольку рассчитанные для них коэффициенты имеют тенденцию к росту или близки к единице.

Таблица 3. Коэффициенты душевого производства промышленности Вологодской области в 2000 – 2006 гг.

Отрасль	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.*	2005 г.*	2006 г.*	Изменение за 2004 – 2006 гг.
Электроэнергетика	1,656	1,577	1,486	1,403	1,318	1,444	1,456	↑
Черная металлургия	17,920	14,828	14,914	14,220	14,395	9,648	8,350	↓
Химическая	2,913	2,784	2133	2,034	2,891	3,413	3,339	↑
Машиностроение и металлообработка	0,444	0,461	0,617	0,678	0,577	0,765	0,721	↑
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная	3,300	3,465	3,805	3,691	2,381	2,372	2,165	↓
Промышленность строительных материалов	0,657	0,581	0,632	0,594	0,720	1,149	0,949	↑
Легкая	1,110	0,888	0,887	1,091	0,918	0,640	0,622	↓
Пищевая	1,082	1,090	0,977	0,996	1,140	1,694	1,531	↑

*Примечание. Полужирным шрифтом выделены отрасли с коэффициентом душевого производства больше единицы.
* Расчет коэффициентов произведен согласно новому Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности.*

Таблица 4. Коэффициенты специализации отраслей промышленности Вологодской области в 2000 – 2006 гг.

Отрасль	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.*	2005 г.*	2006 г.*	Изменение за 2004 – 2006 гг.
Электроэнергетика	1,519	1,831	1,689	1,443	1,149	1,385	1,701	↑
Черная металлургия	16,435	17,218	16,948	14,622	12,543	9,256	9,756	↓
Химическая	2,671	3,233	2,423	2,092	2,519	3,275	3,902	↑
Машиностроение и металлообработка	0,407	0,535	0,701	0,697	0,503	0,734	0,842	↑
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная	3,027	4,024	4,0324	3,795	2,074	2,276	2,530	↑
Промышленность строительных материалов	0,602	0,674	0,718	0,611	0,627	1,102	1,109	↑
Легкая	1,018	1,031	1,008	1,121	0,800	0,614	0,727	↓
Пищевая	0,993	1,265	1,110	1,025	0,993	1,626	1,789	↑

*Примечание. Полужирным шрифтом выделены отрасли с коэффициентом специализации больше единицы.
* Расчет коэффициентов произведен согласно новому Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности.*

На наш взгляд, значительным потенциалом кластеризации и устойчивого функционирования в системе связанных отраслей обладают предприятия машиностроения. Машиностроительный комплекс представляет собой хороший пример взаимопроникновения различных технологий. Его основной специализацией в области является производство подшипников, оборудования для лесной промышленности, энергетики, металлургии, строительной отрасли и транспорта. Создание ассоциации машиностроительных предприятий и появление единой информационной базы есть предпосылки, первые шаги в объединении усилий в конкурентной борьбе.

В регионе имеются большие возможности для объединения усилий металлургических, машиностроительных и других предприятий, работающих с металлом, т. е. создания кластера «Металлургия – металлообработка». Его основу могут составить машиностроительные предприятия, ОАО «Северсталь», предприятия формирующейся промышленной зоны в Шексне. Безусловно, невозможно организовать их деятельность без научно-исследовательских институтов, которые занимаются разработкой технологий. Немаловажную роль играет человеческий фактор – кадры, консалтинговые, маркетинговые компании.

Достаточно развитым является и агропромышленный комплекс региона. По объему производства и реализации продукции сельского хозяйства Вологодская область занимает второе место в СЗФО. На ее долю в 2005 г. приходилось 19,2% сельхозпродукции округа, она уступает по этому показателю только Ленинградской области.

В то же время устойчивое развитие сельскохозяйственного производства возможно лишь на основе модернизации, эффективного научно-технического обеспечения

сельхозпредприятий, расширения государственной поддержки. Решить эти задачи и призваны кластеры. Однако для эффективного функционирования кластеров и увеличения на этой основе добавочной стоимости немаловажное значение имеют организация и расширение связей между поставщиками, производителями, потребителями, элементами промышленной инфраструктуры, исследовательскими институтами. Поэтому в процессе проектирования целесообразно рассмотреть возможность создания кластера, способного объединить предприятия агропромышленного комплекса и пищевой промышленности.

Правительством области проделана определенная работа по формированию кластерных систем: реализуется проект «Великий Устюг – родина Деда Мороза»; активизируются работы по созданию индустриального парка «Шексна»; разработан совместно с ИКФ «АЛЪТ» пилотный проект «Формирование льняного кластера Вологодской области», претендующий на получение государственной поддержки из средств Инвестиционного фонда Российской Федерации; достигнуто соглашение о сотрудничестве между Министерством сельского хозяйства и Правительством Вологодской области по реализации национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса»; при поддержке Минэкономразвития и торговли Российской Федерации создан и начал свою работу «Бизнес-инкубатор» и т. д.

Однако, чтобы кластеры стали действенным механизмом роста конкурентоспособности региональной экономики, необходимо активизировать работу в этом направлении как со стороны правительственных и предпринимательских структур, так и организаций, обеспечивающих информационное и методическое обслуживание.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Программа социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2006 – 2008 годы). Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 января 2006 г. №38-р.

² Гибез А.А. Деревянное домостроение как основа кластера // Проблемы стратегии и тактики регионального развития: Материалы V Российской науч.-практ. конф., г. Вологда, 25 – 27 января 2006 г. – Часть II. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2006. – 436 с.

³ См.: Пилипенко И.В. Кластерная политика в России // Общество и экономика. – 2007. – №8. – С. 28.

⁴ Эмерджентность – качество, свойства системы, которые не присущи ее элементам в отдельности, а возникают благодаря объединению этих элементов в единую, целостную систему.

⁵ См.: Дранев Я.Н. Кластерный подход к экономическому развитию территорий // Практика экономического развития территорий: опыт ЕС и России. – М.: Сканрус, 2001. – 144 с.

⁶ См.: Основные положения Концепции стратегии социально-экономического развития Вологодской области на долгосрочную перспективу. Утв. постановлением Правительства Вологодской области от 10.04.2004 г. №380.

⁷ См.: Газета «Красный Север». – 2007. – 15, 22 ноября.

⁸ См.: Развитие производственных кластеров в регионе: Отчет о НИР. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН. – 145 с.

⁹ См.: Винокурова М.В. Конкурентоспособность и потенциал кластеризации отраслей Иркутской области // Эко. – 2006. – №12. – С. 73.

¹⁰ Коэффициент локализации производства на территории региона рассчитывается как отношение удельного веса продукции, созданной в отдельной отрасли промышленности региона, в общем объеме промышленной продукции региона и удельного веса продукции, созданной в отдельной отрасли промышленности страны, в общем объеме промышленной продукции страны.

Коэффициент душевого производства продукции отрасли определяется отношением удельных весов объема производства отрасли региона в объеме производства соответствующей отрасли страны и численности населения региона в численности населения страны.

Коэффициент специализации региона в конкретной отрасли определяется как отношение удельных весов объема производства отрасли региона в объеме производства соответствующей отрасли страны и валового регионального продукта региона в валовом внутреннем продукте страны.

¹¹ В 2005 г. в области произведено 1,85% совокупного объема промышленной продукции РФ (15 место среди регионов РФ). Среди территорий Северо-Западного федерального округа Вологодская область занимает 2 место (после г. Санкт-Петербурга). См.: Регионы России: социально-экономические показатели. 2006: Стат. сб. – М., 2007. – 981 с.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

УДК 314.42(470)

© А.А. Шабунова, Н.А. Рыбакова, Е.А. Чекмарева, М.В. Морев

Региональные особенности смертности населения

В статье рассмотрены особенности смертности населения Вологодской области, проведен анализ основных причин смертности, выявлены факторы риска высокой смертности, предложены меры по снижению их воздействия.

Смертность населения, причины смертности, политика здравоохранения.

**Александра Анатольевна
ШАБУНОВА**

кандидат экономических наук,
зав. отделом ВНКЦ ЦЭМИ РАН

**Елена Андреевна
ЧЕКМАРЕВА**

аспирант
ВНКЦ ЦЭМИ РАН

**Нина Алексеевна
РЫБАКОВА**

доктор биологических наук,
профессор, старший научный
сотрудник ВНКЦ ЦЭМИ РАН

**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

аспирант
ВНКЦ ЦЭМИ РАН

Население Российской Федерации стремительно сокращается, что представляет собой одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности страны. Все большую тревогу вызывает то, что поколение детей лишь на 60% замещает поколение родителей и страна ежегодно теряет 700 – 800 тыс. человек. За 2006 г. численность умерших превысила численность родившихся на 561 тыс. человек. По значениям коэффициента естественного прироста населения Россия, Белоруссия и Украина занимают три последних места в мире¹.

Сохранение нынешнего уровня рождаемости и смертности приведет к тому, что численность населения страны к началу 2025 г. может составить около 123 млн. человек, сократившись по сравнению с аналогичным показателем в начале 2006 г. на 20 млн. человек (или на $\frac{1}{7}$).

Российская Федерация отстает от передовых стран по показателю средней продолжительности жизни на 16 – 19 лет у мужчин и на 9 – 13 лет у женщин.

Реальная угроза национальной безопасности и суверенитету России связана

с уменьшением численности населения трудоспособных возрастов и, соответственно, экономического потенциала страны. В условиях ожидаемого экономического роста сокращение численности экономически активного населения (по оценке Минэкономразвития России – на 3,2 млн. человек за 2006 – 2010 гг.) вызовет острый дефицит рабочей силы. Привлечение мигрантов из зарубежных государств с социокультурными параметрами и образом жизни, существенно отличающимися от социокультурных характеристик народов Российской Федерации, может только на время и локально способствовать решению экономических проблем, параллельно повышая риск дестабилизации социальной обстановки в ближайшей перспективе. Характер современных стихийных миграционных процессов не отвечает в ряде регионов (Юг России, Дальний Восток) экономическим и политическим интересам государства².

К наиболее сложным медико-демографическим проблемам России в настоящее

время относится высокий уровень смертности населения. Причины этого явления широко обсуждаются в работах по демографии, общественному здоровью, социологии и др.³ Снижение уровня смертности населения – одна из целей приоритетного национального проекта «Здоровье» и «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года».

Переломить тенденции смертности на коротком временном промежутке невозможно, поскольку их причины ретроспективны. Однако без осознания (научкой, обществом и государственными структурами) истинного масштаба проблемы, без всестороннего изучения причин и факторов риска смертности трудно представить, что общество сможет эту проблему преодолеть⁴.

С 1992 г. в России началось стремительное сокращение численности населения, в значительной степени обусловленное высокой смертностью, уровень которой в 1,5–2 раза больше аналогичного показателя в экономически развитых странах (табл. 1).

Таблица 1. Демографическая ситуация в России в сравнении с развитыми странами

Страна	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост/убыль
Франция (2004 г.)	13	8	+5
Германия (2004 г.)	9	10	-1
США (2004 г.)	14	8	+6
Великобритания (2004 г.)	12	10	+2
Италия (2004 г.)	10	9	+1
Япония (2004 г.)	9	9	0
Россия (2005/2006 гг.)	11/10,4	16/15,2	-5,9/-4,8
Вологодская область (2005/2006 гг.)	10,5/10,8	18,8/17,1	-8,3/-6,2

Источники: World Development Indicators / World Bank, 2006. <http://www.gks.ru>; Демографический ежегодник Вологодской области. – Вологдастат, 2007.

Смертность населения от предотвратимых причин в Российской Федерации также значительно выше, чем в странах Евросоюза⁵ (табл. 2).

В 90-х годах XX века правительства многих стран начали реализацию национальных программ по борьбе с факторами риска предотвратимых заболеваний и получили блестящие результаты. Например,

в Финляндии снижение смертности мужчин за 1970 – 2002 гг. достигло 65%. В России же масштабных мер в данном направлении на протяжении 1990 – 2006 гг. не принималось. Некоторое снижение смертности, в том числе и от предотвратимых причин, наблюдалось в период проведения антиалкогольной кампании в годы перестройки, но кардинально изменить ситуацию эта кампания не смогла.

Таблица 2. Смертность населения от предотвратимых причин, на 100 000 чел. нас.

Основные причины смертности населения	Вологодская область		СЗФО	Российская Федерация		ЕС-15	ЕС-25
	2000 г.	2006 г.	2006 г.	2000 г.	2006 г.	2004 г.	2005 г.
Болезни системы кровообращения	899	963	948	846	860	221	498
Новообразования	206	211	225	205	200	73	101
Смертность от внешних причин (несчастные случаи, отравления и травмы)	231	234	215	219	191	37	65

Источники: Health in Europe. Data 1998 – 2003 / Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2005; ЕРБ ВОЗ, Европейская база данных ЗДВ, январь 2007 г.; Статистический ежегодник Вологодской области. – Вологда, 2007; База ГУЗ ВО «МИАЦ»; Медико-демографические показатели Российской Федерации. 2006: Стат. мат. – М., 2007.

Обобщающей характеристикой современного уровня смертности во всех возрастах служат показатели ожидаемой продолжительности жизни при рождении, которая в России на 10 – 16 лет меньше, чем в экономически развитых странах (табл. 3).

Таблица 3. Ожидаемая продолжительность жизни населения Вологодской области в сравнении с данными по СЗФО, России, странам ЕС

Территория	1990 г.	2000 г.	2005 г.
Вологодская область	70	66	63
СЗФО	69	65	64
Россия	69	65	65
Страны ЕС	76*	77	78

*Источники: Демографический ежегодник Вологодской области. – Вологдастат, 2006; ЕРБ ВОЗ, Европейская база данных ЗДВ, январь 2007 г.
Данные за 1997 г.

В то же время анализ показывает, что многие из стран, значительно опережающих Россию по показателям ожидаемой продолжительности жизни, заметно уступают ей по величине среднедушевого ВВП (табл. 4). Таким образом, при концентрации усилий уже в настоящее время в России есть возможность увеличить продолжительность жизни населения⁶.

Чрезвычайная значимость демографических проблем во все большей степени осознается и на региональном уровне.

В 2006 г. уровень смертности населения Вологодской области составил 17,1 чел. на 1000 чел. населения, что на 2 единицы выше среднероссийского уровня и почти в 2 раза превосходит уровень западноевропейских стран. При сохранении режима производства 2006 г. Вологодская область к 2025 г. потеряет 154 тыс. человек⁷.

В.Е. Позгалев, Губернатор Вологодской области, обозначая приоритеты своей работы в 2007 г., отметил, что будет разработан комплекс мер, которые позволят к

Таблица 4. Валовой внутренний продукт на 1 жителя и продолжительность жизни в некоторых странах и группах стран в 2004 г.

Страны и группы стран	ВВП (в ППС) на 1 жителя, \$	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет
Россия	9 902	65,2
Центральная и Восточная Европа и страны СНГ	8 802	68,2
Арабские государства	5 680	67,3
Китай	5 896	71,9
Страны Латинской Америки и Карибского бассейна	7 964	72,2

Источники: Клулт М. Демография регионов Земли. – СПб.: Питер, 2008; по данным human Development Report 2006/ Beyond Scarcity power, poverty and global water crisis. UNDP, 2006.

2012 г. увеличить среднюю продолжительность жизни вологжанина с 64 лет до 70-ти. Решение этой сложной проблемы требует совершенствования организации медицинской помощи, систематического финансирования программ охраны здоровья, комплексных мер по повышению качества жизни населения.

Статистические данные свидетельствуют о том, что на территории региона уровень смертности на протяжении 2000 – 2006 гг. превышал аналогичные показатели по РФ и СЗФО. В то же время, при одинаковых тенденциях демографических процессов, темп ее снижения в Вологодской области за период с 2003 по 2006 г. выше, чем в СЗФО и в среднем по России (13,6; 9,8; 7,3% соответственно; табл. 5).

В регионе отмечается значительное снижение младенческой смертности. По данным за 2006 г. она составила 8,6 случая на

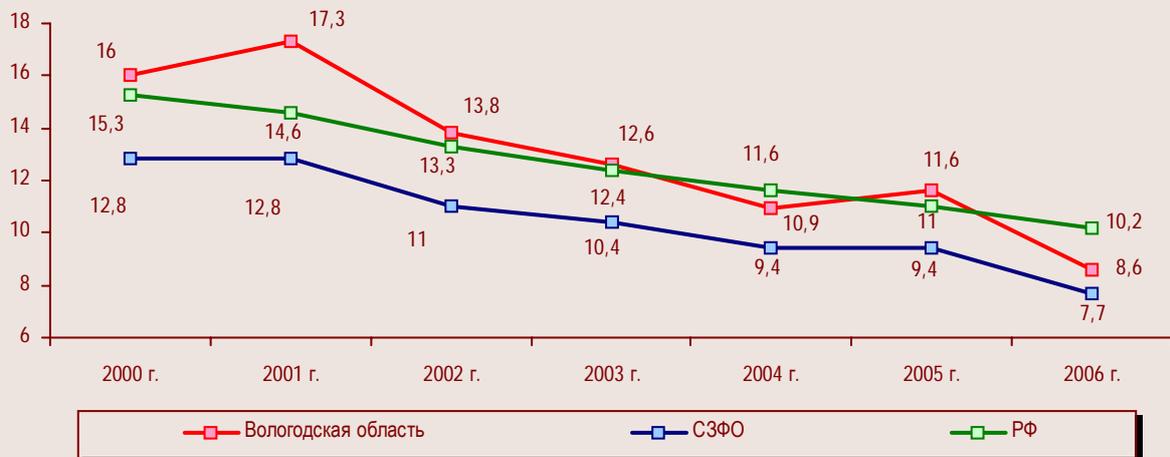
1000 родившихся живыми (16,0 в 2000 г.), что не превышает предельно допустимое значение, установленное Европейским Бюро ВОЗ, – 10 смертей на 1000 живорожденных. В городах Вологде и Череповце этот показатель приближается к среднеевропейским показателям – 5 смертей на 1000 живорождений – (6,1 и 7,6 случая на 1000 живорождений соответственно)⁸. Это стало возможным в результате реализации целевых региональных программ «Мать и дитя» и «Здоровый ребенок», предусматривающих внедрение современных технологий деторождения и современных реанимационных методов. В области в целом, как уже отмечалось выше, в 2006 г. зарегистрировано значительное снижение младенческой смертности, хотя данный показатель несколько превышает средний по Северо-Западному федеральному округу (7,7 случая на 1000 родившихся живыми) (рис. 1)⁹.

Таблица 5. Смертность населения Вологодской области в сравнении с Северо-Западным федеральным округом и Россией, на 1000 чел. нас.

Территория	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Вологодская область	16,0	17,4	18,4	19,8	19,1	18,8	17,1
СЗФО	16,4	17,0	17,7	18,4	17,8	17,7	16,6
РФ	15,3	15,6	16,2	16,4	16,0	16,1	15,2

Источник: Регионы Северо-Западного федерального округа. Социально-экономические показатели. Стат. сб. – Вологда, 2007.

Рисунок 1. Младенческая смертность в Вологодской области, Северо-Западном федеральном округе и России (число детей, умерших в возрасте до 1 года; на 1000 родившихся живыми)

Источник: Регионы Северо-Западного федерального округа. Социально-экономические показатели: Стат. сб. – Вологда, 2007.

Как и в России в целом, в регионе отмечается высокий уровень смертности среди трудоспособного населения. Несмотря на то, что в 2006 г. в сравнении с предыдущим годом, этот показатель снизился на 16%, каждый третий из числа умерших находился в трудоспособном возрасте, причем доля мужчин в 4 раза больше, чем женщин (табл. 6).

Основную картину смертности населения Вологодской области формируют пять наиболее распространенных причин, на ко-

торые приходится более 90% всех случаев смерти. По данным за 2000 – 2006 гг., более половины (56,1%) всех случаев смерти происходит в результате болезней системы кровообращения (рис. 2). Удельный вес внешних причин (несчастные случаи, отравления, травмы) составляет 14,7%, новообразований – 11,7%, болезней органов пищеварения – 4,9% и органов дыхания – 3,8%. Остановимся более подробно на распространенности в различных группах населения региона смертности от трех ведущих причин.

Таблица 6. Гендерная структура умерших жителей Вологодской области в 2006 г., %

Территория	Мужчины		Женщины	
	всего	в том числе в трудоспособном возрасте	всего	в том числе в трудоспособном возрасте
Всего по области	53,9	48,8	46,1	12,7
Из них:				
Город	55,0	49,7	44,9	14,8
Село	52,2	47,3	47,8	9,7

Источник: Число умерших по причинам смерти, по полу и возрасту по Вологодской области в 2006 г. – Вологда, 2007.

Рисунок 2. Удельный вес ведущих причин смертности населения Вологодской области (среднее за 2000 – 2006 гг.; в % от всех причин)

Самой распространенной из них являются *заболевания системы кровообращения*. Смертность в результате данной причины ежегодно превышает соответствующий среднероссийский показатель (рис. 3). В динамике уровня смертности в регионе от болезней системы кровообращения можно выделить два периода: 2000 – 2003 гг. – увеличение и 2003 – 2006 гг. – снижение. По данным за 2006 г., удельный вес умерших

от заболеваний системы кровообращения составил по России 102% от показателя 2000 г., по Вологодской области – 107%.

Ежегодно удельный вес болезней системы кровообращения составляет около 66% среди всех причин смертности женщин и 47% – мужчин. Такое соотношение можно объяснить тем, что средняя продолжительность жизни мужчин меньше, чем женщин (56 и 72 года соответственно),

Рисунок 3. Смертность от болезней системы кровообращения в России и Вологодской области (умерших на 100 тыс. нас.)

причем представители старшей возрастной группы более всего подвержены заболеваниям системы кровообращения.

На протяжении 2000 – 2006 гг. уровень смертности от болезней системы кровообращения постепенно увеличивался среди представителей трудоспособного возраста

(с 203,4 до 302,5 случая на 100 тыс. нас.; рис. 4). Снижение данного показателя отмечается только в 2006 г. (с 315 до 302,5 случая на 100 тыс. нас.). Ежегодно удельный вес смертности от болезней системы кровообращения составляет 29% в общей смертности населения трудоспособного возраста.

Рисунок 4. Смертность от болезней системы кровообращения в трудоспособном возрасте в Вологодской области (умерших на 100 тыс. нас.)

В процентном соотношении удельный вес смертности от заболеваний системы кровообращения остается стабильным во всех возрастных группах: 69% – среди пенсионеров, 57% – среди представителей средней возрастной категории и 2% – среди несовершеннолетних (рис. 5). Смертность от болезней системы кровообращения более распространена на территории городов.

Второй по распространенности причинной смертности населения являются несчастные случаи, травмы и отравления. В 2006 г. смертность от них составила 14% от общего числа смертей. В среднем за период с 2000 по 2006 г. уровень смертности от внешних причин в Вологодской области и России составлял соответственно 264 и 222 случая на 100 тыс. населения (рис. 6).

Рисунок 5. Смертность от болезней системы кровообращения в различных возрастных группах (Вологодская область; умерших на 100 тыс. нас.)

Рисунок 6. Смертность от внешних причин в России и Вологодской области (умерших на 100 тыс. нас.)

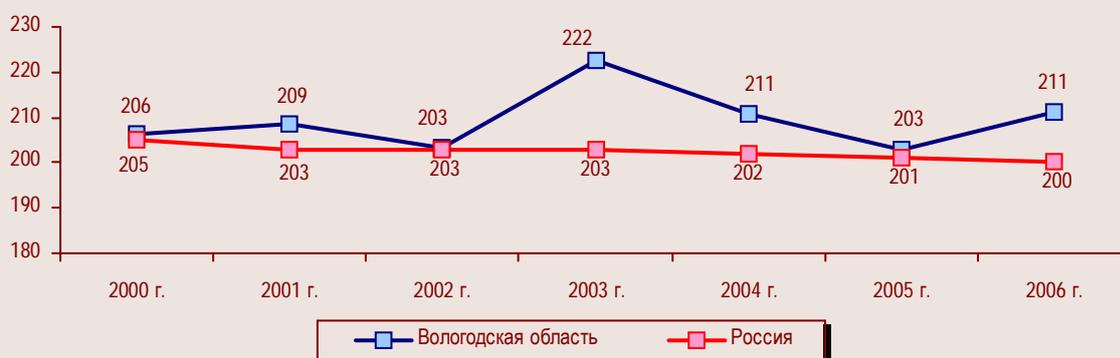
Уровень смертности от несчастных случаев, травм и отравлений в регионе в 2006 г. был равен 101% от уровня 2000 г., в то время как по России – 87%. Ежегодно смертность от внешних воздействий среди мужчин превышает аналогичный показатель среди женщин в 4,5 раза.

В 2005 и 2006 гг. доля несчастных случаев, травм и отравлений составляла 33% от всех случаев смерти в трудоспособном возрасте, что в 2 раза больше чем среди населения в целом (15%). Удельный вес умерших по обсуждаемой причине среди жите-

лей городов превышает аналогичный показатель на сельских территориях в 1,4 раза.

Третьей наиболее распространенной причиной смертности вологжан являются *новообразования*. Уровень смертности от них в среднем за 2000 – 2006 гг. составил 209,3 случая на 100 тыс. населения. В отличие от динамики среднероссийских показателей, на территории Вологодской области в данный период наблюдались большие колебания уровня смертности от новообразований. Прежде всего, следует выделить 2003 и 2006 годы, когда уровень смертности

Рисунок 7. Смертность от новообразований в России и Вологодской области (умерших на 100 тыс. нас.)

увеличился на 5 и 2% соответственно. В то же время на территории Российской Федерации на протяжении всего периода измерений наблюдается устойчивая тенденция снижения данного показателя (рис. 7).

В 2000 – 2006 гг. практически не изменился удельный вес новообразований среди всех причин смертности населения трудоспособного возраста – 11%.

Смертность от новообразований в 2006 г. составляла 13% от общей смертности мужчин и 12% – женщин.

Доля новообразований как причины смерти достигала 13,3% во всех случаях смерти людей пенсионного возраста, 12,5% – представителей средней возрастной группы и 3,5% – детей. Причем в младшей возрастной группе в 2006 г. по сравнению с 2005 г. произошли наиболее

негативные изменения: удельный вес новообразований увеличился почти вдвое (с 1,8 до 3,5%).

Таким образом, анализ основных причин смертности на территории Вологодской области позволяет сделать следующие выводы:

1. Пять основных причин смертности населения региона составляют 91,2% от всех причин смертности по МКБ-10. При этом 83% приходится на заболевания системы кровообращения (56%), внешние причины воздействия (15%) и новообразования (12%). Уровень смертности по всем перечисленным причинам на территории региона превышает среднероссийский.

2. Основные причины смертности более распространены среди мужчин и жителей городских территорий (табл. 7). Исключе-

Таблица 7. Ранжирование основных причин смертности в группах по полу и типу поселения (Вологодская область; среднее за 2000 – 2006 гг.; на 100 тыс. нас. / в % от всех причин)

Мужчины	Женщины	Городская местность	Сельская местность
Болезни системы кровообращения (956,5 / 47)	Болезни системы кровообращения (969 / 66)	Болезни системы кровообращения (868 / 54)	Болезни системы кровообращения (1309,8 / 60)
Внешние причины (454,8 / 22)	Новообразования (173,4 / 11)	Внешние причины (244,6 / 15)	Внешние причины (307,6 / 14)
Новообразования (250,7 / 12)	Внешние причины (99 / 6)	Новообразования (205,6 / 13)	Новообразования (217,5 / 10)
Болезни органов пищеварения (124,5 / 6)	Болезни органов пищеварения (58,6 / 4)	Болезни органов пищеварения (99,9 / 6)	Болезни органов пищеварения (65,8 / 3)
Болезни органов дыхания (113,5 / 5)	Болезни органов дыхания (29,5 / 2)	Болезни органов дыхания (69,1 / 4)	Болезни органов дыхания (67,3 / 3)

ние составляют показатели смертности от болезней системы кровообращения, которые чаще встречаются среди женщин (66% против 47% у мужчин) и жителей села (60% против 50% в городах).

Следует также отметить, что смертность в результате воздействия внешних причин, новообразований среди мужчин встречается в два раза чаще, чем среди женщин.

3. По сравнению с 2000 г. возрос удельный вес смертности от болезней органов дыхания (с 4 до 6%) и пищеварения (с 6 до 10%) в трудоспособном возрасте, а также от внешних причин (с 34 до 39%) среди несовершеннолетних. В то же время среди представителей трудоспособного возраста заметно снизилась (с 42 до 37%) за исследуемый период доля смертей, произошедших в результате несчастных случаев, травм и отравлений.

Уровень смертности может быть успешно снижен при условии реализации профилактических мероприятий, направленных на минимизацию воздействия наиболее распространенных факторов риска смертности населения. По оценкам экспертов Всемирного банка¹⁰ основными факторами риска смертности населения в России являются:

- ⇒ высокое кровяное давление (35,5% общего числа смертей);
- ⇒ высокое содержание холестерина (23,0%);
- ⇒ курение (17,1%);
- ⇒ недостаточное потребление овощей и фруктов (12,9%);
- ⇒ высокий индекс массы тела (12,5%);
- ⇒ употребление алкоголя (11,9%);
- ⇒ гиподинамия (9,0%);
- ⇒ загрязнение воздуха в городах (1,2%);
- ⇒ загрязнение окружающей среды свинцом (1,2%);
- ⇒ нелегальное потребление наркотиков (0,9%).

Анализ факторов риска смертности населения Вологодской области показал, что доли ее жителей, находящихся в зоне риска воздействия отдельных факторов, существенно различаются. Так, например, в зону риска возникновения заболеваний, обусловленных употреблением алкоголя, попадают 64% жителей области, под воздействием факторов профессионального риска – 20%, в то время как в зоне риска заражения туберкулезом находится менее 1% населения (табл. 8).

В 2007 г. действовали девять областных целевых программ, направленных на поддержание и укрепление здоровья населения. Тем не менее анализ причин высокой смертности населения области и основных факторов риска смертности показал, что существующие меры не являются достаточными (табл. 9). Необходимо продолжение и совершенствование имеющихся мероприятий, а также разработка новых.

Таким образом, уровень смертности населения региона во многом определяется социально обусловленными, предотвратимыми факторами: чрезмерным потреблением алкоголя, декларативным отношением населения к своему здоровью, недостаточным материально-техническим и кадровым обеспечением учреждений здравоохранения, низким уровнем доходов населения.

Для решения проблемы высокой смертности населения необходим комплекс мер, имеющих четко обозначенные конечные цели и сроки их достижения. Анализ показывает, что точечные усилия, даже при их положительных результатах, не приводят к изменению ситуации в целом.

В качестве возможных приоритетных направлений деятельности по минимизации уровня смертности населения региона в соответствии с «Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» представляются следующие:

Таблица 8. Основные факторы риска смертности населения

Факторы риска	Причины смерти	Доля населения Вологодской области, находящегося в зоне риска, %
Образ жизни		
Курение	Рак легкого, полости рта, хронические обструктивные заболевания органов дыхания и др., болезни системы кровообращения, язва желудка и др.	В 2007 г. доля курящего населения составила 34,3%.*
Употребление алкоголя	Болезни системы кровообращения, рак пищевода, печени, рак, цирроз печени, гастриты, воздействие на плод, нарушения нервно-психического развития, различные хронические заболевания	В 2007 г. доля населения, употребляющего алкоголь, составила 64,3%.*
Употребление наркотиков	ВИЧ/СПИД, суицид, травма, гепатиты, нарушения психики, все случаи смерти	В 2006 г. уровень заболеваемости наркоманией (с впервые установленным диагнозом) составил 9,6 случая на 100 тыс. нас. (необходимы дополнительные исследования).
Низкая физическая нагрузка	Ишемическая болезнь сердца, стенокардия, диабет 2 типа, рак толстой кишки, молочной железы	В 2007 г. 25% населения имело на работе низкую физическую нагрузку, 33% – занималось «сидячей» работой. При этом только 42,4% населения проводит свое свободное время активно (культурно-массовые мероприятия, прогулки на свежем воздухе, занятия физкультурой и спортом), а большая часть населения (57,6%) в свое свободное время чаще всего «сидит дома».*
Недостаточное потребление овощей и фруктов	Смертность от болезней органов кровообращения	В 2007 г. доля жителей области, оценивающих свое питание как «неудовлетворительное» и «очень плохое», составила 16,2%.*
Основные инфекционные заболевания		
ВИЧ/СПИД	ВИЧ/СПИД	В 2006 г. уровень заболеваемости составлял 11 случаев на 100 тыс. нас. (136 чел.).
Туберкулез	Туберкулез	В 2006 г. уровень заболеваемости активным туберкулезом в Вологодской области составил 52,3 случая на 100 тыс. чел. населения.
Факторы окружающей среды		
Загрязненный атмосферный воздух	Смертность от болезней органов кровообращения и болезней органов дыхания, рака легкого, от острых респираторных инфекций у детей до 4 лет	В зоне риска находятся жители больших городов (г. Вологда, г. Череповец), а также жители населенных пунктов, на территории которых расположены вредные производства. По примерным оценкам доля такого населения составляет 53%.
Загрязнение окружающей среды свинцом	Нарушения нервно-психического развития детей, снижение IQ, увеличение АД, анемия, влияние на желудочно-кишечный тракт	Нет оценок (необходимы дополнительные исследования).
Факторы профессионального риска	Рак трахеи, бронхов, легких, лейкоз, мезотелиома; хронич. обструктивные заболевания легких, астма, пневмокониоз, травмы и др.	В 2006 г. удельный вес работников, занятых в неблагоприятных условиях труда, составлял 19,6%.**
Факторы, не вошедшие в глобальную оценку		
ДТП	Смертельные исходы от травм	В 2006 г. в результате ДТП погибло 390 человек. Гипотетически в зоне риска находятся все водители и пассажиры индивидуального и общественного автотранспорта, а также пешеходы, т. е. практически все население Вологодской области.
Смешанные факторы риска		
Высокое артериальное давление	Ишемическая болезнь сердца, гипертоническая болезнь и другие болезни сердечно-сосудистой системы	В 2006 г. уровень заболеваемости болезнями, характеризующимися повышенным кровяным давлением, составил 741 случай на 100 тыс. населения (т. е. 9 600 чел.).
Высокий холестерин > 3,3 ммоль/л	Ишемическая болезнь сердца, другие причины смерти от болезней органов кровообращения	Нет оценок (необходимы дополнительные исследования).
* По данным мониторинга общественного здоровья, проводимого ВНКЦ ЦЭМИ РАН ежегодно с 1999 г. Объектом исследования является население Вологодской области в возрасте старше 16 лет. Опросы проходят в городах Вологде и Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Объем выборки составляет 1500 человек. ** По данным Вологдастата.		

Таблица 9. Возможности снижения воздействия факторов риска смертности населения

Фактор риска	Меры по снижению воздействия фактора
Высокое кровяное давление и высокое содержание холестерина	Для снижения уровня распространенности сердечно-сосудистых заболеваний с 2002 г. в России реализуется федеральная целевая программа. С 2004 г. действует областная целевая программа «Профилактика и лечение артериальной гипертонии среди населения Вологодской области».
Курение	Федеральный закон «Об ограничении курения табака» (от 10 июля 2001 г.). Необходимо усовершенствование антитабачного законодательства, повышение налогов и цен на табачные изделия, широкое информирование населения о вреде курения.
Недостаточное потребление овощей и фруктов	Уменьшение влияния этого фактора возможно только при росте доходов населения.
Высокий индекс массы тела	Пропаганда здорового образа жизни: рационального питания, усиленной физической активности.
Употребление алкоголя	В России отсутствует целенаправленная антиалкогольная политика. Меры, предлагаемые ВОЗ: увеличение стоимости алкогольной продукции, ограничение ее продажи, числа выдаваемых лицензий, широкое информирование населения о вреде алкоголя и др.
ВИЧ/СПИД	Областная целевая программа «Анти-ВИЧ/СПИД» на 2006 – 2010 гг.
Туберкулез	Областная целевая программа «Неотложные меры борьбы с туберкулезом» на 2006 – 2010 гг.
Низкая физическая активность	Областная целевая программа «Развитие физической культуры и спорта в Вологодской области на 2007 – 2010 годы». Развитие массового спорта, увеличение финансирования спортивных объектов, пропаганда здорового образа жизни.
Загрязнение воздуха в городах	Необходим тщательный учет и контроль выбросов вредных веществ в атмосферу, совершенствование экологического законодательства.
Нелегальное потребление наркотиков	Федеральная целевая программа «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на 2005 – 2009 годы».
ДТП	Федеральная целевая программа «Повышение безопасности дорожного движения в 2006 – 2012 годах».
Профессиональные факторы риска	Ужесточение контроля над выполнением норм охраны труда и техники безопасности, повышение технологической дисциплины.

1. Совершенствование системы профилактики и лечения заболеваний, составляющих основные причины смерти, в частности:

- улучшение материально-технического и кадрового обеспечения учреждений здравоохранения, оказывающих помощь (в том числе экстренную) больным, страдающим сердечно-сосудистыми, онкологическими заболеваниями, заболеваниями органов дыхания и пищеварения;

- создание комплексной системы профилактики и ранней диагностики указанных заболеваний;

- разработка и реализация образовательных и здоровьесберегающих программ, направленных на предупреждение указанных заболеваний;

- внедрение комплексных оздоровительных и реабилитационных программ по сокращению сроков восстановления здоровья после перенесенных заболеваний и травм, развитие услуг, предоставляемых санаторно-курортными организациями и оздоровительными учреждениями¹¹.

2. Пропаганда здорового образа жизни:

- повышение информированности граждан (через средства массовой информации, тематические встречи на предприятиях, систему консультирования, телефон «Горячая линия» и т. д.) о влиянии на здоровье негативных факторов и возможности их предупреждения;

- привлечение населения к занятиям физической культурой, туризмом и спортом;

- разработка механизмов поддержки общественных инициатив, направленных на укрепление здоровья населения.

3. Повышение доступности медицинской помощи для жителей сельской местности и отдаленных районов.

4. Разработка мер по снижению количества потребляемого алкоголя, регулированию производства, продажи и потребления алкогольной продукции, осуществлению в образовательных учреждениях профилак-

тических программ, направленных на недопущение потребления алкоголя и табачных изделий детьми и подростками.

5. Повышение качества дорожной инфраструктуры, организации дорожного движения, оперативности, качества оказания медицинской помощи пострадавшим в дорожно-транспортных происшествиях на всех ее этапах.

6. Улучшение материального благосостояния населения, в том числе жилищных условий, сокращение доли ветхого жилья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Клупт, М. Демография регионов Земли / М. Клупт. — СПб.: Питер, 2008. — С. 290.

² Паспорт Национальной программы демографического развития России.

³ Ревич, Б.А. К оценке факторов риска смертности населения России и реальности их снижения: Комментарии к докладу Всемирного Банка «Рано умирать» / Б.А. Ревич // Проблемы прогнозирования. — 2006. — №6. — С. 114-133.

⁴ Вишневецкий, А. Смертность в России / А. Вишневецкий, В. Школьников. — М: Московский центр Карнеги, 1997. — С. 7.

⁵ Смертность от предотвратимых причин — смертность от болезней, предотвратимых мерами профилактики и адекватной медицинской помощи: от болезней системы кровообращения, внешних причин, от болезней органов дыхания и пищеварения, некоторых новообразований.

⁶ Клупт, М. Демография регионов Земли / М. Клупт. — СПб.: Питер, 2008. — С. 294.

⁷ По прогнозам ВНКЦ ЦЭМИ РАН.

⁸ Государственный доклад о состоянии здоровья населения и деятельности системы здравоохранения Вологодской области в 2006 году. — Вологда: ДЗО, 2007.

⁹ Регионы Северо-Западного федерального округа: социально-экономические показатели. 2006: Стат. сб. — Вологда, 2007.

¹⁰ Рано умирать. Проблемы высокого уровня заболеваемости и преждевременной смертности от инфекционных заболеваний и травм в Российской Федерации и пути их решения. — М.: Всемирный банк, 2005.

¹¹ Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Мониторинг общественного мнения населения Северо-Западного федерального округа: 2005 – 2007 гг.

Вологодский научно-координационный центр ЦЭМИ РАН, начиная с 2005 г., проводит опросы, направленные на исследование общественного мнения о политической и экономической ситуации в регионах Северо-Запада.

В соответствии с решениями Бюро отделения экономики РАН от 12.02.2002 г., а затем – Отделения общественных наук РАН от 18.06.2003 г., ВНКЦ ЦЭМИ РАН последовательно реализует концепцию создания единой сети мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения Северо-Западного федерального округа.

В проведении опросов в 2005 – 2007 гг. с ВНКЦ ЦЭМИ РАН сотрудничали следующие организации:

- Институт экономики Карельского научного центра РАН;
- Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН;
- Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН;
- Архангельский филиал Института экономики Уральского отделения РАН;
- АНО «КМ-группа» (Калининградская мониторинговая группа);
- Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет;
- Псковский Вольный институт;
- МОУ дополнительного профессионального образования специалистов «Центр «Диалог» (г. Великий Новгород).

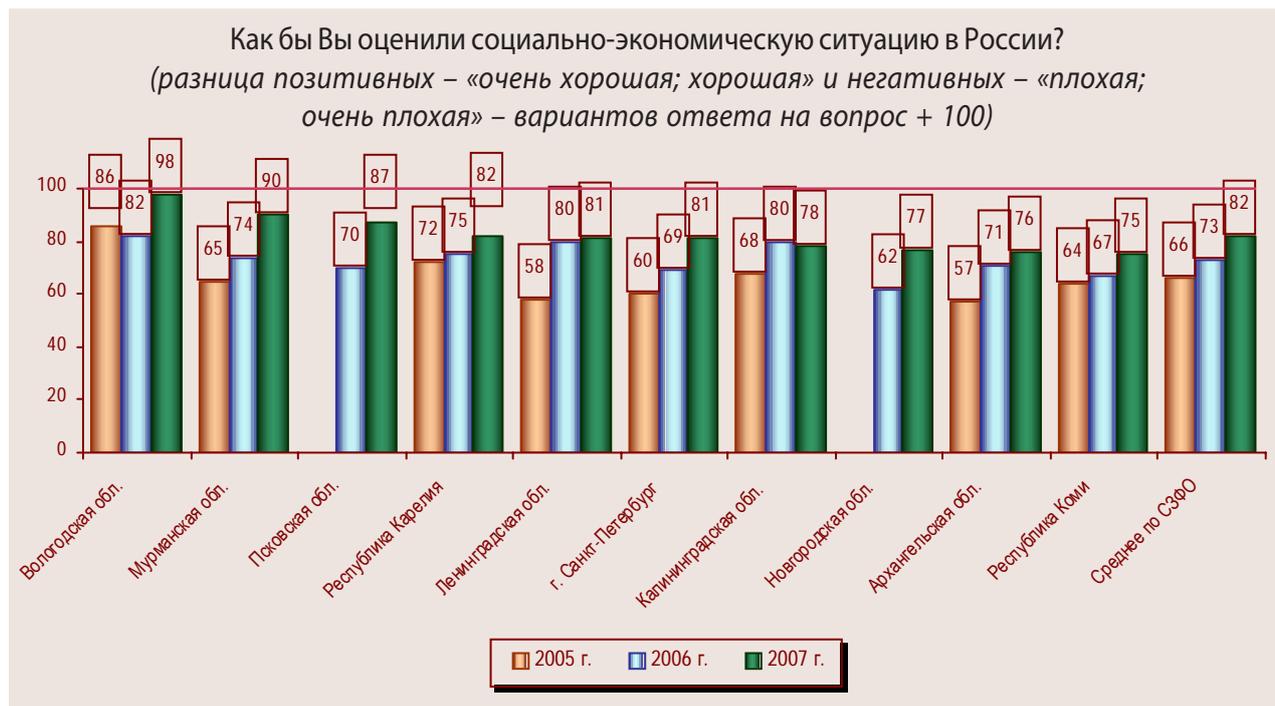
В 2005 г. было опрошено 5 062 респондента, проживающие в регионах СЗФО, за исключением Новгородской и Псковской областей. В 2006 и 2007 гг. опрашивалось 6 358 и 6 195 респондентов соответственно во всех десяти регионах СЗФО.

Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций:

- между городским и сельским населением;
- между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города);
- в соответствии с половозрастной структурой взрослого населения.

Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Принцип построения выборки – обеспечение возможности самостоятельного исследования каждого региона, входящего в состав СЗФО. В соответствии с этим объем выборочной совокупности для каждого региона составил от 400 до 625 респондентов (вероятная погрешность 4 – 5%). По Вологодской области величина выборки составляет 1 500 респондентов (погрешность 3%). Данные по округу в целом вычисляются через среднее арифметическое.

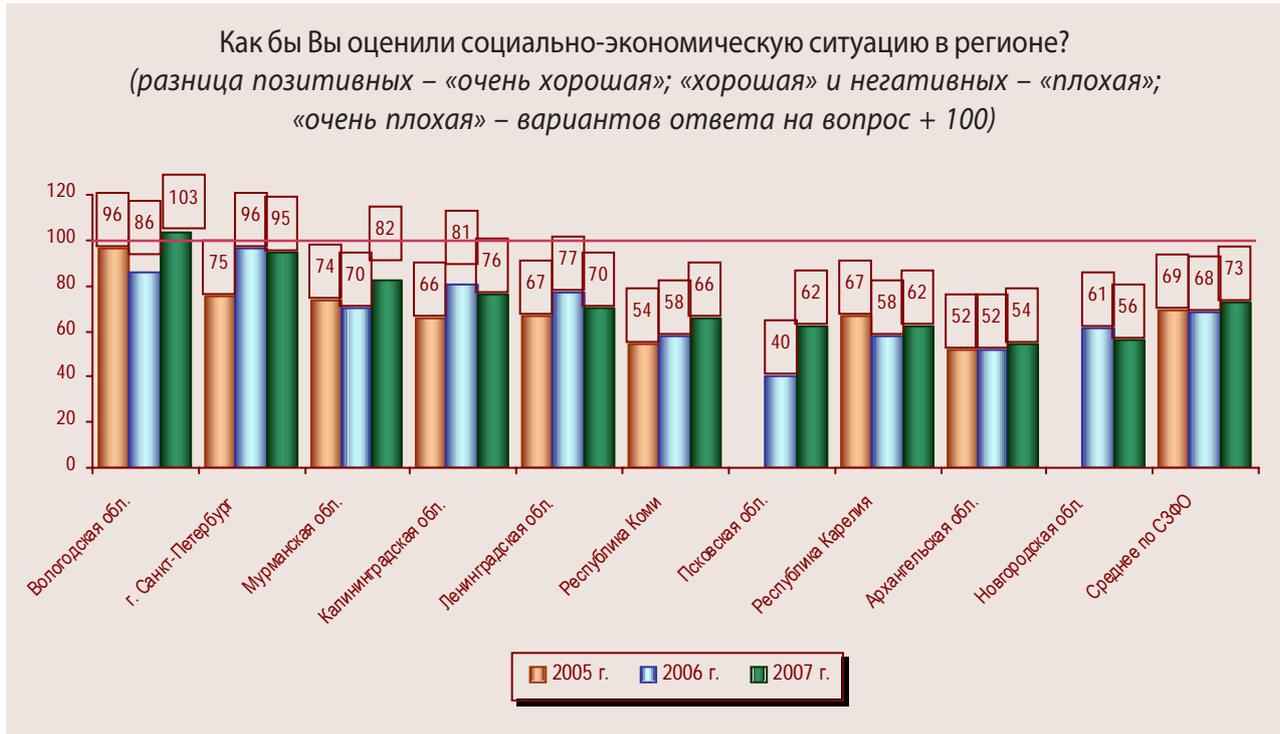
По каждому вопросу рассчитывается индекс, а регионы проранжированы от наибольшего к наименьшему его значению по 2007 г. Для определения индекса из доли положительных (по смыслу вопроса) ответов вычитается доля отрицательных, к полученному значению прибавляется 100. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, сплошь положительные – 200, равновесие первых и вторых – индекс 100, являющийся, по сути, нейтральной отметкой.

В 2007 г., как и в предыдущие годы, на всех территориях округа отмечался перевес отрицательных оценок социально-экономической ситуации в России. Выше средних по СЗФО показатели Вологодской, Мурманской, Псковской областей.

В среднем по СЗФО наблюдалось незначительное превосходство представительства негативных оценок социально-политической ситуации в стране. При этом в Мурманской, Вологодской, Псковской областях и Санкт-Петербурге преобладали позитивные суждения.

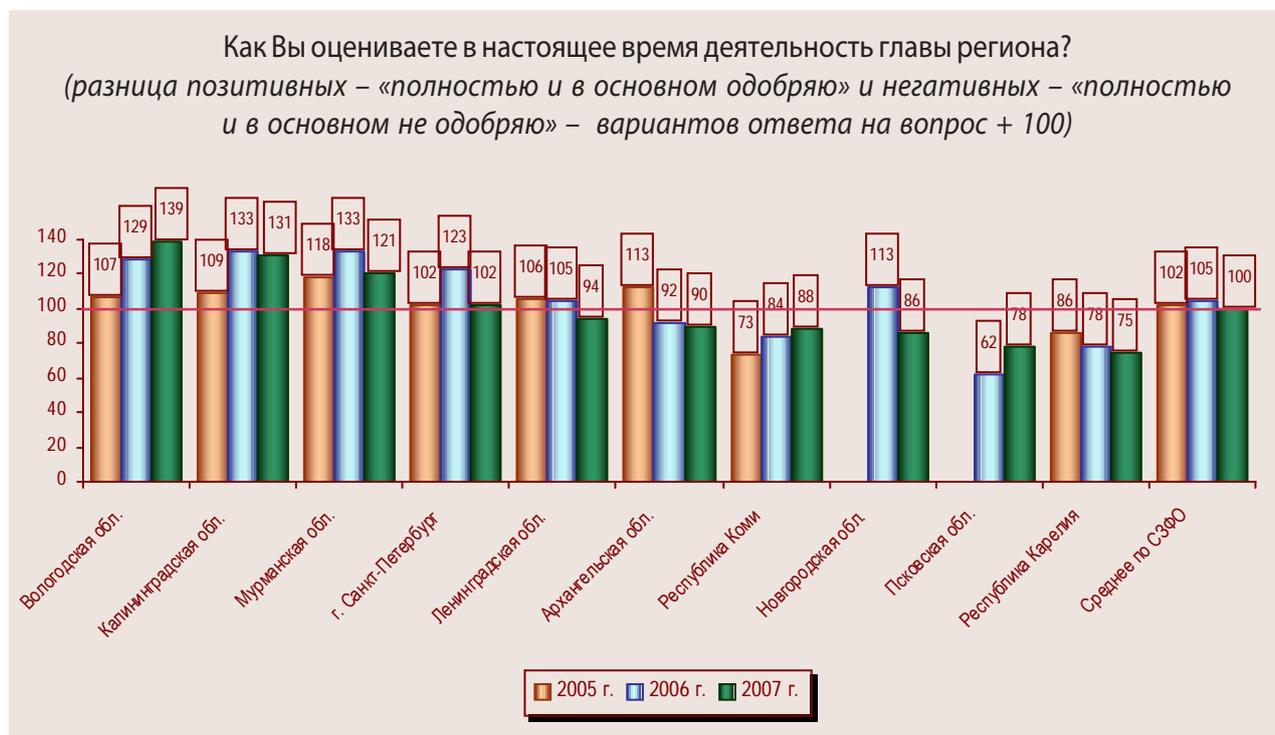
Как в среднем по СЗФО, так и на всех его территориях, за исключением Вологодской области, отмечался существенный перевес негативных оценок социально-экономической ситуации в регионе. Выше средних по округу оценки в Мурманской, Калининградской областях и Санкт-Петербурге.

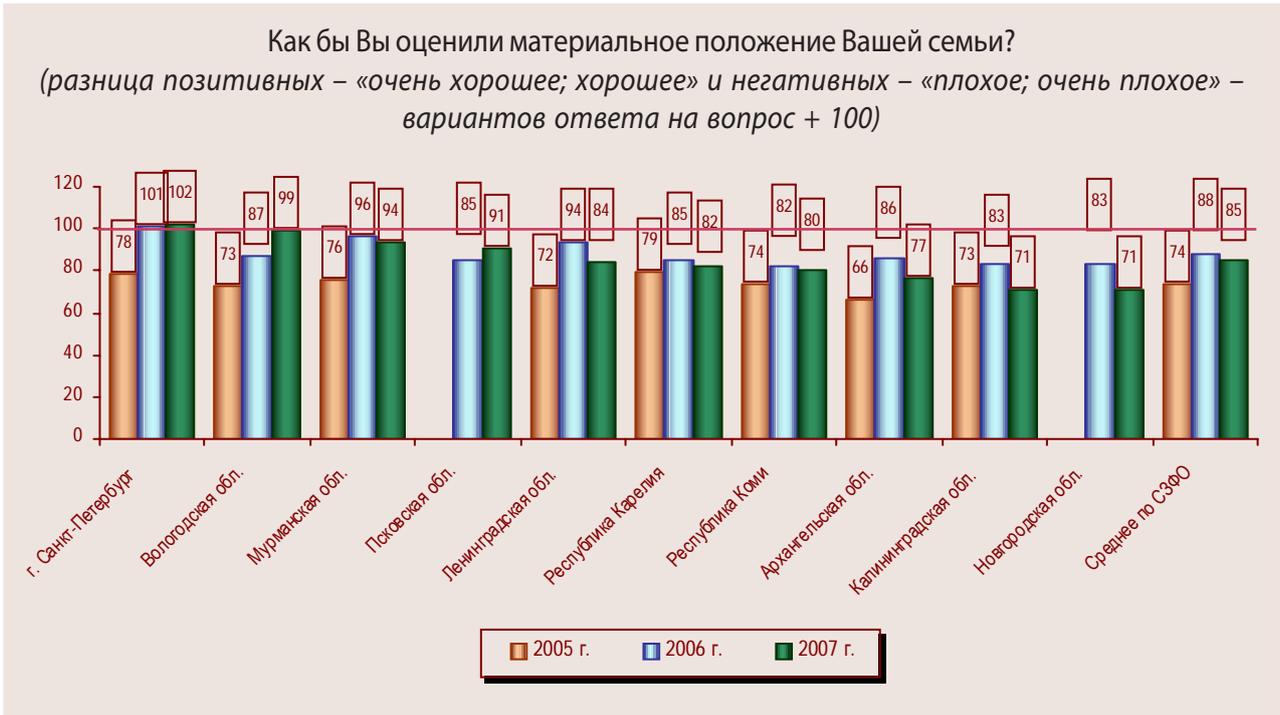
В 2007 г. во всех регионах СЗФО, кроме Архангельской и Новгородской областей, доминировали позитивные суждения населения относительно социально-политического климата в регионе. Более того, по сравнению с 2005 – 2006 гг. оценки заметно улучшились.

В 2007 г. во всех регионах СЗФО сохранился стабильно высокий уровень одобрения деятельности Президента РФ. Выше средних по округу оценки у жителей республик Карелия и Коми, а также Калининградской, Архангельской, Новгородской и Псковской областей.

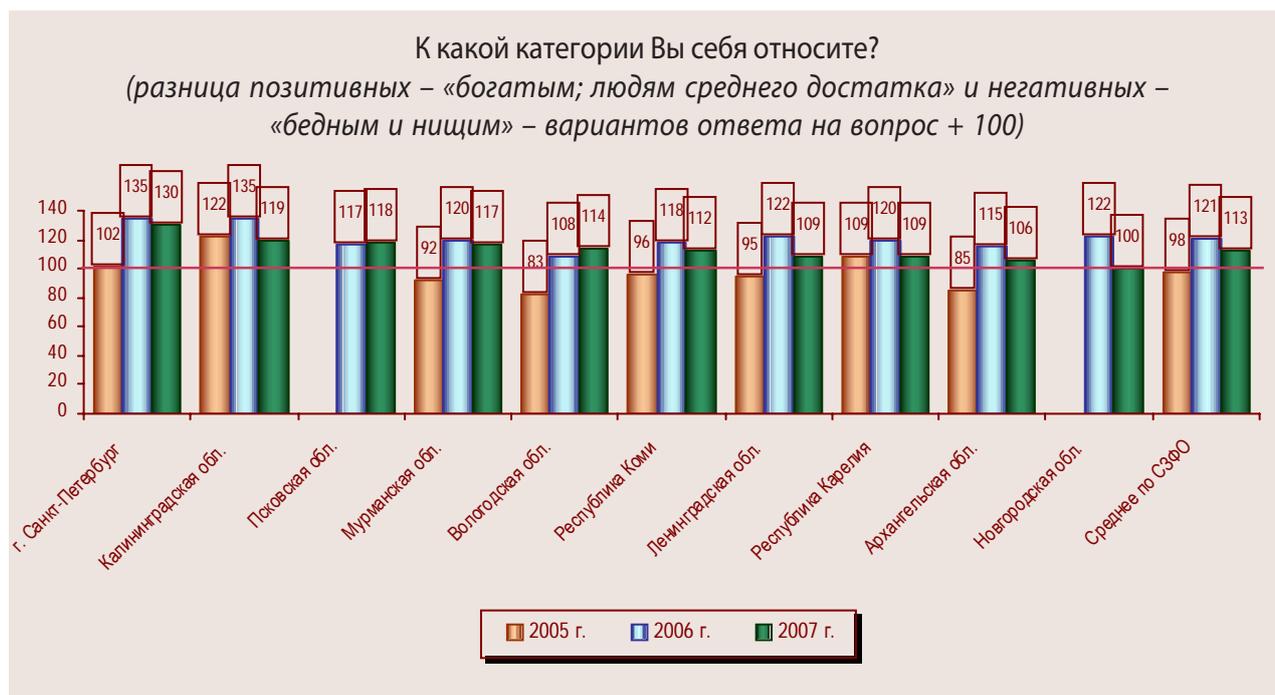
В 2007 г. в целом по СЗФО отмечался паритет позитивных и негативных оценок деятельности глав регионов. Показатели Вологодской, Калининградской, Мурманской областей и Санкт-Петербурга превосходили средние по округу. На остальных территориях наблюдался заметный перевес неодобрительных оценок.

В 2007 г., как и в предыдущие годы, во всех регионах СЗФО, за исключением Санкт-Петербурга, в оценках населением собственного материального положения оставались преобладающими отрицательные суждения. Показатель выше, чем средний по округу, был зафиксирован в Вологодской, Мурманской и Псковской областях.

В 2007 г. во всех регионах СЗФО, кроме Санкт-Петербурга, преобладающей оставалась доля тех, кому доходов хватает в основном лишь на приобретение продуктов питания. Выше средних по округу были оценки у жителей Мурманской и Ленинградской областей, Республики Карелия.

В 2007 г. на всех территориях округа (за исключением Новгородской области, где сложился паритет мнений) наблюдался положительный баланс мнений населения относительно собственного экономического статуса. Наиболее благоприятная ситуация отмечалась в Санкт-Петербурге, Калининградской, Псковской, Мурманской и Вологодской областях.

В 2007 г. в суждениях жителей всех регионов округа относительно своего настроения преобладали позитивные характеристики. Наиболее благоприятные оценки населением своего эмоционально-психологического состояния (выше средних по округу) были даны в Санкт-Петербурге, Вологодской, Псковской, Мурманской областях, Республике Карелия.

В 2007 г. в целом по СЗФО наблюдалось некоторое снижение показателя, характеризующего уровень запаса социального терпения населения. Это произошло за счет ухудшения мнений жителей Санкт-Петербурга, Архангельской, Мурманской, Псковской, Ленинградской, Новгородской областей. Вместе с тем на всех территориях округа преобладающей оставалась доля позитивных оценок.

В 2007 г. по сравнению с периодом 2005 – 2006 гг. среди населения округа зафиксировано существенное снижение протестных настроений. Наиболее благоприятные показатели (выше средних по округу) отмечались в Псковской области, Республике Карелия и Санкт-Петербурге.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Семинар по денежно-финансовым проблемам современной российской экономики (Вологда)

Приветственное слово
директора ВНКЦ В.А. Ильина

На заседании семинара

С 10 по 14 декабря 2007 года в Вологодском научно-координационном центре ЦЭМИ РАН проходила 34 сессия российско-французского семинара по денежно-финансовым проблемам современной российской экономики.

С французской стороны в нем принимали участие ведущие ученые-экономисты, сотрудники Центра моделей социально-экономического развития (СЕМІ) Высшей школы исследований по социальным наукам (EHESS) во главе с профессором *Жаком Сапиром*.

С российской стороны в семинаре участвовали сотрудники Института народнохозяйственного прогнозирования РАН во главе с директором Института академиком *В.В. Ивантером* и сотрудники Вологодского научно-координационного центра ЦЭМИ РАН во главе с директором Центра доктором экономических наук, профессором *В.А. Ильиным*.

Члены французской делегации

В первый день работы семинара гости познакомились с деятельностью Вологодского научно-координационного центра, посмотрели видеофильм на французском языке о работе Центра, встретились с руководителями подразделений. Затем состоялось заслушивание докладов и их обсуждение.

В.В. Ивантер рассказал о предварительных итогах развития российской экономики во втором полугодии 2007 года.

Ж. Сапир подробно остановился на проблемах международного финансового кризиса и его последствиях для мировой финансовой системы и российской экономики.

Заместитель директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, зав. лабораторией прогнозирования финансовых ресурсов д.э.н. *В.С. Панфилов* рассказал о мировой финансовой системе, о проблемах трансформации.

11 декабря на заседании секции было продолжено заслушивание и обсуждение докладов.

В выступлении профессора Университета Нантерр, руководителя лаборатории моделирования экономической и финансовой динамики (MODEM) Национального центра научных исследований (CNRS) доктора экономики *Франсуазы Ранверсе* была раскрыта проблема международного финансового кризиса и его влияния на французскую банковскую систему.

Профессор Университета Сержи-Понтуаз, исследователь Центра моделей социально-экономического развития Высшей школы исследований по социальным наукам *Элен Клеман-Питио* рассказала о банке развития и инвестиционном фонде, проблемах финансовой стабильности с учетом мирового опыта.

Советник Центра моделей социально-экономического развития Высшей школы исследований по социальным наукам *Жан-Пьер Паже* осветил французский опыт сети финансовых институтов.

Директор Департамента менеджмента Лионского университета *Жюльен Веркей* выступил с докладом «Европейский союз – Россия: энергозависимость и энергосотрудничество».

12 декабря состоялось выездное заседание сессии в Череповце.

Гости ознакомились с достопримечательностями города, посетили ОАО «Северсталь», Корпоративный университет.

13 декабря участники семинара побывали на Вологодском оптико-механическом заводе.

Участники семинара на занятиях в НОЦ

Посещение Корпоративного университета «Северсталь»

В.В. Ивантер и В.А. Ильин в ОАО «Северсталь»

Знакомство с продукцией Вологодского ОМЗ

В филиале СПбГИЭУ

Заседание сессии было продолжено в филиале Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, директором которого является д.э.н., профессор В.А. Ильин.

С большим вниманием был заслушан доклад заведующего лабораторией прогнозирования производства и использования конструкционных материалов Института народнохозяйственного прогнозирования РАН д.э.н. *И.А. Буданова* на тему: «Тенденции глобализации в развитии металлургии».

Семинар по проблемам инновационного развития Северо-Западного федерального округа (Санкт-Петербург)

Прошедший *1 февраля* в Санкт-Петербурге поисковый семинар «Стратегия развития комплекса «наука – образование – инновации» Северо-Западного федерального округа России до 2030 года: флагманские проекты» стал этапом разработки Стратегии развития комплекса НОИ СЗФО, которая войдет в Концепцию социально-экономического развития СЗФО до 2030 года, разрабатываемую Ассоциацией «Северо-Запад».

В работе семинара приняли участие помощник полномочного представителя Президента РФ в СЗФО *В.Н. Голощанов*; вице-президент, председатель Исполнительного комитета Ассоциации «Северо-Запад» *Е.В. Хазова*; заместитель председателя Межведомственного координационного совета при РАН по фундаментальным и прикладным исследованиям член-корреспондент РАН *В.В. Окрепилов*; руководители подразделений администраций субъектов Федерации СЗФО, отвечающие за вопросы развития науки, среднего и высшего образования и инноваций; представители региональных научных центров, эксперты.

На семинаре были обозначены стратегические направления интеграции в Северо-Западном федеральном округе; прошла презентация проекта Технологического инновационного парка; состоялось обсуждение интеграционных проектов, представленных ведущими учеными Института региональной экономики РАН, с последующей выработкой теоретико-методологической основы для развития комплекса НОИ.

Международная неделя «Балтийский бриз» (Финляндия)

В период с 10 по 13 марта делегация от Вологодского научно-координационного центра ЦЭМИ РАН (директор — д.э.н., профессор *В.А. Ильин*; зам. директора, ученый секретарь *А.Н. Зуев*; зам. директора — зав. отделом подготовки научных кадров к.э.н. *Г.В. Леонидова*; зав. отделом исследования социально-экономических проблем и управления в территориальных системах к.э.н. *Т.В. Ускова*) и филиала Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета в г. Вологде (зам. директора *М.А. Потапенко*, ст. преподаватель *Л.В. Бабич*, специалист по международным связям *Г.Б. Калугина*) участвовала в международной неделе «Балтийский бриз», проходившей в Финляндии.

Международная неделя, посвященная экономическим и экологическим проблемам прибалтийских государств, была организована Университетом прикладных наук в городах Коуволла и Котка. В ней приняли участие 45 представителей высшей школы из Латвии, Литвы, Польши, Дании, Чехословакии, Эстонии, России, Нидерландов.

Программа международной недели «Балтийский бриз» включала пленарное заседание, которое состоялось 10 марта в городе Котка, посещение мэрии, цикл лекций для студентов в течение 11 — 12 марта, посещение предприятий лесного комплекса в г. Лапеенранты.

Вологодская делегация посетила также Александровский институт Хельсинского университета. В ходе встречи с директором института профессором *Маркку Кивиненом*, ученым секретарем *Эсси Линдроосом*, менеджером проектов Центра российских и восточно-европейских исследований института *Элиной Кахла* был подписан протокол о намерениях, в котором предусмотрено в перспективе заключение договора о сотрудничестве по направлениям совместных исследований, научных обменов и взаимных творческих стажировок.

Делегация из Вологды

Директор Александровского института М. Кивинен и директор ВНКЦ ЦЭМИ РАН В.А. Ильин подписали протокол о намерениях

На открытии международной недели «Балтийский бриз» (г. Котка)

Слева: В Университете прикладных наук (г. Котка)

Справа: В Александровском институте

SUMMARY

Makarov V.L.

THE SCHEDULED START – THE IMPORTANT FACTOR OF OPTIMIZATION OF ECONOMIC DEVELOPMENT

In V. Putin's speech «About development strategy of Russia till 2020» on February, 8th, 2008 at session of the State Council large-scale problems which are necessary to solve for acceleration in the rates of economic growth and improvement of population's life quality are designated. In the following article one of key factors optimization of national economy development is considered.

Lazhentsev V.N.

DYNAMICS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE KOMI REPUBLIC

The analysis of statistical and calculation data is accompanied by key problems definition of various production spheres and republic's social life development. The author shows that attempts to define ways of their decision have the general projection to innovative economy and updating mechanisms of regional administration.

Didyk V.V.

TENDENCIES AND PROSPECTS OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE MURMANSK REGION

In the article economic and social processes in the Murmansk region during market transformations are analyzed, and also the most significant directions of prospective economic development of the region are presented.

At the analysis of social and economic processes peculiarities of structural changes and their dynamics are considered, the basic unresolved problems are singled out; the estimation of the basic conditions of realization of the contemplated processes is given.

Valentey S.D., Habrieva T.Y. and osh.

PROBLEMS OF LOCAL BUDGETING AND MUNICIPAL PROPERTY

In the beginning of current year it is published the report «Problems and prospects of municipal reform in Russian Federation», prepared under direction of D. in Economics S.Valentey and D. in law T. Habrieva D. by collective of authors: Ph.D. in Economics E. Aleksandrova, D in law, prof. L.Andrichenoko, D. in Economics, prof. E. Buchval'd, D. in law, prof. V. Vasil'iev, Ph.D. in law V. Lafitskiy, D. in Economics, prof. L. Lykova, Ph.D. in Economics A. Odintsova. It's made one of the first attempts in domestic science to carry out the system analysis of results of the initial stage of municipal reform in the report. Mechanisms of increase of its productivity are offered. It's proved the necessity of wider conceptual substantiation of the reform.

Larichkin F.D.

COMPLEX ECOLOGICALLY-BALANCED NATURAL RESOURCES UTILIZATION – THE BASIS OF NORTH REGIONS DEVELOPMENT

The article under consideration proves the high importance of rational subsurface use for economic growth, improving efficiency and ecologization of the Russian economy. The author confirms that nature conservation in conditions of steady development represents the complex of closely interconnected technological, biological, legislative and some other principles and decisions. In his opinion, it assumes the necessity of state support and regulation of comprehensive development and use of mineral resources.

Tuinova S.S.

THE PROSPECTIVE WAYS FOR PREDICTION OF ENERGY CONSUMPTION ON NORTH

In this article the results of investigation of modern economic condition of energy branch development in Russia and particularly in Murmansk region are given. The factors of energy-carries demand forming are defined. The analysis of methods for energy consumption forecast is fulfilled. The approach to estimation of perspective energy consumption is developed and on its base the prognosis of electricity consumption in Murmansk region up till 2020 is made.

Yogman L.G.

STRATEGY OF REGION'S ECONOMY DIVERSIFICATION

The article under consideration proves the necessity of structural modernization of the Vologda region economics. It is revealed the industrial politics priorities, on which basis a fuller use of the region's competitive advantages is possible. It is represented the content of the forming program in region the new industrial clusters, providing active promotion to innovative development of regional economic system.

Uskova T.V.

DEVELOPMENT OF THE REGIONAL CLUSTER SYSTEMS

In the article theoretical and methodological approaches to creation of the regional cluster systems being the most adequate economic forms of management in market conditions and also the modern mechanisms of increasing of competitiveness of the regional economy are considered. Prerequisites and conditions of the creation of clusters are revealed, and also the technology of the formation of clusters in the region is offered.

Shabunova A.A., Rybakova N.A., Chekmareva E.A., Morev M.V.

REGIONAL MORTALITY FEATURES

In the article the mortality features in the Vologda region are considered, the analysis of principal causes of mortality is made, risk factors of heavy mortality are revealed, and measures on decrease of its influence are offered.

К сведению авторов

Предлагаемые статьи должны содержать результаты исследований, обладающие новизной и практической направленностью, являться доступными по форме изложения для широкого круга читателей, соответствовать научной направленности журнала (экономические и социологические науки).

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений; качество предоставляемого графического материала; а также за то, чтобы в статье не содержалось данных, не подлежащих открытой публикации.

Объем статьи – не более 40 000 знаков (1 а.л.), включая пробелы и сноски, для докторов и кандидатов наук (в том числе при соавторе, не имеющем ученой степени) и не более 20 000 знаков (0,5 а.л.) – для остальных авторов. Исключения по объему возможны только по предварительной договоренности с редакцией.

Автор представляет текст статьи и сопроводительные сведения в печатном виде по почте (2 экз., на одной стороне листа) и идентичные материалы по электронной почте. Печатный вариант подписывается автором (авторами).

Автор представляет текст статьи в формате Microsoft Word в соответствии со следующими параметрами: шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5, сноски в порядке упоминания в тексте в конце текста арабскими цифрами. Графики и диаграммы для электронного варианта статьи выполняются в программе Excel и даются отдельным файлом, который должен содержать не только графики и диаграммы, но и исходные данные (таблицы). Блок-схемы оформляются в программах Microsoft Word или VISIO-2003.

Статью должны сопровождать **аннотации** (7–10 строк), **ключевые слова** и **библиографические списки на русском и английском языках**.

К статье должны прилагаться **сведения об авторе** (авторах) с указанием Ф.И.О. (полностью), ученой степени, звания, места (официальное наименование) и адреса работы, должности, служ. и дом. телефонов, **электронного адреса**.

К электронному варианту статьи должна быть приложена четкая цветная **фотография** автора (авторов) размером 4 на 6 см в формате tif (предпочтительно) или jpeg, разрешением 300 dpi.

Рукописи следует направлять почтой по адресу:

160014, Вологда, ул. Горького 56а, ВНКЦ ЦЭМИ РАН, редакция журнала (с пометкой «Для публикации в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»),

а также на электронный адрес: common@vscc.ac.ru

Факс: (8172) 54-44-02.

Тел. (8172) 54-43-95 (доб. 313).

При полной или частичной перепечатке рукописей в другом издании обязательна ссылка на журнал.

Все рукописи подлежат рецензированию.

С электронной версией журнала можно ознакомиться по адресу: www.jn.vscc.ac.ru

Редакционная подготовка	Л. Н. Воронина
Оригинал-макет	А. А. Воробьева
Корректор	Л. В. Зарубалова

Подписано в печать 08.04.2008 г.
Формат 60x84/₈. Печать цифровая. Усл. печ. л. 14,5.
Уч. изд. л. 16,25. Тираж 500 экз. Заказ №145.

Учредитель: Вологодский научно-координационный центр
Центрального экономико-математического института Российской академии наук

Адрес издателя: 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ВНКЦ ЦЭМИ РАН

Оригинал-макет подготовлен и отпечатан в ВНКЦ ЦЭМИ РАН

Обложка отпечатана в ООО ПФ «Полиграфист»
(160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3)